

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Кустова Елена Витальевна

**Органы самоуправления в структуре
провинциального города дореформенной России
(на материалах деятельности Вятской городской думы
1793-1870 гг.)**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Специальность 07.00.02. - отечественная история

Научный руководитель:
д.и.н., профессор Бердинских
Виктор Аркадьевич

Киров 2004

Содержание

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЯТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1793-1870 ГГ.	
1.1. Организационная структура, компетенция и социальный состав городского дореформенного самоуправления	23
1.2. Качественные характеристики выборных должностных лиц городского самоуправления	44
1.3. Проблемы взаимодействия местного административно- полицейского аппарата и городского самоуправления	73
1.4. Структура городского бюджета и основные источники доходов	105
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЯТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1793-1870 ГГ.	
2.1. Деятельность думы в сфере развития городского благоустройства и хозяйства	126
2.2. Вятская дума и проблемы социально-экономического развития города	157
2.3. Роль городской думы в развитии образования и здравоохранения	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199
ПРИМЕЧАНИЯ	206
ПРИЛОЖЕНИЕ	239
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	258
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	276

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Проблема местного самоуправления сегодня вновь возвращается в сферу научных исследований. К его изучению подталкивают современные процессы регионализации, которые во всей полноте проявились в 90-е гг. XX столетия. Далеко не все регионы сумели реализовать полученный от центра объем прав и полномочий. Встал вопрос о создании в городах эффективной системы муниципального управления для решения местных задач. Традиционные для Западной Европы широкие полномочия местного самоуправления не имеют в нашей стране глубоких исторических корней. Поэтому в преобразованиях муниципального управления невозможно обойтись без всестороннего изучения не только зарубежного, но и отечественного опыта, который бы отражал специфику функционирования подобных органов в России. В этом отношении дореформенное городское самоуправление представляет различные варианты поиска оптимального баланса государственных, местных и сословных интересов.

Первоочередной же интерес вопросы дореформенного городского самоуправления представляют для исторической науки, где они оказались освещены крайне слабо по сравнению с пореформенным периодом. Сегодня практически отсутствуют обобщающие работы по данной тематике, что, в свою очередь, обусловлено незначительным числом конкретных исследований. Свой вклад в решение этой задачи внесет разработка пока еще не изученной темы городского самоуправления Вятки (1793-1870 гг.). Процессы, протекавшие в Вятке, были более типичны для страны в целом, чем аналогичные процессы и явления, имевшие место в Москве и С.-Петербурге. В этом случае изучение деятельности Вятской городской думы имеет большое значение для проведения сравнений по теме и создания обобщающих работ.

Объектом настоящей работы является городское самоуправление г.Вятки в дореформенный период.

Предметом исследования выступает деятельность вятской городской думы (1793-1870) в контексте города как целостного явления в его административно-политических, социально-экономических и социокультурных связях.

Хронологические и территориальные рамки исследования. В работе рассматривается деятельность Вятской городской думы в период действия Городового положения 1785 г., вплоть до введения нового Городового положения 1870 г. Нижний хронологический рубеж определяется годом основания Вятской городской думы (1793 г.).

Вятка избрана как губернский город Европейской России. Деятельность дореформенных дум в указанном регионе слабо изучена по сравнению с сибирскими и столичными городами. Вятка является представительницей недворянских губерний, характерных для Русского Севера и Приуралья. Подобное исследование необходимо для проведения дальнейших сравнений и обобщений по теме.

Цель исследования – комплексно изучить развитие городского дореформенного самоуправления, его роль в решении местных и государственных задач на примере деятельности городской думы губернского провинциального города.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

- 1) рассмотреть правовое положение городской думы, ее функции, права и обязанности в дореформенный период;
- 2) изучить основные направления деятельности вятской городской думы и показать ее роль в решении местных и государственных задач;
- 3) выявить степень практической реализации компетенции думы, определенной законодательством;

4) проанализировать основные факторы развития городского самоуправления и их влияние на деятельность городской думы. В частности:

- исследовать социальную структуру города и думы, а также социокультурные характеристики горожан, оказавшие влияние на эффективность работы городского самоуправления;
- оценить экономические возможности общественного управления;
- изучить характер взаимодействия органов городского управления и самоуправления;
- проследить взаимодействие и соотношение общественных и государственных тенденций в городском дореформенном самоуправлении на фоне эволюции правительственной политики.

Методологической основой исследования является системный подход в традициях школы «градovedения» (И.Гревс, Н.Анциферов). Он предполагает комплексное изучение событий и процессов городской жизни через призму города как целостного явления исторического процесса¹.

При работе над диссертацией автор руководствовался научными принципами объективности и историзма. Принцип историзма предусматривает изучение исторических явлений и процессов в их развитии и взаимосвязи. Принцип объективности требует анализа различных факторов, влияющих на ход исторических процессов, критической оценки различных мнений исследователей и современников событий по данному вопросу. Также он предполагает использование широкого круга источников, комплексного охвата всей совокупности фактов и строгое следование им.

В качестве **прикладных методов** были использованы историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, социально-психологический методы, а также метод количественного анализа. Историко-системный метод применялся при рассмотрении городской думы как составной части городского управления. Историко-сравнительный был

необходим при сопоставлении системы самоуправления Вятки с другими российскими городами. Историко-генетический метод использовался при изучении эволюции самоуправления на протяжении дореформенного периода. Социально-психологический метод стал основным при изучении менталитета горожан и их отношения к городскому самоуправлению. Методы количественного анализа применялись при изучении городского бюджета и государственных повинностей.

Степень изученности проблемы.

Самоуправление г.Вятки конца XVIII - первой половины XIX в. не было предметом специального исследования. Этот вопрос оказался обойден и в обобщающих работах по Вятке и Вятскому краю². В этих условиях большое значение приобретает опыт исторических исследований, посвященных общим вопросам городского дореформенного самоуправления. Различные методологические подходы позволяют сегодня создать общее проблемное поле, которое может быть положено в основу конкретно-исторического исследования.

Сложность историографического анализа обусловлена тем, что изучение местного самоуправления тянет за собой целый комплекс других проблем, от интерпретации которых зависит понимание самоуправления. К ним, в частности, относятся вопросы социально-экономического и культурного развития городов, формирования городского сословия, приживаемости в России западных моделей государственного и общественного устройства, взаимодействия общинного и государственного начала, модернизации России и др.

Проблема самоуправления стала предметом специального изучения в России только в XIX в. Первые исследователи городского дореформенного самоуправления (Л.О.Плошинский, П.А.Муллов, А.Пригара, А.Лохвицкий³) рассматривали историю русских городов через призму правительственной политики. Исключительно на основе законодательства они изучали правовое положение городского населения и системы

городского самоуправления. Значение законодательства Екатерины II они видели в четком юридическом оформлении существующих сословий, их прав и обязанностей. Но конкретная реализация городского законодательства оказалась обойдена ими стороной.

С началом буржуазных реформ в России в отечественной историографии на первый план стали выходить либеральные историки. Они проявляли особый интерес к местному самоуправлению, в котором нередко видели ступеньку для введения представительных органов власти, росток правового государства в России. Так, вскоре после земской реформы появились исследования, в которых анализировалось не только правовое положение органов самоуправления, но и их практическая деятельность.

Наиболее значительные работы этого периода принадлежат творчеству представителя «государственного» направления исторической науки А.Д.Градовского⁴, его ученика И.И.Дитятин⁵ и развившего их идеи А.А.Кизеветтера⁶. Выводы Дитятин и Кизеветтера основывались на широкой законодательной и архивной источниковой базе. Они изучили создание Городового положения, его основные источники, провели анализ законодательства. Но главное - ими впервые была прослежена конкретная реализация городского законодательства преимущественно на примере деятельности дореформенного самоуправления С.-Петербурга (Дитятин) и городов Московской губернии конца XVIII в. (Кизеветтер).

Взгляды данных историков во многом перекликались, поэтому с некоторым приближением их можно свести к следующим положениям. Для эффективного управления государство должно было, по их мнению, передать часть своих функций органам местного самоуправления, превратив их, тем самым, во властные органы. При этом мера ответственности должна быть прямо пропорциональна самостоятельности этих учреждений. «Жалованную грамоту городам» (1785), которая провозгласила город юридическим лицом с определенными правами

автономии, они считали крупным шагом в развитии городского самоуправления. Благодаря ей новые органы самоуправления получили широкую компетенцию, в основу их деятельности были положены принципы независимости и сословности. Самоуправление ожидало великое предназначение⁷.

Но красивые принципы, по общему замечанию этих историков, остались на бумаге. В течение всего дореформенного периода наблюдался постепенный упадок городского общественного управления, созданного Екатериной II. Ряд существенных причин стал помехой в реализации провозглашенных принципов:

- 1) сам закон был плохо отредактирован, он не провел четких границ в компетенции местных органов управления и самоуправления; это приводило к постоянным конфликтным ситуациям, а также к постепенной передаче самоуправлением своих функций полиции и государственным комитетам;
- 2) принцип сословности не соответствовал реальным историческим условиям России, где господствовало крепостное право, и существовала сильная социальная дифференциация; в российском обществе процесс сближения сословий происходил крайне медленно, поэтому «сословные» органы городского самоуправления на деле оставались купеческо-мещанскими;
- 3) принцип независимости не мог быть реализован из-за чрезмерной опеки административно-полицейских органов, особенно в вопросах бюджета. Это вытекало из исторических особенностей России. Здесь, в отличие от Западной Европы, инициатива создания подобных учреждений принадлежала не обществу (из-за отсутствия «среднего сословия»), а государству. В конечном счете, это привело к бездействию городского самоуправления и отрыву этих органов от местного сообщества;

4) кроме того, И.Дитятин выделил еще одну существенную причину – неготовность городских обществ к работе в новых органах самоуправления из-за крайне низкого культурного и экономического уровня развития.

Труды Дитятина, Градовского, Кизеветтера, а также ряда других дореволюционных исследователей, не потеряли и сегодня своего значения. На их выводах основываются лучшие работы отечественных и зарубежных ученых⁸. В то же время следует помнить, что они были сделаны преимущественно на основе анализа столичных органов городского управления, обладавших немалой спецификой, поэтому не могут автоматически переноситься на все российские города. В этом отношении дореволюционная историография, благодаря авторитету своих авторов, заложила прочную традицию негативной оценки городского самоуправления первой половины XIX в., что способствовало падению интереса исследователей к этому вопросу.

К сожалению, большинство работ советских историков, где затрагивался этот вопрос, не носили характера самостоятельных исследований. В 1920-70-е гг. проблема самоуправления потеряла свою актуальность. Эта тема затрагивалась при изучении политики государства и социально-экономического развития страны, а также в научно-популярной и учебной литературе⁹. В работах давались, как правило, общие оценки, опирающиеся на дореволюционные исследования и ленинскую характеристику органов самоуправления как средневековых и крепостнических¹⁰. Авторы практически не использовали архивный материал, или применяли его очень выборочно, исходя из конъюнктурных соображений.

Следуя классовому подходу, многие советские исследователи (А.Шефер, С.Б.Окунь, Н.П.Ерошкин и др.) полагали, что самодержавие отстаивало интересы исключительно одного дворянства. Существовавшая политическая система не позволяла реализовать широкие принципы самоуправления горожан, заложенные в Городовом положении 1785 г. В

результате городское общественное управление оказалось под опекой местного дворянства, испытывая на себе сильное давление губернатора и чиновников, и постепенно превратилось в низшее звено государственного аппарата. Таким образом, новая система органов городского самоуправления мало отличалась от предшествующей, по-прежнему исполняя государственные, узко-сословные и низшие хозяйственные функции в городе, оставаясь податным механизмом в руках государства. Но, делая выводы о невозможности существования широкого самоуправления в рамках самодержавия, данные исследователи так и не ответили на вопросы: зачем же оно было введено, как обстояло дело в тех городах, где дворянство было слабо представлено, и что конкретно было сделано органами общественного управления для решения местных и государственных задач.

В то же время в советской историографии был создан ряд фундаментальных работ, посвященных русским дореформенным городам. Несмотря на различие в выводах, их объединяет глубокий социально-экономический анализ. Первым крупным исследователем в этой области стал П.Г.Рындзюнский¹¹. Как и предшествующая группа историков, он считал городское дореформенное самоуправление крайне слабым и неэффективным. Но причина этого виделась ему не только во всесии дворянской бюрократии. По мнению исследователя, сами города не были готовы к введению подобных органов; это был преждевременный шаг Екатерины II. Разбирая причины неэффективности дореформенного самоуправления, он делал упор на бедность и экономическую неразвитость русских городов. Это изначально предопределило ограниченность бюджета, а, следовательно, и возможностей в решении местных задач. Кроме того, сами горожане не были готовы к участию в городском самоуправлении, не обладая необходимым культурным и образовательным уровнем для управления подобными органами. Позднее этот же вывод, на основе анализа отчетов правительства сделала и В.А.Нардова¹². Таким

образом, новые органы самоуправления оказались малоэффективными и дорогостоящими. Они превратились для городов в очередную повинность и быстро вызвали равнодушие горожан. Следует заметить, что, несмотря на активное привлечение архивных материалов (преимущественно центральных архивов), в своих рассуждениях и выводах, касающихся городского самоуправления, Рындзюнский в основном следовал дореволюционным работам И.И.Дитяткина¹³.

Иная оценка развития дореформенных городов дается в работах Б.Б.Кафенгауза и Ю.Р.Клокмана¹⁴. По их мнению, введенное «Жалованной грамотой городам» городское самоуправление не являлось искусственным насаждением правительства. Это была вынужденная уступка самодержавия нарождающимся капиталистическим элементам. Она вполне соответствовала современным тенденциям социально-экономического развития. Новая система самоуправления укрепила положение формирующейся буржуазии в городском обществе. В то же время эти исследователи признавали зависимость созданных учреждений от местной администрации, а также ограниченность их финансовой базы, ссылаясь в своих выводах на дореволюционные работы А.А.Кизеветтера.

Более дифференцированный подход к этому вопросу, основанный на глубоком конкретном изучении сибирских городов, появился на рубеже 1970-80-х гг. в работах В.В.Рабцевич¹⁵. Широко используя не только центральные, но и местные архивные материалы, она также полагала, что шаги Екатерины II соответствовали современным социально-экономическим процессам. Но города сильно отличались по своему развитию. Там, где уровень экономического развития был достаточно высок, введение новых учреждений общественного управления действительно являлось уступкой буржуазным элементам, которые приняли в них активное участие. Но большинство малых городов оказалось не готово к подобным органам, которые превратились для них в дополнительную повинность. Кроме того, Рабцевич принадлежит изучение

новых аспектов дореформенного самоуправления. На примере сибирских городов она детально проанализировала структуру органов местного самоуправления дореформенного периода через призму исполняемых ими функций, а также их социальный состав. К сожалению, конкретная деятельность этих учреждений в целом свелась к перечислению функций, а ее оценка оказалась очень общей.

Если советские историки сосредоточили свое внимание на изучении экономики города и его социальной структуры, то *западных ученых* интересовало преимущественно правовое положение горожан и развитие городских корпораций. При оценке городского дореформенного самоуправления первой половины XIX в. исследователи нередко ориентировались на методологию М.Вебера. В западной историографии утвердилось мнение, что русский доиндустриальный город был ближе к восточному типу города, чем к западному. Он не осуществлял освободительной миссии в отношении людей, находящихся в крепостной зависимости. Более того, по мнению западных ученых сами горожане не испытывали потребности устроить свой общественный быт на принципах свободы и самоуправления. Вместо свободного единого гражданства в русских городах существовал союз людей, искусственно и принудительно объединенных общими обязанностями и повинностями. Русские горожане имели особый небуржуазный менталитет и своим образом жизни вплоть до буржуазных реформ мало отличались от деревенских жителей¹⁶.

В целом, для западной историографии была характерна точка зрения, что введение широкого самоуправления являлось для русских городов преждевременным шагом. Делая выводы о слабости, малозначительности и зависимости органов городского самоуправления, исследователи видели причину этого в экономической отсталости городов¹⁷, в слабости и малочисленности «среднего сословия»¹⁸, а также в несоответствии подобных учреждений русским традициям¹⁹. В конкретных примерах и

выводах исследователи следовали, как правило, дореволюционным работам Дитягина и Кизеветтера.

Тем не менее, в последней четверти XX в. в зарубежной историографии наметилась тенденция к пересмотру прежних оценок. Так, американский исследователь Р.С.Джоунс полагает, что предложенный вариант самоуправления с государственной системой контроля соответствовал сложившимся историческим условиям. Правительство Екатерины II, по мнению автора, должно было стать наставником формирующейся буржуазии и городского гражданства. Оно полагало, что нарождающееся городское сословие еще недостаточно развито, поэтому предоставило горожанам право решать местные задачи под присмотром «отеческого» государства. Постепенно они должны были превратиться в зрелых граждан, научиться самодеятельности. Императрица желала сохранить традиционную роль государства в управлении посада, пока город не превратится в более рациональную общину буржуазного типа²⁰.

Немецкий историк М.Хильдермайер также полагает, что в результате преобразований 1775-85 гг., в том числе предоставив горожанам ограниченное право на самоуправление, правительство создало институты и правовые предпосылки для экономической и юридической консолидации граждан в среднее сословие, т.е. буржуазное третье сословие²¹. По мнению другого американского ученого М.Хиттла, горожане не были пассивным орудием в руках государства, а играли достаточно активную роль в жизни города²².

Таким образом, в указанных исследованиях главное предназначение самоуправления виделось авторам не столько в решении государственных и местных задач, сколько в консолидации и укреплении городского сословия. С данной задачей правительство, по их мнению, справилось достаточно успешно.

В современной отечественной историографии, особенно в учебной литературе, как правило, повторяются выводы дореволюционных и

советских ученых. Говорится о полной зависимости городских дум от администрации и полиции, второстепенности решаемых ими дел²³, слабости русской буржуазии²⁴, отсутствии четкого разграничения между функциями государственного управления и общественного самоуправления²⁵, ограничении городов в распоряжении собственными средствами²⁶.

В то же время, в ряде работ наметилась тенденция к пересмотру оценки «Жалованной грамоты городам» и созданного ею городского дореформенного самоуправления. Рассматривая социально-экономическое развитие русского дореформенного города, Б.Миронов полагает, что горожане в XVII-XVIII вв. вполне сформировались как сословие. Оно обладало общими интересами, добивалось корпоративных прав и привилегий, коллективно защищало имеющиеся права²⁷. Кроме того, правительство не располагало ни средствами, ни кадрами, чтобы полностью взять управление городами в свои руки. Местный административный аппарат был в состоянии исполнять только контролирующие функции над городским самоуправлением. Вся исполнительная и в значительной степени полицейская и судебная власть находились в руках выборных представителей городского общества. Вне сферы прямого вмешательства государства оставалось значительное количество местных дел. В этом случае утверждение о жалком состоянии общественного самоуправления в русском городе XVIII – первой половины XIX в. не соответствует действительности, являясь историографическим стереотипом²⁸.

Л.Ф.Писарькова, являясь специалистом по деятельности Московской городской пореформенной думы, затронула в своих работах вопросы эволюции дореформенной системы самоуправления. Она высоко оценивает Городовое положение 1785 г., считая его уникальным явлением в русском городском законодательстве. Такого широкого представительства в городском общественном управлении не знало не только предшествующее,

но и последующее законодательство вплоть до апреля 1917 г. По ее мнению, государственный тип самоуправления (контроль со стороны государства, реализация государственных интересов) более соответствовал историческим условиям и традициям развития самоуправления в России, чем общественная теория. Но в самой реализации «Жалованной грамоты городам» она усматривает много неудач, полностью полагаясь на выводы Дитятина и Кизеветтера²⁹.

А.Б.Каменский стремится пересмотреть негативную оценку Городового положения 1785 г. Рассматривая сословные реформы Екатерины II, он полагает, что если «Жалованная грамота дворянству» фиксировала в основном права существующего сословия, то «Жалованная грамота городам», напротив, должна была способствовать процессам формирования сословия, только еще возникающего. В этом случае она вполне справилась со своей задачей. По его мнению, введенная система органов сословного самоуправления отвечала чаяниям и нуждам горожан. Хотя складывание представлений о важности участия в подобных органах шло медленно и непросто. В целом же, Городовое положение внедряло нормы, соответствовавшие в той или иной степени существующим процессам³⁰.

Однако практически во всех перечисленных выше работах предлагаются лишь общие оценки дореформенного самоуправления, без анализа реальной деятельности городских дум. Среди немногочисленных конкретных исследований выделяются работы по истории сибирских городов³¹. Они позволили поставить под сомнение утвердившееся в историографии представление о слабости и незначительности дореформенного самоуправления. Так, по мнению А.И.Куприянова, несмотря на контроль со стороны государства, «у городского главы, бургомистров, ратманов и некоторых других должностных лиц был значительный объем власти, особенно в финансовых вопросах, в регулировании хозяйственных занятий горожан, в административном

надзоре над жителями из податных слоев». Он пришел к выводу, что далеко не все сибирские обыватели пассивно относились к новым органам самоуправления, нередко видя в общественном управлении защитника своих интересов³².

В современных исследованиях сибирских городов (А.Куприянова, В.Рабцевич, В.Шахерова, В.Бойко и др.) проводится мысль, что в городах, достигших сравнительно высокого социально-экономического уровня развития (при условии, что в них была высока доля податного городского населения в общей численности жителей) авторитет органов городского самоуправления и престиж выборных должностей был выше, чем в целом по России. Городские думы в Сибири далеко не всегда были послушными исполнителями указаний местной администрации. Нередко они противоборствовали чиновникам, выступали против их вмешательства в городские дела. Заинтересованность в думах проявляла, прежде всего, верхушка торгово-промышленного населения, которая использовала органы самоуправления не только для решения общегородских дел, но и в своих сословных интересах³³. Кроме того, в рамках культурно-антропологического подхода, Куприянов и Бойко проанализировали отношение сибиряков к органам городского самоуправления, уровень их образования и правовой культуры, влияние ментальности горожан на решение местных задач³⁴.

Кроме того, существуют немногочисленные публикации по городам Европейской России. Но они, в основном, носят описательный характер или затрагивают только отдельные аспекты деятельности городских дореформенных дум³⁵.

Тема городского самоуправления Вятки не получила освещения в литературе, за исключением небольшого очерка В.П.Юрьева, опубликованного в конце XIX в.³⁶. Он был посвящен общественному управлению в период царствования Екатерины II и затрагивал первые четыре года деятельности думы (1793-96 гг.). Несмотря на то, что автор

опирался на архивные материалы, в его работе немало неточностей и ошибок, а работа, в целом, носит описательный характер. В обобщающих работах по истории Вятки этот вопрос не рассматривался, не говоря уже о специальном изучении этой проблемы. Только в работах А.Г.Тинского затрагиваются вопросы деятельности думы в области городского благоустройства³⁷.

Завершая обзор историографии, следует отметить, что дореформенное самоуправление редко становилось предметом специального исследования. В большинстве работ деятельность городских дум затрагивалась косвенно, преимущественно при рассмотрении проблем формирования городского сословия. Еще более немногочисленными были конкретные исследования по теме.

Несмотря на изучение ряда аспектов указанной темы и некоторые достижения в этом вопросе, следует отметить ряд слабых мест, характерных для многих работ. Преобладающая негативная оценка дореформенного городского самоуправления, превратившаяся со временем в историографический стереотип, далеко не всегда подтверждалась архивными материалами. Кроме того, при изучении городских дум использовались преимущественно материалы центральных архивов, которые не позволяют воссоздать полноту картины. В то же время, выводы, сделанные на основе изучения столичных городов, нередко распространялись на все российские города, что далеко не всегда правомерно.

При сравнении дореформенного российского самоуправления с западноевропейскими образцами не в полной мере учитывались особенности исторического развития самоуправления в России. Утвердившаяся в западной историографии либеральная концепция дает одностороннее решение проблемы соотношения государственных, местных и сословных интересов. Не случайно в дореволюционных и западных исследованиях нередко происходило смешение понятия

эффективности городского самоуправления с принципами самостоятельности и всесословности, которые не были в полной мере реализованы в городском дореформенном самоуправлении.

Поскольку значительные исследования проведены только по столичным и сибирским городам, назрела необходимость изучения провинциального городского самоуправления Европейской России, чтобы подтвердить или опровергнуть выдвинутые ранее положения и концепции.

Источниковая база исследования богата и разнообразна. В основе исследования лежит делопроизводственная документация государственных органов власти и учреждений местного самоуправления. Наиболее подробная информация находится в фондах Государственного архива Кировской области (ГАКО). В первую очередь это фонды Вятской городской думы (Ф. 630) и Вятской городской управы (Ф. 628). Здесь содержатся журналы заседаний и отдельные дела, которые отражают основные направления деятельности городской думы, а также приходно-расходные книги. Фонд канцелярии губернатора (Ф. 582) и губернского правления (Ф. 583) раскрывают проблемы взаимодействия органов самоуправления с местной администрацией. Сведения о городском бюджете и повинностях дополняют дела фонда Вятского губернского комитета земских повинностей (Ф. 711).

В Российском государственном архиве древних актов (г. Москва) особый интерес представляют дела Ф. 817 (Вятской земской избы и провинциального магистрата), относящиеся к XVIII веку. Они дают представление о состоянии городских выборных органов, предшествующих думе. К работе привлекались также дела фонда Дворцового отдела (Ф. 1289). Отчеты вятского губернатора и материалы сенатской ревизии Вятской губ. указанного фонда воссоздают ситуацию, сложившуюся в городе на рубеже XVIII-XIX вв.

Среди центральных архивов наиболее богатыми материалами обладает Российский государственный исторический архив (г. С.-Петербург).

Разнообразные статистические данные, а также оценка городского самоуправления местной администрацией содержится в отчетах вятского губернатора (Ф. 1263, 1281). Фонд Хозяйственного департамента МВД (Ф. 1287) отражает взаимодействие центральных и местных органов власти. Он дает общую картину положения городских дум в России 1840-х-60-х гг. Департамент рассматривал широкий круг городских вопросов. В частности, в его компетенции находились вопросы благоустройства, социально-экономического развития, городского общественного устройства, выборов в городские учреждения, контроля за их деятельностью и т.д. Эти материалы дополняют бумаги фонда Министерства полиции (Ф. 1286), содержащие сведения об устройстве городской полиции, пожарной части и благоустройства городов. Городские нужды и реальное состояние органов городского управления отражены в фондах сенатских ревизий Вятской губ. (Ф. 1537, 1554).

Указанные сведения дополняются делами из Государственного архива Российской Федерации (г.Москва). В частности, материалы о городском управлении Вятки, равно как и о состоянии общественного управления в других российских городах, содержатся в фонде Управления временного генерал-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губ. 1863-1865 гг. (Ф. 39).

При написании работы было использовано более 350 архивных дел, большинство которых впервые введено в научный оборот.

Законы, регулировавшие деятельность городского самоуправления, содержатся в Полном собрании законов Российской империи (первое и второе собрание). Они определяют границы компетенции различных органов управления и характер их взаимодействия.

Важное значение для работы имеют источники справочного характера. В первую очередь, это различные статистические сборники, изданные статкомитетом МВД, в которых отражены численность и бюджеты российских городов³⁸. Данные сведения позволяют оценить экономический

потенциал Вятки для решения местных и государственных задач и сравнить его с общероссийскими показателями. Также к работе привлекался сборник «Столетие Вятской губернии» (Вятка, 1881), в котором получили отражение основные события Вятки конца XVIII – первой половины XIX в.

Особую группу источников составляют материалы личного происхождения: мемуары и частная переписка. Из них можно почерпнуть информацию о жизни горожан, их сознании и быте, которая редко содержится в официальных данных. В письмах ссыльного поляка, активного участника Польского восстания 1830-1831 гг. Г.Каменьского, представлена Вятка второй половины 40-х годов XIX в., ее общественная и культурная жизнь. В произведениях А.Герцена, который пребывал в Вятке в 1835-37 гг., дается преимущественно характеристика местной администрации. Он подробно описывает картину пороков, злоупотреблений и бескультурья, которая господствовала в этой среде. Отдельные штрихи к образу вятского общества этого времени дают воспоминания архимандрита Никодима, бывшего в 1835-38 гг. ректором вятской семинарии. Внешнее описание города содержится в записках сенатора И.В.Лопухина (1801 г.) и генерал-майора Н.З.Хитрово, пребывавшего в Вятке в 1811-12 гг.³⁹ Образ Вятки и его обитателей середины 1820-х гг. сохранился в записках московского чиновника П.Яковлева⁴⁰.

Среди мемуаров вятчан использованы воспоминания купца К.И.Клепикова⁴¹, в которых описывается Вятка 30-50-х гг. XIX в. Это совершенно иной взгляд на город – местного жителя, купца, благочестивого и патриархального в своих ценностях и взглядах. В его записках рассматривается экономическое положение города, затрагиваются вопросы городского управления, воспитания и благочестия. Преподаватель Вятской мужской гимназии М.С.Косарев оставил подробные воспоминания о посещении Вятки государем Александром I в

1824 г.⁴². Вятка середины XIX в. отражена в воспоминаниях врача и просветителя С.И.Сычугова (1841-1902), где основное внимание уделено его обучению в духовном училище⁴³. Сведения о деятельности городского головы Я.А.Прозорова сохранились в записках его племянника А.А.Прозорова⁴⁴.

В диссертационном исследовании также были использованы материалы периодической печати. Основные сведения были почерпнуты из «Вятских губернских ведомостей», в неофициальной части которых помещались разнообразные сведения и сообщения о событиях местной общественной жизни.

Таким образом, задействованные источники достаточно разнообразны, информативны и в своей совокупности позволяют решить поставленные исследовательские задачи.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой одну из первых попыток комплексного изучения деятельности дореформенной думы губернского провинциального города Европейской России. Немногочисленные публикации по этому вопросу освещают только отдельные аспекты указанной проблемы. Тема не затрагивалась диссертационными исследованиями. Работа позволит расширить понимание сословных и управленческих реформ Екатерины II и их реализацию на местах, показать место и значение городских дум в системе управления городом и городской жизни в целом, а также поможет осознать провинциальный дореформенный город как целостное явление исторического процесса.

Практическая значимость исследования. Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, при проведении концептуальных обобщений и сравнений по теме.

Кроме того, возможно применение материалов исследования для разработки лекционных курсов и спецкурсов, при написании монографий и

учебных пособий по отечественной истории, истории государственного управления и самоуправления, региональной истории Вятского края.

Также содержащаяся в диссертационной работе информация и выводы могут быть использованы властными органами при разработке проектов местного самоуправления.

Апробация результатов исследования.

Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры истории и краеведения Вятского государственного гуманитарного университета. Основные положения диссертации были представлены на научных конференциях: «История развития местного самоуправления в России второй половины XIX – начала XX вв.» (Елабуга, 2002 г.), «Власть и общество» (Чебоксары, 2003), VIII Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов (Сыктывкар, 2003), XIV международной конференции «Пространство и время в восприятии человека» (С.-Петербург, 2003 г.), Вторых международных Стахеевских чтениях (Елабуга, 2003), «Вопросы истории государственных спецслужб» (Киров, 2004 г.), а также на ежегодной научной сессии преподавателей и сотрудников Вятского государственного гуманитарного университета (Киров, 2003 г.). По теме диссертации опубликовано 8 научных статей общим объемом 3,1 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, приложения, списка использованных источников и литературы, а также списка сокращений.

ГЛАВА 1. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЯТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1793-1870 ГГ.

1.1. Организационная структура, компетенция и социальный состав городского дореформенного самоуправления.

Самоуправление является историческим понятием, обладающим не только временными, но и региональными особенностями. Чтобы лучше понять его развитие в конце XVIII – первой половине XIX в., необходимо хотя бы кратко остановиться на основных этапах его становления в предшествующий период.

Городское самоуправление в России существенно отличалось от европейского, что было обусловлено своеобразием исторического развития городов. Так, обязанность сеньоров в средневековой Европе защищать город от врагов придавала им первоначально большую власть и значение в военное время. Но в ходе кровавых «коммунальных революций» власть перешла от сеньоров в руки выборных городских советов. Горожане получили свободы, зафиксированные в «хартиях вольности». Наличие у западноевропейских городов особых прав, а также преобладание у них торгово-промышленных функций, способствовало ускоренному формированию особого городского строя и внутренней автономии. Крупные городские общины стали основой для формирования гражданского общества, равно как и самобытной западной цивилизации¹.

В русских городах не произошло освобождения от власти князей, приобретения ими особых прав и привилегий, характерных для Европы. В Средневековой Руси в условиях постоянных усобиц и татаро-монгольских походов, нередко сопровождавшихся разрушением и разорением городов, естественной оказалась консолидация князей и жителей, а не противоборство между ними. Постоянная внешняя опасность требовала

укрепления власти, объединения страны. В этих условиях роль и значение князя неизмеримо возрастали, что влекло за собой подавление городских прав. Таким образом, русские города приобретали преимущественно военно-административный характер. В результате на Руси не сложилось ни специфического «городского» права, ни собственно городской автономии. Даже вольности городов Новгородской республики были, скорее, правами не городов, а земель и боярства².

Не получили города особых прав и в дальнейшем. В процессе складывания единого государства Иван III и Василий II энергично проводили политику ликвидации частновладельческих городов, превращая их жителей в государственных посадских людей. Горожане несли «государево тягло», выполняли государственные службы, занимали выборные должности в органах посадского управления. Причем последние воспринимались ими как обременительная повинность. Большинство выборных органов местного управления было далеко от классического понимания самоуправления: факт выборности не означал их самостоятельности. Кроме того, они были призваны решать преимущественно государственные (казенные сборы, службы, повинности), а не местные задачи³. Вследствие этого развитие русских городов пошло в направлении ограничения самостоятельности, вплоть до полного включения их в систему централизованного государства. В то же время, на протяжении всего феодального периода самоуправление в том или ином виде существовало на Руси. Как право местных выборных учреждений самостоятельно решать определенный круг вопросов, оно действовало как в крестьянской, так и в посадской общине. Важными этапами становления городского самоуправления стали вечевые республики, реформы Ивана Грозного, Соборное уложение 1649 г., преобразования Петра I. По мнению Б.Н.Миронова государственный аппарат был слишком слаб, чтобы полностью взять управление в свои руки даже в XVIII в.⁴.

Главная особенность самоуправления в русских городах состояла в том, что оно осуществлялось в условиях сильного правительственного контроля и смешения управления общегосударственными и местными делами. Поэтому западные исследователи, изучавшие города в первую очередь через призму их правового положения, как правило, низко оценивали развитие русского феодального города. По сравнению с западным доиндустриальным городом, он не обладал широкой внутренней автономией.

Но для российских условий данный факт нельзя интерпретировать отрицательно. По мнению Б.Н.Миронова, существование широкой автономии городов помешало бы централизации государства как необходимого условия обретения политической независимости. В конечном счете, оно могло бы даже привести к утрате национальной самобытности. Действовавшая политическая система позволяла проводить эффективную внутреннюю экономическую политику, поощрять развитие промышленности и торговли, защищать интересы отечественного капитала на внешнем рынке, что в XVII-XVIII вв. удавалось далеко не всем европейским государствам с развитой городской автономией⁵.

В XVI-XVIII вв. происходят значительные изменения в международной ситуации. Перед Россией были поставлены принципиально новые задачи. В условиях ускоренного развития западноевропейской цивилизации экономическое и технологическое отставание России стало весьма опасным и могло закончиться для страны утратой суверенитета. Активизация внешней политики, потребность в равном партнерстве с Европой поставили вопрос о создании хорошо оснащенной регулярной армии нового образца. Более того, в начале XVIII в. для решения стратегических внешнеполитических задач оказалось необходимо в сжатые сроки мобилизовать материальные и людские ресурсы страны. Это невозможно было осуществить без создания жесткого механизма воздействия на российское общество.

В это же время существенные изменения произошли во внутренней жизни России. Значительное расширение территории страны требовало создания принципиально новой системы управления. Развитие социально-экономических отношений и складывание в конце XVII в. единого всероссийского рынка делали необходимыми радикальные преобразования в социально-экономической сфере. Кроме того, постепенное превращение русского города из военно-административного центра в центр ремесла и торговли также поставило вопрос о реорганизации его внутреннего управления.

Протекающие процессы модернизации требовали организации эффективной системы управления. Для решения поставленных задач Петр I, опираясь на западные образцы, пошел по пути создания в России регулярного государства с преобладающим бюрократическим началом. В этом же духе проводились реформы местного управления. С их помощью правительство надеялось унифицировать систему управления и социальную структуру общества, а также увеличить денежные поступления, необходимые государству в условиях военного времени⁶.

Малочисленность чиновничьего аппарата на местах, неэффективность существовавших местных органов заставили Петра I ввести выборный элемент в городском управлении. По указу 1699 г. посадское население было передано из ведения воевод в подчинение Бурмистерской палате и земским избам, переименованным позднее в ратуши. Состав новых учреждений был выборный, их члены избирались в городах торгово-промышленным населением⁷. Введение земских изб не было новшеством: они существовали еще с середины XVI в. Помимо местных дел посадской общины земские избы занимались раскладкой и сбором казенных податей. В результате реформ конца XVII в. они сохранили многие из своих прежних функций.

Главной задачей органов городского управления стало обеспечение исправного поступления в казну налогов и сборов с городского сословия.

Освободив города от власти «недобросовестных» воевод, Петр I надеялся с помощью «добрых и правдивых» выборных людей быстро увеличить государственные доходы. Земским избам поручалась раскладка податей между членами посадской общины и сдача в оброк «всяких статей с торгу». В Хлынове в земскую избу ежегодно избирались 2 бурмистра (от посадских и от уездных крестьян). Здесь они пользовались фактически той же властью, что и прежние воеводы. Основным направлением их деятельности стало изыскание средств для покрытия чрезвычайных военных издержек.

Предоставление новых прав и относительной самостоятельности купечеству позволило абсолютизму не только использовать для нужд Северной войны экономику городов, но и увеличить поборы с городского населения. В свою очередь, для посадских создание земских изб обернулось очередным увеличением государственного «тягла»: на выборных членов были возложены фискальные обязанности приказных должностных лиц. Более того, земские избы не получили права распоряжаться собранным капиталом: все деньги отсылались в Бурмистерскую палату в Москву. По замыслу законодателя земские избы должны были стать чисто исполнительными органами московской ратуши⁸. В результате, реформа 1699 г. не создала на местах самоуправления и не объединила горожан в единое сословие. Новое управление имело своим объектом только торгово-промышленное тяглое население городов.

По губернской реформе 1708 г. земские избы вновь были подчинены местной администрации в лице губернаторов⁹. Хлынов перешел в состав Сибирской губернии. Несмотря на то, что в городе было восстановлено воеводское управление, купцы и посадские остались в ведении городской земской избы. Но со временем она утратила свои прежние функции, превратившись в финансовую канцелярию при губернаторе¹⁰.

Значительные изменения в системе самоуправления произошли во второй половине правления Петра I. Военные победы позволили перейти к политике «разгосударствления» экономики и ослабления давления на общество, расширению прав выборных городских органов. При проведении провинциальной реформы, в 1719-24 гг. одновременно с ликвидацией земских изб была создана широкая сеть городских магистратов¹¹. Они состояли из президента, 2-4 бургомистров, 2-8 ратманов, число которых определялось значением и величиной города. Городовые магистраты находились в ведении Главного магистрата, провинциальных и губернских магистратов. Одновременно они состояли под контролем воеводских, провинциальных и губернских канцелярий. Так, вятский (хлыновский) магистрат (в 1729-44 гг. – ратуша, с 1745 г. – провинциальный магистрат) состоял из двух бургомистров и трех ратманов¹². Он находился в ведении Казанского губернского магистрата (после создания в 1729 г. Вятской провинции Казанской губернии) и Главного магистрата (см. Прил. 1)¹³.

Формально в ведении магистратов оказалось фактически все управление городом. Они следили за неуказной торговлей в городе, собирали налоги, осуществляли судебные функции. Новые выборные учреждения должны были стать «главой и начальством всему гражданству», хотя избирались из посадских и по своему составу оставались сословными. Если в судебном отношении в ведении магистратов находилось только торгово-промышленное сословие, то в финансовых и хозяйственных делах их полномочия распространялись на весь город.

Так, Вятский провинциальный магистрат занимался раскладкой и взиманием различных сборов (подушного, канцелярского, таможенных и др.), организацией поставок, подрядов и откупов, распределением повинностей, отводом земельных участков под застройку, учетом посадского населения (запись в посад, купечество и цехи). Его члены

следили за рекрутскими наборами и наборами работных людей, контролировали казенные и гражданские службы посадских людей¹⁴. Как орган защиты сословных интересов посадского населения, магистрат рассматривал жалобы на притеснения чиновников, разбираал многочисленные судебные дела (кражи, невыплаты по векселям, земельные и наследственные споры, побои, убийства и др.)¹⁵. Особое место в его работе занимали вопросы межевания земель и расположения в городе войск¹⁶.

Несмотря на широкую компетенцию магистратов, их самостоятельность оказалась сильно ограниченной. Основную деятельность по поддержанию порядка и благоустройству города осуществляли полицейские структуры. Вместо широкого комплекса мер по развитию промышленности и торговли, благоустройству и поддержанию общественного порядка, магистраты чаще всего лишь наблюдали за законностью торговли, собирали сведения о ценах на городском торгу, выдавали паспорта, содержали лекарей¹⁷.

После смерти Петра I магистраты оказались подчинены провинциальным и губернским канцеляриям, что свело их самостоятельность до минимума. В 1727 г. прошла новая областная реформа, которая усилила бюрократизацию местного аппарата, подчинив магистраты и ратуши губернаторам и воеводам. Эта реформа отражала тенденцию к более строгой централизации управления, обеспечивала контроль за органами управления со стороны правительственного аппарата. Все функции по обеспечению «благосостояния» городов были возложены на полицейские органы¹⁸. В результате реформы магистрат Хлынова был заменен ратушей под управлением бургомистра, ежегодно избиравшегося из городского населения¹⁹. Только в 1745 г. ратуша Хлынова вновь была преобразована в провинциальный магистрат, которому подчинялись ратуши уездных городов²⁰.

Слабость магистратов объяснялась сильным контролем со стороны администрации и почти полным отсутствием собственных средств²¹. Собранные им средства не могли расходоваться иначе, как по специальному указу вышестоящих органов. В этих условиях основу городских доходов составляли добровольные складки, что существенно ограничивало возможности для решения местных задач.

Несмотря на выборный состав, магистраты фактически превратились в государственные органы, реализующие в своей деятельности государственные интересы. Они стали промежуточным звеном между местной администрацией и посадским сходом. Подобная ситуация была характерна и для других городов. В частности, это подтверждают исследования деятельности магистратов последней четверти XVIII в. Екатеринбурга и городов Тверской губ.²². Таким образом, с начала XVIII в. общегосударственные функции, традиционно исполнявшиеся посадскими общинами, были отделены от них в самостоятельные учреждения – магистраты, носившие сословно-бюрократический характер.

Создание магистратов способствовало изменению роли города и его населения в жизни страны. Но и эта реформа не привела к превращению русского города в самоуправляющуюся административную единицу буржуазного типа. Новые учреждения не обладали ни широкими властными полномочиями, ни реальными источниками доходов. Они стали дополнением административного аппарата управления, обеспечивающим своевременный сбор податей с посадского населения, поставку рекрутов, выполнение государственных служб и повинностей.

В то же время нельзя отрицать существование в них элементов самоуправления²³. По мнению Б.Н.Миронова, создание магистратов способствовало консолидации посадских, которые постепенно становились гражданами. Все это подготавливало почву для преобразования торгово-промышленного населения городов в полноценное сословие²⁴.

Наряду с магистратом в городах сохранились посадские сходы. Центром исполнительной власти была «старостинская изба» во главе с общепосадским старостой. На Вятке она получила название посадской избы, а позднее хлыновских земских дел. Старосты были ответственны перед сходами, которые имели право налагать на них взыскания. Участие в сходах было обязательным для всех членов общины. Они следили за правильной уплатой податей, исполнением повинностей. На сходах обсуждались «мирские нужды», вопросы городского хозяйства, раскладывались гражданские сборы и подушные деньги, избирались члены магистратов и ратуш и другие должностные лица.

Сходы имели немало прав (самообложения, распоряжения мирскими суммами, выбора должностных лиц, ходатайства о местных нуждах и пр.), которые могли стать основой самоуправления, если бы не тяглый характер общины и ее полная зависимость от администрации и магистрата. Так, магистраты наблюдали за сбором налогов и пошлин, доводили до сведения горожан распоряжения верховной власти, утверждали избранного сходом старосту²⁵.

Таким образом, реформы городского управления первой половины XVIII в. носили государственно-фискальный характер. Традиционный для русской истории взгляд на главную обязанность общества как на служение государству получил в них свое логическое завершение. Несмотря на сходство с европейскими образцами, они не изменили тяглого характера посадской общины и не создали полноценных органов самоуправления. Российским городам не хватало для этого экономически сильного торгово-промышленного сословия и законодательного признания их прав на существование других интересов, кроме государственных²⁶.

Вятское городское сообщество этого периода можно назвать тягловой городской самоуправляющейся общиной, для которой были характерны принципы подчиненности и круговой поруки, как на общегородском уровне (сход), так и на сословном (гильдий, цехов).

Дальнейшее экономическое развитие во второй половине XVIII в. объективно потребовало закрепления за тягловым городским населением особых прав и привилегий как необходимых гарантий их торговой и промышленной деятельности²⁷. Это прекрасно понимала Екатерина II, которая считала, что «никаких дел, касающихся до торговли и фабрики, не можно завести принуждением, а дешевизна родится только от великого числа продавцов и вольного умножения товаров»²⁸. Закономерно, что в центре ее социальной политики оказались задачи развития городов и создания сильного «среднего сословия» как необходимых условий экономического процветания России. Горожан до этого трудно было назвать сословием в европейском понимании этого слова, поскольку они имели перед государством множество обязанностей, но практически не обладали законодательно определенными правами.

Кроме того, идеи правового государства шли в русле с политикой «просвещенного абсолютизма». Унификация управления также предполагала построение сословного общества с четко определенными правами и обязанностями всех социальных слоев, равно как и взаимными правами и обязанностями верховной власти и подданных²⁹. Это был шаг к построению сословного, а в дальнейшем и бессословного классового общества.

Новые социально-экономические процессы заставили Екатерину II скорректировать петровский взгляд на местное управление. Не отказываясь от государственного характера самоуправления, императрица ратовала за развитие сословных начал, признавая за городом местные и корпоративные интересы. За основу Екатерина II взяла английскую модель сословного устройства общества в истолковании У.Блэкстона: сословные корпорации или общества, получившие от верховной власти «статуты», выступали хранителями личных прав: безопасности, свободы, собственности³⁰.

Подготовительным шагом в этом направлении стал созыв в 1766 г. Уложенной комиссии, в которой работала специальная «Комиссия о

городах». Она должна была определить права, преимущества и обязанности городов, как общие, так и частные. Именно с Уложенной комиссией связано появление должности городского головы, на которого первоначально возлагалась задача проведения выборов депутатов в Комиссию. Он избирался домовладельцами города из кандидата не моложе 30 лет сроком на два года. Впоследствии временная должность превратилась в постоянную, и городскому голове перешли некоторые функции городского управления.

В лице городского головы признавался представитель всего города. Таким образом, с Манифестом началось утверждаться новое понимание города, который превращался из тяглой в юридическую единицу. Этому способствовала и новая система выборов через баллотировку шарами, которая делала участие в выборах не повинностью, а правом³¹. На Вятке в 1767 г. городским головой был избран купец Яков Васильевич Машковцев³².

Следующим шагом стали законы 1775-85 гг., которые закрепили разрозненные права и привилегии горожан в юридической форме, придав им всеобщий характер. Они качественно изменили статус купечества, сделав его более престижным и труднодостижимым. Екатерина II пожаловала ему широкий круг прав, преимущественно торгового характера.

В это же время создается система местного управления, которая с незначительными изменениями просуществовала до буржуазных реформ 1860-70-х гг. Именно в этот период утверждаются «Учреждения для управления губерний» (1775), «Устав благочиния» (1782), «Жалованная грамота городам» (1785). Магистраты постепенно утрачивали административные функции, превращаясь исключительно в суды для торгово-промышленного населения. Всесословный характер имели Приказ общественного призрения и Совестьный суд. Введение этих учреждений свидетельствовало о новом направлении деятельности выборных,

призванных служить не только задачам фиска, но и общественному благу³³.

Правительство Екатерины II, понимая необходимость развития торговли, промыслов и ремесел, «пожаловало» городам широкую систему самоуправления, которая была призвана содействовать их консолидации через совместную деятельность и реализацию общих интересов. В 1785 г. была издана Грамота на права и выгоды городам Российской империи³⁴, которая расширила и подробно регламентировала организацию и деятельность органов городского самоуправления.

Чтобы придать вес новым учреждениям, а также для усиления процессов консолидации горожан в единое сословие, императрица окончательно закрепила за городом статус юридического лица. В новом качестве городское общество получило право обладать как движимую, так и недвижимую собственностью. В «Жалованной грамоте городам» утвердилось понимание города как общины, представляющей все городское население и имеющей свои, отличные от государственных, интересы. Как внешнее выражение нового юридического статуса каждый город получал герб и печать, которой «градское общество» скрепляло свои постановления.

«Жалованная грамота городам» расширила состав «градского общества», включив в него представителей практически всех сословий, проживавших в городах. Все население города делилось на 6 разрядов:

- 1) «настоящие городские обыватели», владевшие в городе недвижимым имуществом (ст.63),
- 2) купцы, записанные в гильдии (ст.64),
- 3) ремесленники, записанные в цеха (ст.65),
- 4) иногородние и иностранные гости (купцы) (ст.66),
- 5) «имянитые граждане», состоящие из лиц, отслуживших вторично выборную службу в городе, художников, ученых, крупных капиталистов (с капиталом более 50 тыс. руб.) и банкиров (с

капиталом от 100 до 200 тыс. руб.), торговцев оптом, хозяев кораблей, отправлявшие корабли за море (ст.67),

- б) посадские, или старожилы, не вошедшие в первые пять разрядов, которые занимаются промыслом или кормятся работой в городе (ст.68).

Впервые наряду с торгово-промышленными слоями населения избирательные права получили дворяне, чиновники и разночинцы, владевшие в городе домами, а также представители нарождающейся интеллигенции. Столь широкого участия населения городское законодательство не знало вплоть до 1917 г. Городское общественное управление, созданное Екатериной II, должно было стать по своему составу практически всеобщим³⁵. В то же время, несмотря на существование «настоящих городских обывателей» за рамками городской общины оказались крестьяне, военные и духовенство.

Городовое положение формировало принципиальную новую систему городского самоуправления (см. Прил. 2). Чтобы защитить вновь полученные права от произвола чиновников, Екатерина II предоставила городам некоторые властные полномочия. Наряду с прежним принципом служения, вводился принцип законности как основа отношений городской общины с государством.

Самым представительным органом городского общества являлось Собрание общества градского, которое должно было заменить прежний посадский сход. Оно собиралось один раз в три года «по приказанию и дозволению» генерал-губернатора или губернатора (ст.30). Для обладания правом голоса на нем необходимо было удовлетворять возрастному и имущественному цензу: иметь проценты с капитала не менее 50 рублей (что соответствовало купцам I-II гильдии) и быть не моложе 25 лет. Функции собрания заключались в следующем:

- 1) представлять губернатору «о своих общественных нуждах и пользах» (ст.36);

- 2) заслушивать предложения губернатора и давать на них «пристойные ответы» (ст.38);
- 3) принимать решение о принятии разного звания лиц в городское общество и о внесении их в Городовую обывательскую книгу (ст.76);
- 4) избирать должностных лиц в городское управление (городского голову, старост, депутатов для составления обывательской книги) и судебно-сословные органы (бургомистров и ратманов городского магистрата, заседателей губернского магистрата и судов, судей словесного и заседателей совестного суда) (ст. 31-33, 54).

Помимо Собрания общества градского существовали городские собрания, состоящие из представителей отдельных категорий горожан, которые обладали в них правом голоса вне зависимости от своего материального положения. Именно эти собрания должны были избирать из своей среды представителей в общую городскую думу, которая вместе с шестигласной думой была новшеством для городского самоуправления. Теория двухступенчатой системы городского самоуправления была заимствована Екатериной II из концепции городского развития немецкого философа И.Г.Г.Юсти³⁶.

По ст.157 общая городская дума состояла из городского головы и гласных, избравшихся шестью разрядами городских обывателей. Раз в три года каждый разряд городских обывателей должен был собираться на избирательных собраниях отдельно по группам, причем устанавливалось неравное представительство от городских сословий. Так, «настоящие городские обыватели», равно как и посадские, избирали по одному депутату от каждой части города (в Вятке, например, их было две), купцы избирали по гласному от гильдии, ремесленники – по представителю от каждого цеха, иногородние и иностранные гости - по одному гласному от каждого народа, «именитые граждане» - от каждой из семи указанных для них категорий (ст.158-163). Несмотря на разнообразие сословий, основную роль в думах должны были играть представители городских податных

слоев. Именно они были заинтересованы в первую очередь в решении вопросов городского управления, связанных с торговлей и промышленностью.

Председателем общей и шестигласной думы становился городской глава, который избирался на свою должность на 3 года. Гласные сидели в думе по своим разрядам, причем каждый разряд имел только один голос, голосование же внутри каждой группы шло по большинству голосов (ст. 157, 166). Общую городскую думу предполагалось созывать не периодически, а «когда нужда и польза городская потребует». Единственными ее функциями было избрание гласных из своего состава в шестигласную думу и разрешение дел, которые вызывали сомнение шестигласной думы по своей «важности и трудности» (ст. 164, 172, 175).

Шестигласная дума являлась постоянным исполнительным органом, собиравшимся не реже одного раза в неделю (ст. 173, 174). По закону в ее ведении находилось все городское управление, за исключением сословного суда, надзора за сбором государственных податей и за отправлением повинностей горожанами³⁷. В ст.167 были перечислены основные функции шестигласной думы: 1) забота о продовольственном снабжении населения; 2) городское хозяйство и благоустройство городов; 3) разрешение споров между гильдиями и ремесленниками; 4) приращение городских доходов; 5) сохранение «мира, тишины и доброго согласия» как внутри города, так и в его отношении с окрестными городами и селениями. В отличие от предшествующего выборного управления (земских изб, магистратов и ратуш) Городовое положение 1785 г. не упоминало о сборах государственных налогов и казенных службах – предметом забот новых учреждений стали «пользы и нужды» города. В то же время следует отметить, что компетенция дум была недостаточно четко определена. Не были урегулированы взаимоотношения между думами, городскими собраниями и магистратами.

Появление законодательно определенного городского бюджета стало важным нововведением для городского управления. Города для решения своих хозяйственных задач получили немалую долю самостоятельности в расходовании средств.

В Вятке Городовое положение было введено лишь 8 лет спустя после его опубликования, 23 августа 1793 года³⁸, хотя в большинстве российских городов они были учреждены уже к 1788 г.³⁹. На сроки открытия новых органов основное влияние оказала активность местных администраций. Функции городской думы до ее открытия исполнялись городским магистратом и городским старостой.

Выборы внесли значительные коррективы в структуру городского самоуправления, предполагаемого законом. Их процедура сохранялась практически неизменной на протяжении всего дореформенного периода. По окончании трехлетнего срока работы думой ставился вопрос об избрании новых гласных. В наместническое (губернское) правление посылалось прошение о собрании общества градского для выборов в думу. После того, как разрешение было получено, общегородским собранием проводились выборы городского головы. Следующим шагом становилось непосредственное избрание гласных под председательством нового городского головы. Обычно они проводились отдельно в каждой сословной группе (в каждой гильдии купцов, на мещанском собрании и ремесленном сходе). Однако в период с 1827 г. до конца 1840-х гг. выборы гласных проводились так же, как и для городского головы – на общегородском собрании численностью от 108 до 137 человек. Когда выборы проходили раздельно по сословным группам, в них принимало участие от 18 до 22 купцов (1818-26 гг.), позднее эти цифры возросли до 44-63 купцов (1851-70 гг.). Число избирателей цеховых составляло от 22 до 84 человек (только в 1824 г. их было 9). Мещанство, самая многочисленная категория горожан, оказалось, как и следовало ожидать, наименее активным: количество его представителей на выборах в первый период

колебалось в пределах 27-61 человек (1818-26 гг.), и даже впоследствии их число не превышало 113 человек (1851-70 гг.) (см. Прил.5).

Что же касается кандидатов, их число с 1824 г. стало стабильным и соответствовало 2-3 человекам на одно место гласного (до этого цифры варьировались от 2 до 6 человек). Для городского головы эти показатели увеличивались до 3-8 кандидатов (обычно их было 6)⁴⁰.

Во время выборов принцип избирательности сочетался с формальным принципом очередности. Последний, правда, иногда нарушался: вне очереди выдвигались горожане, которые заслужили особый авторитет общества. Выборы проводились из кандидатов путем баллотировки шарами. На должность гласного избирали обычно владевших грамотой, не имевших судимости и не бывших под подозрением (по ст.52 лишались права избираться те, кто был «опорочен судом», или имел «порок, всем известный»).

Первые выборы в думу затянулись, несмотря на то, что, по данным В.П.Юрьева, обывательская книга была составлена уже в 1786 г.⁴¹. Участие в баллотировке приняли представители только трех разрядов городского населения. На состав думы оказали влияние особенности социальной структуры Вятки: фактическое отсутствие дворянства, слабое и разрозненное чиновничество, достаточно развитое купечество. Так, в конце XVIII – начале XIX в. посадские слои составляли свыше 80% от общего числа проживавших в городе (купечество – 12-13%). Правда, во второй четверти XIX в. общий процент купечества и мещанства сократился до 30-50%, в первую очередь за счет увеличения численности в городе крестьянства, чиновничества и военных (см. Прил. 21), что поставило вопрос о необходимости реформирования системы выборов.

Данные о выборах 1793 г. не сохранились, но общую картину помогают восстановить сведения обывательской книги Вятки 1793-95 гг. и выборов 1796 г. Первым шагом по закону становилось избрание общей думы. Однако, как в 1793, так и в 1796 г. в выборах приняли участие

вместо шести разрядов только три: купечество, мещанство и ремесленники. Поэтому 6-гласная дума в действительности оставалась 5-гласной: ее составляли трое выборных от каждой гильдии, а также по гласному от мещан и цехов. Только в 1796 г. было избрано двое гласных от мещан от каждой части города. Предполагалось, что все они избираются в общую думу, но вместе с тремя гласными от купечества их едва хватало для шестигласной. Именитых граждан (до 1802 г.), иногородних и иностранных гостей в Вятке не было⁴².

Не удалось избрать в общую думу и представителей от каждого цеха. По заявлению ремесленного головы, выбирать было просто некого, так как большинство мастеров, владеющих грамотой, уже замещали различные общественные должности. Привлечение грамотных от каждого цеха привело бы многих к разорению.

Кроме того, в новых органах самоуправления должны были присутствовать старшины цеховых управ, списки которых городской магистрат ежегодно присылал в думу на протяжении первых лет ее работы. Но, понимая реальную ситуацию, никто их к этому не принуждал.

Оставалась еще одна категория горожан для работы в думе - «настоящие городские обыватели», т.е. лица, имеющие в городе собственность. Формально домовладельцами были представители всех сословий. Поэтому податные слои попытались воспользоваться этим и привлечь к общественному управлению чиновников, которые уклонялись от участия в общественных делах города. По просьбе думы выборы от «настоящих городских обывателей» были возложены на управу благочиния. Ввести чиновников в состав думы было чрезвычайно сложно, поскольку время их службы было регламентировано. Кроме того, сами они особого желания для работы в общественном управлении не проявляли. В 1796 г. управа благочиния сумела выявить трех неслужащих чиновников, среди которых и попыталась провести выборы. Последние, однако, провалились: один из кандидатов на неопределенное время уехал в Казань,

второго наместническое правление запретило куда-либо избирать, а третий сослался на то, что он не относится к категории «настоящих городских обывателей», поскольку дом принадлежит не ему, а его жене⁴³. В дальнейшем чиновники и разночинцы также отказывались участвовать в общественной деятельности даже под давлением полиции⁴⁴.

Таким образом, собирать общую думу оказалось не из кого и незачем – она дублировала функции шестигласной думы и городских собраний; в результате обе думы слились воедино (см. Прил.3). Присутствие же троих гласных от купцов в начальный период работы думы имело для нее положительное значение, поскольку это были люди, как правило, образованные и, по крайней мере, не искушенные в делах экономики и хозяйства.

По сравнению с законом претерпела изменения не только организационная сторона нового городского самоуправления, но и его функции. Так, реальная деятельность думы проводилась по пяти основным направлениям:

- 1) внутренние дела думы (выборы головы и гласных, закупка необходимых для думы чернил, бумаги, дров и пр., наем писцов, сторожей и пр.);
- 2) вопросы благоустройства города и городского хозяйства (содержание городской собственности, постройка и исправление мостов, улиц, общественных зданий);
- 3) социально-экономические и финансовые вопросы (сословные споры, торговые вопросы, формирование бюджета);
- 4) административно-полицейские функции думы (повинности, сборы, службы). Первоначально они не входили по закону в прямые обязанности думы. В то же время дума практически не наблюдала за порядком в городе, что предполагалось законом, но реально исполнялось полицейскими органами;

5) попечение думы об образовании и здравоохранении, что также не предполагалось Городовым положением, поскольку эти функции находились в компетенции Приказа общественного призрения.

Обзор развития городского самоуправления в XVIII в. показывает, что система выборных органов формировалась «сверху», по инициативе верховной власти. Это отличало ее от западноевропейских образцов, равно как и то, что создавалась она, в первую очередь, для удовлетворения государственных нужд. Для решения же собственно городских вопросов эти учреждения вплоть до 1785 г. не имели реальных полномочий, средств и необходимой самостоятельности.

Тем не менее, правительство нуждалось в четком оформлении сословий как с точки зрения фискальных, так и экономических интересов. Для формирования более зрелого городского сословия Екатерина II ввела в городах принципиально новые органы самоуправления. Их деятельность основывалась на законе, а не на нормах традиционного права. В отличие от предшествующих выборных учреждений они обладали некоторыми властными полномочиями и правом формировать городской бюджет. Новое общественное управление получило достаточно широкую компетенцию. На него возлагалось решение местных задач, с которыми не в состоянии был справиться зачастую неповоротливый и малоэффективный бюрократический аппарат. Чтобы в деятельности городских органов учитывались интересы различных сословий, Городовое положение 1785 г. существенно расширило состав городской общины. Прививая западные теории на русскую почву, Екатерина II попыталась найти оптимальное соотношение общегосударственных, местных и сословных интересов.

Но, столкнувшись с российской действительностью, законодательство претерпело ряд существенных изменений. Как и в других российских городах, Вятская дума не стала всесословной⁴⁵. Вместо 6 категорий населения в состав шестигласной думы вошли только мещане,

ремесленники и купцы. Предполагаемые законом собрания граждан по 6 разрядам в отдельности и собрание общества градского (купцы 1-2 гильдии) слились воедино. В результате образовалось городское собрание купцов, ремесленников и мещан, заседающее в зависимости от ситуации совместно или раздельно. В Вятке не была создана общая дума, что было характерно для малых и средних российских городов. Даже там, где они первоначально образовались, в 1820-40-е гг. они прекратили свое существование⁴⁶.

Особенности деятельности новых органов городского самоуправления определялись конкретными условиями их существования – экономическим, социальным и административным контекстом, в котором им приходилось действовать.

1.2. Качественные характеристики выборных должностных лиц городского самоуправления

В результате реформ 1775-85 гг. правительство создало институты и правовые предпосылки для экономической и юридической консолидации граждан в среднее сословие. Граждане получили гарантированное законом право на собственность и личную свободу, ряд экономических и социальных привилегий, приобрели ограниченное право на самоуправление. Новые органы самоуправления требовали определенной зрелости городского сословия.

Готовность городских обществ к работе в новых органах самоуправления определялась несколькими факторами. В качестве наиболее важных следует отметить следующие:

- 1) наличие в городе органического социального единства, осознание горожанами местных интересов, их способность выйти за рамки узкосословных интересов;
- 2) существование в мировоззрении горожанина определенных ценностей и представлений, необходимых для работы в городском самоуправлении (власть, законность, самостоятельность как ценности);
- 3) опыт деловой и управленческой деятельности;
- 4) необходимый культурно-образовательный и экономический уровень развития.

В «классических» трудах по дореформенному общественному управлению И.И.Дитятин и А.А.Кизеветтера был сделан вывод о неготовности русских горожан к участию в екатерининских учреждениях. Наиболее полно этот взгляд был раскрыт в работах Дитятин, в основе которых лежала преимущественно официальная документация – материалы опросов и ревизий ряда губерний 20-х, 40-х и 60-х гг. XIX в. Благодаря авторитету своих авторов эти утверждения были восприняты

дореволюционной, зарубежной и некоторыми представителями советской историографии⁴⁷.

Анализируя базовые категории картины мира русского горожанина, повлиявшие на его отношение к новым органам самоуправления, необходимо, в первую очередь, рассмотреть *степень единства городского сообщества и зрелости городского сословия*. Существование сплоченной городской общины являлось важным условием эффективной деятельности вновь учрежденных дум: местное самосознание, соединенное с общегородскими интересами составляли прочную базу для совместной работы различных социальных групп.

Среди отечественных дореволюционных и западных ученых преобладало мнение, что в русском индустриальном городе не образовалось единого гражданства. Сторонники этого подхода утверждали, что городские общества представляли собой союз людей, искусственно объединенных государством общими обязанностями и повинностями. В частности, И.Дитятин указывал, что у горожан отсутствовало осознание общегородских интересов, четкое отделение их от государственных и частных. Выборные не стали представителями общественных городских интересов, исполняя, в сущности, роль мелких чиновников, поскольку в своей деятельности дума реализовывала не общественные, а государственные интересы. Поэтому служба превратилась в тяжелую повинность, а общественное управление стало государственным. В результате, дума оказалась вне сферы влияния и ответственности городского общества. Дворяне и высшие слои купечества обладавшие, как правило, необходимым культурно-образовательным уровнем, презирали общественные службы, считая работу в них ниже своего достоинства⁴⁸.

Признавая несомненное влияние государства на формирование сословий, нельзя, в то же время, отрицать существование многочисленных связей внутри посадских общин. Важнейшей предпосылкой образования единой городской общины стало формирование *сословных и*

общегородских интересов. Еще в XVII-ом, «бунташном» веке городские общины проявили свое единство через коллективное выдвижение совместных требований. В XVI-XVIII вв. горожане стремились к получению привилегий, которые условно можно разделить на три группы: приобретение приоритетного положения в торговле и производстве, ослабление государственного тягла, а также защита от притеснений и злоупотреблений местной администрации через переход под непосредственную юрисдикцию центральных органов власти⁴⁹. Так, вятчане в 1767 г. в своем Наказе в Уложенную комиссию просили Екатерину «милостивое защищение учинить» как «от помешательства разных чинов людей в торгах и промыслах», так и «от несносных ... тягостей и служб купечество избавить», для «общих в городе и за городом надобностей всех жителей в помощь купечеству, расповеркою денежных сборов принудить», «отводу постоев и других притеснениях здешней полиции обидеть запретить»⁵⁰. Незначительно изменились потребности общества и в первой половине XIX в.⁵¹.

Следует заметить, что горожане не требовали широкого самоуправления, властных полномочий, тем более политических прав. Это не соответствовало особенностям исторического развития России, где существовала многовековая связь русского горожанина со своим главным защитником в лице самодержца. Однако события XVII-XVIII вв. уже значительно ослабили ее: добиться справедливости даже у «высших властей» становилось все сложнее.

Существование сословных интересов проявилось и в отношении горожан к сословным судам. По предписанию Министра внутренних дел от 15 февраля 1837 г. для облегчения общественных служб горожанам было предложено соединить магистраты и ратуши с уездными судами. Основой для этого решения стали отзывы губернаторов о незначительности городских средств и обременительности выборных должностей. В новых судах должны были присутствовать два заседателя от городов и

заседатели-дворяне. В результате облегчались выборы и сокращались городские расходы.

Но вятское общество категорически отказалось. Оно пыталось уверить местные власти, что при ежегодном избрании в магистрат шести человек, город «не может чувствовать никакого обременения или стеснения». Люди заседают там сведущие, а расходы на его содержание невелики. «По всем сим причинам, - заключили вятчане, - мы единогласно существующий здесь в городе Вятке городской магистрат присоединять к уездному суду не желаем»⁵².

Вятские горожане, как и жители большинства других российских городов⁵³, ревностно встали на защиту своих сословных органов. Об этом говорит и тот факт, что рассуждения о «легкости» служб были явно обманчивы. Так, по прошествии трех лет, в 1840 г. вятское общество просило избавить его от заседания в уголовной и гражданской палате, поскольку купеческое общество «терпит тягость от выбора на всякое трехлетие из среды купечества в заседатели для заседания в Палаты: Уголовную, Гражданскую и Совестной суд, в каждое место по два-шесть человек». В результате «по выборам сим очереди доходят столь часто, что из некоторых купеческих семейств ... служат даже бессменно», терпя стеснение в коммерческих делах. Горожане не видели для себя пользы в этих судебных органах, участие в которых податных слоев составляло лишь необходимую формальность. Поэтому общество просило заменить выборных от общества чиновниками⁵⁴. С просьбой избавить себя от этих должностей общество обращалось еще в начале XIX в., но в обоих случаях получило отказ⁵⁵.

Существование в XVIII в. общегородских интересов не вызывает сомнений. Но преобладали ли они над узко-сословными? По мнению советских исследователей, дума реализовывала интересы только высшего купечества⁵⁶. По замечанию П.Г.Рынздюнского, «конкуренция отдельных групп городской буржуазии мешала деятельности органов общественного

управления, взаимная борьба этих групп между собой не оставляла времени для обслуживания общественных надобностей». В результате, дума «фактически общегородскими делами не занималась»⁵⁷.

Материалы Вятской городской думы не дают оснований для подобных выводов: там, где вопросы касались собственно городских сословий, дума, за редким исключением, действовала в интересах всего города. Она занималась благоустройством города, содержала больницу, богадельню, общественные сады, приходские училища, следила за неуказной торговлей. Нередко дума отдавала предпочтение интересам мещанства, составлявшего городское большинство. Например, она отказалась от закупки на средства всех горожан двух «английских» заливных труб, рассчитанных на тушение пожара только многоэтажных домов, т.е. домов крупных купцов, предлагая последним на свои личные средства купить эти машины. В 1834 г., когда после неурожая начался голод, дума в ответ на многочисленные обращения мещан предложила купеческому обществу собрать необходимую сумму для помощи бедствующим⁵⁸ и др.

Инициатива помощи беднейшему мещанству исходила, как правило, от городских голов – представителей крупного купечества в городе. Так, городской голова Я.Ф.Гусев (1826-28 гг.) видя невозможность мещан в срок собрать подати, предоставил займы от себя лично недостающие 4 тыс.руб.⁵⁹. Другой городской голова Я.А.Караваев (1829-31 гг.) пожертвовал для нового здания общественной богадельни все необходимые принадлежности (кровать, белье, посуду, одежду)⁶⁰. В некоторых же случаях городской голова шел вразрез с купеческими интересами. Так, И.С.Колошин (1814-1816 гг.), считая своим долгом «доставить возможную пользу целому городу», действовал в интересах всего города, отдавая предпочтение интересам мещанства перед купечеством⁶¹. Он стал инициатором разбирательств многих противозаконных дел в городе: выступил против незаконной торговли со стороны приезжих; поднял вопрос об избавлении общества от содержания

казенного перевоза; встал на сторону мещанства против трех купцов, захвативших с подачи губернского правления лучшие места в городе для строительства лавок; добился повышения в 4 раза откупной цены за освобождение чиновников от содержания постоя и пр.⁶². Таким образом, дума действовала как в интересах города, так и посадского населения⁶³, нередко отдавая предпочтение интересам мещанства перед купечеством.

В то же время, нельзя и идеализировать ситуацию, сложившуюся в городской общине. Так, в 1810 г. гласный думы Прозоров выступил от лица купечества против неуказной торговли мещан. В ходе рассмотрения дела в магистрате, практически все мещане были оправданы, а их торговля признана соответствующей закону⁶⁴. Следующий инцидент произошел в 1814-18 гг. в связи со строительством лавок⁶⁵. Крутой нрав городского головы И. Колошина и его стремление отстаивать преимущественно мещанские интересы произвели раскол не только в городском, но и в купеческом обществе, и даже в самой думе⁶⁶.

Еще один случай произошел в 1855 г., когда мещанин Федянин обвинил городского голову Машковцева в стремлении завладеть его усадьбой, отправив его воевать. Но избирало его в ополченцы все мещанское общество. Члены думы, присутствовавшие на собрании, признали, что городской голова был объективен и справедлив. Разбирая каждый отдельный случай, он учитывал семейное положение, поведение и пр. Чтобы успокоить мещанина, дума согласилась принять его усадьбу на свое попечение⁶⁷. Больше никаких серьезных разногласий между купечеством и мещанством в дореформенный период в работе Вятской городской думы зафиксировать не удалось.

Единство посадского населения наблюдалось не только на уровне сознания, но и поведения. Описывая в 1846 г. бал у вице-губернатора, ссыльный поляк Г. Каменьский сделал интересное в этом отношении наблюдение: «Среднего сословия не было вовсе: если они собираются прийти, то не иначе, как гурьбой. Прежде чем какая-то семья собирается

прийти, то сперва посылает в другие знакомые себе дома узнать, не собираются ли они идти»⁶⁸.

Это замечание наряду с другими фактами указывает не только на единство мещанского и купеческого общества, но и на противопоставление его среде чиновников, разночинцев и других социальных групп, проживавших в городе. Об этом свидетельствуют и общероссийские материалы⁶⁹. Существовавшая в городах социальная разнородность привела к утверждению в историографии мнения, что «Жалованная грамота городам» слишком поспешно расширила городскую общину, вводя принцип сословности. Здесь, правда, следует сделать две оговорки. Во-первых, Городовое положение 1785 г. не провозглашало подобного принципа: в состав городского населения не вошло, например, проживавшее в большом количестве в городах крестьянство. Кроме того, включения разночинцев и чиновников в состав города потребовали сами горожане. Так, в Наказе 1767 г. в Уложенную комиссию вятчане возмущались, что в городских службах, раскладках, связанных с содержанием городского хозяйства, и повинностях, участвуют только мещане и купечество, остальные же слои, проживающие в городе, не включены в них⁷⁰. Правительство пошло навстречу требованиям горожан.

Однако расширение состава городских обывателей за счет чиновников и разночинцев и, в частности, включение их в работу общественных учреждений, не дало желаемого эффекта. Для успешной деятельности городского самоуправления, как отмечал И.Дитятин, было «необходимо сознание общественных интересов, и это возможно лишь в том случае, если прежде всего существует сознание о самой принадлежности к тому обществу, ради интересов которого приходится пускать в ход свои знания, свою опытность»⁷¹. В этом-то и заключалась основная проблема, поскольку чиновники и разночинцы видели себя, как правило, вне рамок местного сообщества, причем это было повсеместным явлением⁷².

Причиной их отчужденности по отношению к податным слоям города был не только их пришлый характер, но и особое положение в городе. Как отметила Л.Лаптева, у чиновников в отдаленных губерниях «сознание безнаказанности по причине удаленности от центра порождало соблазн поправить свои дела за счет всевозможных злоупотреблений, а отсутствие органичной связи с местным населением затрудняло осмысление местных интересов, лишало чиновника чувства причастности к местному сообществу»⁷³. Воспоминания и официальные документы конца XVIII - первой половины XIX в. дают не самую лестную характеристику вятских чиновников как людей необразованных, бедных, раболепных, пораженных пьянством, ложью и взяточничеством⁷⁴.

Свою негативную роль сыграли и существенные различия в ментальности, что проявилось, в частности, в отношении к своей малой родине. Простые горожане не только в пословицах видели Вятку центральным местом, но и в своей обычной речи называли ее «столицей»⁷⁵. Это было характерно в дореформенный период в целом для России, как для крестьянства, так и для горожан провинциальных городов, где еще преобладала традиционная ментальность⁷⁶.

В центре же мировоззрения чиновников, особенно прибывших из столиц, а также представителей нарождающейся интеллигенции, лежали ценности столичной, западной культуры, с позиций которых они нередко с презрением относились к провинциальной Вятке, считая ее «мерзким углом»⁷⁷. Как отмечал в своих письмах ссыльный поляк Г.Каменьский, «эти все прибывшие очень высокомерно смотрят на вятчан. Сказать «истинный вятчанин» - одно и то же, что «простак» - необразованный человек ... Не смеяться над ним считается признаком плохого тона»⁷⁸.

Не чувствуя себя гражданами города, они постоянно уклонялись от участия в общественном управлении и от несения общегородских повинностей. Особенно ярко это проявилось в конце XVIII – начале XIX в., когда для проведения выборов гласных или депутатов среди чиновников

дума прибегала к помощи полиции и местной администрации⁷⁹. Большинство чиновников и разночинцев игнорировали думу в качестве органа городского управления, поскольку не видели в ней средств для реализации своих интересов, имея в то же время иные рычаги воздействия на городские дела. Подобная ситуация была характерна для России в целом⁸⁰. Например, гласный нижегородской думы дворянин Руднев просил его избавить от «столь неприличной званию его должности гласного»⁸¹. В дальнейшем реально существующая картина была закреплена в законе 1824 г., который ограничил выбор дворян и чиновников на городские должности⁸². Внутригородская разобщенность не была преодолена даже к середине XIX в.

Особо следует сказать о крестьянстве, которое также оказалось вне городской общности. Горожане не возражали против записи их в свое сословие. Но они были негативно настроены по отношению к многочисленным крестьянам, которые, пользуясь привилегиями мещанства и являясь серьезными конкурентами в местной торговле, не платили городских сборов и податей и не участвовали в общественных службах.

Тем не менее, ситуация постепенно менялась. С начала XIX в. государство начало активно привлекать чиновников к работе городских комиссий и комитетов, деятельность в которых, наряду с другими факторами, постепенно сближала их с городским сословием⁸³. Обществу удалось добиться у начальства включения разночинцев в постоянную и пожарную повинность, а также в раскладку поземельных денег, которые расходовались на содержание полиции. Чтобы не было при этом недовольных, губернатор предложил избрать депутатов не только от купечества и мещанства, но и от разночинцев⁸⁴. В результате в раскладке помимо городских слоев приняли участие представители чиновников, приказнослужителей, крестьян, военнослужащих и даже священнослужителей. Среди неподатных слоев и крестьян выборы проводила полиция⁸⁵.

Таким образом, можно говорить о достаточном единстве в первой половине XIX в. только податных городских слоев, обладавших сословными и общегородскими интересами. В то же время следует отметить постепенный процесс сближения сословий, живущих в городе.

Чтобы города имели возможность эффективно защищать полученные права и привилегии, отстаивать свои коренные интересы, Екатерина II даровала новым органам общественного управления некоторые *властные полномочия*, что выгодно отличало их от предшествующего самоуправления. Не случайно в преамбуле Городового положения она объяснила цель введения новых органов самоуправления желанием «освободить рукоделия, промыслы и торговлю от принуждений и притеснений». Это стало возможно благодаря переосмыслению категории власти в российских реформах XVIII в. через призму европейских теорий. Оттуда были привнесены представления о регулярном государстве и с ними новые понятия закона и прав как базовых оснований власти. Постепенно они вытесняли прежнюю систему отношений общества и государства, которая строилась на всеобъемлющей системе служения. Их принципиальная новизна заключалась в том, что городские общественные учреждения приобрели многие черты государственных органов, созданных и работающих на основании закона, а не традиции. Так, закон 1785 г. запретил налагать на города новые подати и службы, без указа императора. В случае же нарушения, городское самоуправление получило возможность идти со своими жалобами до Сената (ст.7). О недостатках и нуждах города самоуправление могло докладывать губернскому правлению. Если же это не входило в компетенцию местной администрации, она была обязана передать дело для рассмотрения тому, кто был уполномочен его решить (ст.8.). Отныне горожане могли не только просить, но и «повелевать»: так, органы городского управления обязаны были исполнять все законные требования думы (ст.178).

Изменение положения городского самоуправления значительно повысило его статус. Хотя процесс «признания» местной администрацией, несомненно, имел сложный и затяжной характер. Горожане получили возможность говорить с чиновниками на одном языке – языке закона (ранее органы самоуправления основывались на традиционных нормах, которые для чиновника ничего не значили), обладая реальным статусом для защиты прав горожан. Нововведения требовали наличия в сознании горожан определенных ценностных ориентаций, к которым следует отнести представления о власти, законности и самостоятельности.

Первые факты были не утешительны. Екатерина II была разочарована, узнав из наказов в Уложенную комиссию, что горожан волнуют только насущные вопросы их бытия. Они не просили особых прав самоуправления. Об отсутствии интереса к этим органам говорил и тот факт, что во многих городах выборы в думу затянулись. Так, на Вятке она открылась только через 8 лет после издания Городового положения 1785 г., в других городах они учреждались под нажимом местных властей. Но, прежде чем дать окончательный ответ, необходимо выяснить: что вообще граждане понимали под властью и в чем видели ее основное предназначение?

В картине мира русского горожанина XVIII в. преобладали традиционные представления о власти. На протяжении всего русского средневековья в основе взаимодействия общества и верховной власти лежал принцип служения. Вплоть до середины XIX в. в российском законодательстве действовал особый механизм правового регулирования социальных отношений, в центре которого лежал принцип условной службы монарху или тягло⁸⁶. Служба обуславливала получение тех или иных прав и привилегий. Не случайно «пожалование» являлось одной из центральных категорий в картине мира русского средневекового человека⁸⁷. Жалованные грамоты конца XVI – XVIII вв. носили частный характер и предоставлялись лишь тем лицам и городским корпорациям, чья

деятельность приносила существенную выгоду государству. Кроме того власть оставляла за собой право их ограничения и даже отмены⁸⁸. В таких исторических условиях власть являлась относительной ценностью для русского сознания XVIII-XIX вв. Эта черта русской ментальности нашла яркое выражение в фольклоре: положительные герои сказок не домогаются власти, а получают ее в дар или за заслуги⁸⁹. Поэтому стремление к получению власти в европейском понимании было немыслимо для России.

Тем не менее, когда городам были пожалованы новые органы самоуправления с некоторыми властными полномочиями, этот шаг императрицы оценили многие российские города. В народных представлениях одной из основных функций власти была защита справедливости. Поэтому главное значение новых органов податное население видело в возможности почти на равных общаться с притеснявшей их местной администрацией и полицией. В руках общественного управления закон превратился в достаточно сильное орудие, хотя и не абсолютное: зачастую сильнее его оказывалась взятка. Тем не менее, в силу своих возможностей, городская дума стремилась в своей деятельности учитывать как интересы отдельных людей, так и городских корпораций, отвечая традиционным представлениям о власти как о защитнике. Она не разрывала традиционной связи общества и верховной власти, но становилась официальным ходатаем перед столичными властями в разрешении крупных вопросов, а также непосредственным защитником горожан на местах в повседневных конфликтах.

Так, в качестве защитника городских интересов, дума добивалась избавления города от незаконно наложенных на него служб и повинностей (переход перевоза в общественное содержание⁹⁰, передача больницы из ведения думы в Приказ общественного призрения⁹¹, перевод ряда выборных должностей в разряд наемных⁹² и пр.).

Дума разрешала торговые и сословные споры, защищая частных лиц от сословных корпораций, а горожан в целом – от конкуренции иногородних и крестьян. Исполнение думой некоторых государственных функций и повинностей тоже имело свое положительное значение: самоуправление получило большие юридические возможности для защиты своих граждан, притесняемых со стороны административно-полицейских органов. Со своими жалобами оно могло уже идти до высших, столичных инстанций, что для частных лиц (и даже для всего общества в XVIII в.) было немислимо.

Благодаря деятельности новых учреждений, правовое положение горожан и самоуправления в конце XVIII – середине XIX вв. по сравнению с серединой XVIII в. значительно улучшилось. Если в середине XVIII в. возмущаться несправедливым распределением полицией постоянной и других повинностей было практически бесполезно⁹³, то с появлением думы жалобы подобного рода не оставались без внимания. Так, с 1820 г. дума по собственному желанию, совместно с депутатом от чиновников, включилась в составление списков для несения пожарной повинности, хотя это и не составляло ее прямой обязанности. Поводом для этого стали многочисленные жалобы горожан на неправильное составление полицией очередных книг⁹⁴.

Кроме того, дума добивалась у властей для города особых прав и привилегий. Например, в 1800 г., когда для ревизии губернии в Вятку прибыли сенаторы, дума обратилась к ним с прошениями горожан. В частности, речь шла о беспошлинной рубке леса для строительства частных домов в городе, о предоставлении городу выгонной земли, а также о строительстве мостовых не каменных, как предписано указами, а деревянных⁹⁵.

Через работу думы у горожан формировались ценностные представления о *законе и самостоятельности*, которые являются необходимыми условиями существования самоуправления. В западной

историографии господствует точка зрения, согласно которой русские горожане, будучи закрепощены государством, не испытывали потребности устроить свой общественный быт на принципах свободы и самоуправления, вплоть до отмены крепостного права в 1861 г.⁹⁶. В основу этого утверждения легли, в первую очередь, взгляды дореволюционной историографии. В частности, А.А.Кизеветтер на основании изучения преимущественно Московской шестигласной думы пришел к заключению, что ее «всего менее можно было бы заподозрить в настойчивом стремлении к самостоятельности ... боязнь попасть под ответственность – вот что всегда стоит для нее на первом месте»⁹⁷.

Однако в провинции администрация была, как правило, слабее, чем в центре, а самоуправление, при наличии сильного купечества, достаточно развито. Показателен, в этом отношении, период правления в Вятке губернатора Ф.И. фон Брадке, когда многие дела решались в пользу отдельных богатых купцов, в ущерб всему мещанскому обществу, или даже городу в целом. Дума, встав на защиту средних слоев горожан, выступила с требованиями их пересмотра в губернском правлении. Ее не испугал ни пришедший оттуда «строжайший выговор», что дума «вошла не в свое дело», ни угрозы с его стороны, чтобы она «не осмеливалась входить впредь с подобными представлениями под опасением отдачи членов ея суду»⁹⁸. Городской голова Иуда Колошин бесстрашно отправил свои жалобы на рассмотрение в высшие столичные инстанции⁹⁹. Работа думы осложнялась ситуацией в городе, где, «пользуясь круговой порукой, местная администрация не давала хода жалобам, безнаказанно уничтожала документальные улики, жестоко расправлялась с теми, кто рискнул выступить против злоупотреблений»¹⁰⁰. В таких условиях, городская дума нередко противостояла местной администрации, не позволяя чиновникам произвольно вмешиваться в дела городского общества.

Подобная ситуация была характерна, в частности, для сибирских и уральских городов, где существовала схожая с Вяткой социальная картина

(сильное купечество наряду с малочисленностью дворянства). Сибирские городские головы, нередко обладавшие крутым нравом, неоднократно вступали в противоборство с местными властями. Отстаивая корпоративные интересы, городские думы нередко игнорировали распоряжения местных властей¹⁰¹.

Дума вставала на защиту своей самостоятельности и законного порядка не только в отношениях с администрацией, но и с равными ей органами. Так, в первые годы своей работы, когда шел сложный процесс разграничения функций с городским магистратом, она ревностно отстаивала свои права даже в мелких вопросах. Дума, например, пошла на принцип в деле о передаче денег содержателю перевоза, не разрешая выдать эти деньги магистрату «для соблюдения святости контракта, а сугубее законного порядка»¹⁰². Когда же магистрат стал выдвигать незаконные требования по другим вопросам, дума отказалась даже отвечать на них, считая подобные сообщения «наивысшею дерзостью» и «произволом». Городской голова и гласные ясно осознавали свое достоинство и положение в иерархии управления, справедливо считая, что «городская дума есть не изба мещанская, которая непосредственно подчиненностью от одного магистрата зависит, но место ... учрежденное в равном с оным магистратом достоинстве»¹⁰³.

В целом, новые органы городского самоуправления соответствовали представлениям и чаяниям горожан, несмотря на то, что в провинции преобладало традиционное мировосприятие.

Для эффективной работы органов самоуправления требовалось, чтобы граждане, наряду с определенным кругом ценностей и представлений, обладали деловым и управленческим *опытом, разнообразными способностями и высокими личностными качествами.*

По мнению И.Дитяткина, у горожан отсутствовал необходимый *культурный и образовательный уровень* для работы в самоуправлении. По сведениям ревизоров, выборные были ниже среднего уровня развития,

«люди темные, безответственные», ничего не понимающие в деле управления, по преимуществу неграмотные, и, более того, подозрительные в нравственном отношении. Они не имели опыта работы в управленческих структурах. Это привело к тому, что всем делопроизводством занимались секретари. Члены думы плохо понимали свои функции, не знали, как реагировать на различные требования правительственных учреждений¹⁰⁴.

В отношении вятского общества с этими утверждениями трудно согласиться. Городское сообщество в определенной степени уже было подготовлено к работе в новой системе общественного управления. В XVII-XVIII вв. горожане приобрели значительный опыт замещения различных выборных должностей (в основном исполнения казенных повинностей) и принятия общих решений. Вятская посадская община в этот период проводила выборы в различные органы управления, совместно раскладывала повинности и общественные сборы, чинила городские мосты, контролировала местную торговлю и пр.¹⁰⁵.

Для эффективной работы думы было необходимо, чтобы гласные ориентировались в существующем законодательстве, знали трудовые отношения, умели заключать торговые сделки, считать, были грамотны (о широком образовании в провинции в то время говорить не приходилось).

Купечество, действительно, относилось к образованию настороженно, особенно если речь шла о широком гуманитарном или женском образовании. В то же время, горожане ценили обучение, имевшее практическую направленность (умение читать, писать, считать, коммерческие знания и т.п.). Не случайно общество по своему приговору через думу согласилось помогать содержать три училища, а крупные купцы стремились отдать своих чад для обучения в столичные учебные заведения¹⁰⁶. Нельзя согласиться и с тезисом о неграмотности гласных. По данным выборов в Вятскую думу, если число грамотных в 1817-28 гг. составляло в среднем 82% среди кандидатов и 80% среди выборных, то в

1835-43 гг. – 91,1% и 100%, а в 1850-61 гг. – 97,2% и 100% соответственно¹⁰⁷.

Кроме того, деятельность думы с первых лет показала, что гласные знали законы не хуже чиновников. Указывая на необходимость сохранения магистратов, общество заметило, что исполнявшие должности ратманов и бургомистров, «вникнув в законоведение и судопроизводство делаются на всю жизнь сведущими и опытными в обществе людьми»¹⁰⁸. В своем отчете за 1843 г. вятский губернатор отмечал, что «в сословиях дворян, чиновников, купцов и даже мещан весьма заметна здесь склонность к образованию своих детей, которых большею частью стараются они отправлять в высшие учебные заведения»¹⁰⁹. Подобная ситуация наблюдалась и в других регионах. Так, А.И.Куприянов, анализируя деятельность самоуправления западносибирских городов, пришел к выводу, что «хитрые горожане охотно и не без успеха эксплуатировали стереотип сановных бюрократов о необразованности и серости русских купцов. На самом деле уровень образованности в городской среде был достаточно высок», подчеркивая, что образование у горожан «... имело ярко выраженную прагматическую направленность»¹¹⁰. Кроме того, они обладали и достаточно высокой правовой культурой¹¹¹.

Работа в думе предполагала также обладание гласными разнообразным *опытом управленческой и торговой деятельности*. Он был необходим в городском строительстве, при составлении городского бюджета, для заведования больницей и богадельней и в прочих городских делах. Здесь требовались умения заключать сделки и контракты, выгодно договариваться о покупке материалов и найме работников, вести приходно-расходные книги и др.

Следует отдать должное гласным и городским головам, которые нередко являли собой пример честности, рачительности и бережливости. Поскольку думе приходилось расходовать средства «в необходимейших случаях и с крайним сбережением», гласным было поставлено «в

непременную и строгую обязанность, чтобы всемерно старались о сокращении расходов»¹¹². Дрова для казенных и общественных учреждений старались заготовить летом, поскольку цены в это время были ниже¹¹³. Закупая материалы для города, они умели торговаться. Благодаря этому им нередко удавалось купить вещи по ценам ниже рыночных, экономя порой до 10-20 % из отпущенной суммы¹¹⁴. Были и совсем удивительные случаи. Так, в 1840 г. после продажи старых паузок от иордана (сооружение для водосвятия), за которые было получено 80 руб. сер., постройка новых была возложена на гласного с условием, чтобы их стоимость не превышала суммы, вырученной за старые¹¹⁵. В том же году вместо отпускаемых по смете на освещение города 1000 руб. дума закупила необходимые для этих целей материалы всего на 490 руб.¹¹⁶

Гласные с бережностью относились не только к городским средствам, но и к городской собственности. Так, дума нанимала сторожей для охраны материалов при временной остановке строительства или пустующих общественных зданий¹¹⁷, следила за тем, чтобы в городском лесу не производились самовольные рубки¹¹⁸. Ветхие кинеги (меховая обувь) и тулупы часовых, которые были изготовлены на городские средства, продавались с торгов. Если же желающих не оказывалось, кинеги отдавались в богадельню, а из тулупов шились тюфяки¹¹⁹. Ветхие общественные строения, которые шли под слом, равно как и другие старые материалы продавались с торгов на дрова¹²⁰.

Гласные, благодаря поездкам по торговым делам, имели представление о ситуации в соседних губернских городах. Так, убеждая губернское правление в выгоде перевода перевоза из городского содержания на оброк, дума ссылалась на опыт нижегородской городской думы, которая получила перевоз через р.Оку и использовала его с выгодой для города и для казны¹²¹. Обосновывая перед начальством те или иные предложения общества, дума неоднократно ссылалась на опыт Архангельска, Москвы, С.-Петербурга и др. губернских городов¹²².

Для работы в думе наиболее подготовленным сословием оказалось купечество. В решении хозяйственных вопросов им помогал деловой опыт. Кроме того, купцы обладали большим «стажем» работы в городском самоуправлении: поскольку их было в несколько раз меньше, чем мещан, очередь исполнения общественных служб подходила гораздо чаще. Почетную должность городского головы занимали исключительно купцы I-II гильдии, при условии, что они имели опыт исполнения общественных служб. Так, городской голова Яков Гусев (1826-28 гг.) имел 16-летний опыт исполнения общественных служб в должности счетчика уездного казначейства, ларечного при продаже соли, сборщика государственных податей, ратмана магистрата и заседателя в палате гражданского суда. Причем в последней должности состоял около 10 лет. «Все сии должности отправлял соответственно государственным узаконениям, тщательно в порученной ему немалотысячной сумме отдал верный и справедливый отчет». За свою службу он получил еще в 1820 г. «с отличною похвалою аттестат» и благодарность от общества¹²³.

Другим красноречивым примером может стать купец Трофим Эсаулов. Не один десяток лет прослуживший при думе, он прошел путь от писца до столоначальника. Он имел богатейший по провинциальным меркам опыт работы в различных учреждениях. Так, параллельно с работой в думе он 9 лет служил при составлении городской обывательской книги, 9 лет депутатом квартирной комиссии, более 30 лет членом комитета по сооружению Александро-Невского собора, а также его делопроизводителем и казначеем, 3 года депутатом по составлению городских росписей, больше 20 лет городским маклером, более 10 лет городским нотариусом, около 10 лет директором губернского о тюрьмах комитета, 3 года его казначеем и экономом, год членом-корреспондентом губстаткомитета. За свою деятельность получил серебряную медаль «за усердие» на Аннинской ленте¹²⁴.

Данные примеры также свидетельствуют о том, что в работе думы важную роль имели такие личные качества гласных как *честность, ответственность и исполнительность*. Выборные должности не оплачивались, отнимали много времени, поэтому фактор «поощрения» здесь не действовал: только крупными купцами могло руководить представление о престижности должности городского головы, бургомистра или заседателей судов. Несколько раз служение на подобных должностях позволяло добиться звания именитого (в конце XVIII – начале XIX в.) или почетного гражданина. Однако даже для купечества это не всегда было ведущим стимулом. В Вятке в этой среде долгое время сохранялись традиционные взгляды. Например, купец К.И.Клепиков был убежден, что «если человек увлекается желанием добиться славы мирской, то нередко забывает заповеди Божьи, чем наводит на себя гнев Божий»¹²⁵. Поэтому многие служили по совести, перед страхом ответить за проступки перед начальством, обществом и Богом. Некоторых, вероятно, привлекала возможность реализовать свои личные интересы, но число таковых было невелико.

К ответственности общество приучило длительное исполнение казенных служб и государственных повинностей. Для усиления личной ответственности гласных с них была взята подписка, что если в случае неисполнения возложенных на них поручений «последует со стороны высшего начальства взыскания, то за сие ответственность по законам должны каждый гласный за себя»¹²⁶. В результате, за перерасход указанных в смете сумм они могли попасть под суд. Например, в 1859 г. трое гласных за передержку городских средств на содержание думы отвечали за свою «нерачительность» в палате уголовных дел. В процессе же рассмотрения дела оказалось, что увеличение расходов было объективно связано с расширением канцелярии при думе¹²⁷. Перечисленные выше факторы в той или иной степени поддерживали ответственность и исполнительность членов думы, как, впрочем, и других органов самоуправления.

Но были и по-своему выдающиеся гласные и городские головы, которые пользовались особым авторитетом в обществе. За рассматриваемый период 17 человек дважды избирались для работы в думе, из которых семеро – на два срока подряд (см. Прил. 18). Были и просто ревностные служители. Так, в 1807 г. гласный от 3 гильдии Андрей Киприянов перешел в мещанство. Несмотря на то, что по ст.165 его следовало бы удалить от должности, он настойчиво просил разрешить продолжить ему заседание в думе. Но городской магистрат, посчитав это нарушением закона, указал его переизбрать¹²⁸. Подобные случаи происходили и в сибирских городах, когда обыватели, не имеющие права участия в самоуправлении, добивались его получения¹²⁹.

Большое значение для работы думы имел авторитет городского головы, причем не только со стороны общества, но и местной администрации. От него требовалось умение договориться с властями, разрешить конфликты между разными сословиями, создать компромисс в интересах всего города. Городским головам также приходилось из собственного кармана залатывать дыры в городском бюджете. Так, они неоднократно занимали деньги на разные городские нужды, в частности на содержание больницы¹³⁰. Простые горожане видели высокое предназначение городского головы. Так, один из горожан, обращаясь к городскому голове за «помощью и покровительством», писал: «Вы избраны на такую степень Провидением: слабago защитить, страждущему помочь»¹³¹. К.Клепиков в своих воспоминаниях о Вятке 1830-40-х гг. отмечал, что в это время «... городские головы имели большое значение ... Выдающимися по своей деятельности и распорядительности для пользы города и общества в прежнее время были городские головы, купцы, потомственные почетные граждане: В.К.Аршаулов, Ар.Ив.Машковцев, Я.А.Прозоров и Н.Ив.Караваяев. Аршаулов, хороший защитник общественных интересов, строго взыскивал с виновных и защищал невиновных. Служил он по желанию общества 12 лет¹³² бессменно»¹³³.

Многие городские головы были награждены за «усердную и ревностную службу» золотой медалью «за усердие» на Аннинской ленте¹³⁴.

Городские головы нередко обладали дальновидностью, предлагая дела на перспективу, а не только для решения насущных задач. Но, к сожалению, для их реализации город зачастую не имел необходимых средств. Именно по этой причине не были построены казармы; здание больницы было выстроено по значительно сокращенному плану и т.п.

Добрую память оставили в городе не только городские головы, но и отдельные гласные и секретари думы. Так, потомственный почетный гражданин, купец I гильдии Прокопий Микулин в 1835-38 гг. служил гласным думы, 1847-53 – кандидатом городского головы. В декабре 1849 г. он замещал должность городского головы. За столь короткий срок он успел получить от губернатора Середы две благодарности: за выгодный обмен ценных бумаг, который принес значительную пользу общественному банку; а также удачную сделку по покупке места, предназначенного для уездного училища¹³⁵. Более 25 лет исполнял в думе секретарскую должность купец III гильдии Иван Рукавишников. За первые 10 лет беспорочной службы в думе ему была пожалована императором золотая медаль на Аннинской ленте для ношения на шее «за усердную службу». Еще через 15 лет в награду он был определен в государственную службу¹³⁶.

Хотя идеализировать общую картину, конечно, не следует. В деятельности думы были случаи уклонения от исполнения должности¹³⁷, «непокорности» гласных решению думы¹³⁸, безответственного отношения к работе¹³⁹. Но подобные случаи были единичными, являясь, скорее, исключением для работы думы. Различное отношение гласных к работе показывает, в частности, следующий пример. В 1840 г. сбор за лошадей на Семеновской ярмарке был поручен 2 гласным. В результате Праздников собрал 11 р.80 к., Лебедев – 3 р.66 к. Заседание решило, что «поелику же гласные одно и тоже поручение исполнили не одинаково», Праздников «оправдал себя в деятельности и усердии, напротив последней в лености и

небрежении то Праздникову в поощрение изъять от Думы признательность, а Лебедеву замечание как не брегущему поручениями и непекущемуся о пользе городских доходов»¹⁴⁰.

Не менее важное значение для работы самоуправления играла *экономическая состоятельность* городских голов и гласных, поскольку выборные должности отвлекали от собственных дел, что могло привести к разорению. Поэтому необходимым условием успешной работы в думе являлось личное благосостояние горожан. Только экономически сильный человек мог позволить себе общественную деятельность, а в провинциальных городах представителей крупного капитала было немного, тем более, что и сами города были экономически слабы¹⁴¹. Население Вятки, в целом, также было небогато. Положение здесь было хуже даже по сравнению с некоторыми уездными городами Вятской губернии (Слободским, Орловом, Котельничем, Елабугой) (см. Прил. 17). Это привело к стремлению некоторых горожан уклониться от исполнения различных общественных служб.

Всего удалось зафиксировать 41 случай отказов от работы в думе в дореформенный период (1793-1870 гг.), из которых, правда, далеко не все были удовлетворены (см. табл. 1).

Таблица 1

Случаи отказов от должности гласного в 1793-1870 гг.¹⁴²

год	Сословия				Причины отказов							
	купцы	Ремесленники	Мещане	всего	Нарушение очереди	Финансовые трудности	Неграмотность	Состояние здоровья	Изменение социального статуса	Малочисленность сословия	Иные	всего
1797-98	1		1	2					1	1		2
1800-09	5	1	5	11		2	1	3	4	1	3	14
1810-19	2	1	3	6	2	3	1	2	1	1	1	11
1820-29	1	3	6	8	4	4	1	3			1	13
1830-39		1	4	5	1	1		2			3	7
1850-59	2	2	3	7	3	5		2			3	13
Итого	11	8	22	41	10	15	3	12	6	3	11	60
%	26,8	19,5	53,7	100	16,6	25	5	20	10	5	18,3	100

Как видно из таблицы, главной причиной являлось финансовое положение выбранного (25%). Второе место среди отказов занимало неудовлетворительное состояние здоровья (старость, серьезные заболевания, смерть), которое свидетельствовалось губернским лекарем (20%). Достаточно велик был процент нарушения очередности в выборе гласных (16,6%). Наиболее обременительна служба в думе была для мещан как самой бедной категории горожан (более 50% от общего числа отказов), что не было спецификой Вятки. Среди российских городов характерным явлением были отказы от занимаемой в думе должности, поскольку она не оплачивалась и отнимала много времени, что нередко приводило к расстройству в коммерческих делах¹⁴³. Чтобы избавиться от должности, указывалось, как правило, несколько причин. Так, в 1817 г. мещанин Герасим Ухов утверждал, что должности гласного исполнять не может, поскольку он неграмотен, назначен не по очереди, т.к. недавно был помощником старшины, и, кроме того, дважды горел, что привело его к разорению¹⁴⁴.

Но даже для купцов из-за многочисленности выборных служб (см. Прил. 4), должность гласного нередко становилась тяжелой повинностью. В 1850 г. в Вятке насчитывалось 33 выборные должности¹⁴⁵. В 1823 г. купцам и мещанам, не желающим отправлять свои должности, губернским правлением было разрешено нанимать вместо себя других¹⁴⁶. Отказ от общественных должностей в стране принял столь широкий размах, что Сенат был вынужден 20 июля 1835 г. принять указ, который запрещал «...принимать наемщиков за избранных обществом в почетные должности лиц», т.е. заседателей палат, бургомистров, ратманов, городских голов и др.¹⁴⁷.

Крупные купцы отказывались от выборных должностей по иным причинам. Экономическая слабость города выразилась в малочисленности купцов 1 и 2 гильдии. По 162 ст. Городового положения для выбора гласных было необходимо, чтобы в гильдии состояло не менее 5 семей. В

конце XVIII – начале XIX вв. I гильдия из-за своей малочисленности (3-5 семей, около 10 человек) редко избирала своего гласного, поскольку на представителей этого разряда купечества ложилась обязанность замещать должности городского главы и бургомистра (другие гильдии их практически не занимали), а с 1802 г. вообще перестала это делать. По этой же причине с 1814 г. прекратили избирать своего гласного и купцы II гильдии¹⁴⁸.

В то же время обе гильдии монополизировали престижную должность городского головы, от которой крупные купцы не отказывались. Причина этого лежала в том, что вятские купцы нередко действовали при помощи нераздельных семейных капиталов. Помимо экономических преимуществ, данная система давала возможность в случае служения одного представителя семейства переложить его часть коммерческих обязанностей на других членов семьи¹⁴⁹. Кроме того, для купечества это был стимул для получения почетного звания именитого гражданина, дававшего чин в случае активного участия в городских службах. Первым этого звания на Вятке добился Стефан Яковлевич Машковцев, который помимо других должностей дважды исполнял в думе обязанности городского главы¹⁵⁰.

Городское сословие формировалось в России естественным путем, хотя и не без активного вмешательства государства, которое значительно ускорило этот процесс. По мнению Б.Миронова и Н.Козловой, к концу XVIII в. оно в целом сложилось, имело свои традиции и самосознание¹⁵¹. Для формирования более зрелого сословия была издана «Жалованная грамота городам», которая закрепила привилегии и права горожан, расширила городскую общину и даровала городам новые органы самоуправления. Последние должны были развивать большую самостоятельность граждан в общественной деятельности, усилить их инициативность в отношении общегородских дел, сблизить различные сословные группы, проживавшие в городе.

Горожане (по крайней мере, наиболее активная их часть) оказались внутренне готовы к участию в новых органах самоуправления. Необходимые ценности и представления или сложились, или находились в стадии формирования, накладываясь на традиционные образы города и власти. Можно говорить о достаточном единстве в первой половине XIX в. только податных городских слоев. В его основе лежало местное самосознание, сформированное на базе традиционных ценностей. Купцы и мещане достаточно ясно осознавали как сословные, так и общегородские интересы.

Как и в других российских городах, наибольший интерес новые органы самоуправления вызвали у купечества, которое обладало широкими представлениями о городских интересах и финансовыми возможностями для работы в думе. Мещане и ремесленники ценили думу, видя в ней своего защитника и ходатая перед начальством, в то же время нередко считая непосредственное участие в ней тяжелой повинностью.

Противоречия внутри городских слоев безусловно существовали и иногда прорывались наружу. Но они не были преобладающими, являясь, скорее, исключением для деятельности думы, в основе работы которой лежало сословное единство податных городских слоев и решение общегородских задач¹⁵². Внутри податных слоев существовали достаточно сильные связи, а общегородские интересы преобладали над узко-сословными. Правда, подобная картина не была характерна для российской провинции. В частности, как показали исследования сибирских городов, купечество этого региона активно использовало положение в думе для реализации своих личных интересов¹⁵³.

Говорить о целостности всего городского общества Вятки, как и других городов, было преждевременно. Закон, возможно, несколько поспешно расширил городское представительство, поскольку за рамками городской общины оказались многие сословные группы. Чиновники и разночинцы скептически отнеслись к городскому самоуправлению, считая

участие в нем ниже своего достоинства, обладая иными рычагами давления на городские дела. Особняком стояло крестьянство, не имевшее прав для участия в думе. Тем не менее, несмотря на сохраняющийся в первой половине XIX в. сословный характер городской общины, совместная работа в комиссиях и комитетах, а также стремление городских слоев включить другие сословные группы в общегородские сборы и повинности – все это способствовало их постепенному сближению.

Этот процесс перешел на качественно новый уровень на рубеже 1860-70-х гг., когда численность городского населения в Вятке достигла 20 тыс. человек. По мнению исследователей, это тот количественный рубеж, когда сословная община превращается во всесословное городское общество. В это время происходит падение значения традиций в жизни, ослабляется социальный контроль над поведением личности, утверждается анонимный характер межличностных отношений. В результате значимым в сословном делении становится не принцип сословных привилегий, а буржуазный принцип богатства¹⁵⁴. Таким образом, расширение городской общины, зафиксированное в «Жалованной грамоте городам», соответствовало тенденциям социального развития, что получили подтверждение в Городовом положении 1870 г.

Податные городские слои оценили полученные властные полномочия как возможность официально противопоставить свои органы управления, дарованные самодержавием, местной администрации. Полученные властные полномочия воспринимались как средства защиты интересов горожан от злоупотреблений административно-полицейского аппарата, равно как и от конкуренции крестьян и иногородних. Члены думы осознавали свою власть, видели себя ее носителями, оберегали ее от нападков других учреждений. Гласные хорошо знали законы, которые стали отныне главным средством их защиты, позволяя отстаивать свои права и городские интересы не только перед лицом местных властей, но и высших, столичных инстанций. Благодаря деятельности думы, многие горожане

почувствовали силу закона и ценность самоуправления. Этому способствовали опыт исполнения государственных и общественных должностей в предшествующий период, достаточно высокий уровень грамотности гласных, сплоченность податных слоев населения, существование сословных и общегородских интересов, отсутствие среди них серьезных противоречий. Не случайно вятчане считали Городовое положение хорошим законом, отражавшим их интересы¹⁵⁵. Но экономическая слабость основной массы населения была серьезным сдерживающим фактором для активного участия горожан в работе местного самоуправления. Наложили свой отпечаток и прежние стереотипы, в частности, восприятие любой выборной должности как тяжелой повинности, а не права.

Важную роль для положительного восприятия думы сыграл авторитет городского головы. На эту должность избирались наиболее уважаемые и обеспеченные члены общества, имеющие деловой и управленческий опыт, а также тесную связь с высшими слоями чиновничества. Именно от них ожидали реальной помощи городу. Важными качествами для городских голов были справедливость, строгость, стремление помочь другим, образованность. Выбирали тех, кого считали защитниками общественных интересов, благотворителями, ходатаями перед начальством. Горожане высоко ценили городских голов, видели их высокое предназначение. Подобное восприятие городских голов было характерно, в частности, для сибирских городов.

В работе вятской городской думы не удалось зафиксировать случаев злоупотреблений со стороны гласных и голов своим положением, что нередко отмечалось в других губерниях. Так, в середине XIX в. в российских городах прошли массовые ревизии городских учреждений, которые выявили многочисленные упущения и злоупотребления в работе городских дум и других органов самоуправления. В первую очередь они касались нарушений в делопроизводстве, введения органами

самоуправления незаконных сборов, многочисленных случаев растрат и нерационального использования городских средств¹⁵⁶. «Беспорядки» были обнаружены и в органах самоуправления Вятской губернии, но они затронули только уездные города¹⁵⁷.

Оценивая в целом состояние вятского общества в дореформенный период, следует отметить достаточно высокую степень его готовности (по крайней мере, купечества) к работе в новой системе самоуправления на фоне городов Европейской России. Причем не только с позиций сложившихся представлений и интересов, но и конкретных знаний, умений, опыта управленческой и хозяйственной деятельности. Схожая картина наблюдалась и в сибирском регионе. Этому способствовало своеобразие социальной структуры Вятки, характерное и для многих сибирских городов. Практическое отсутствие дворянства, слабость чиновничества, малочисленность разночинцев на фоне сильного купечества, особенно в первой четверти XIX в., создавали благоприятные условия для развития новых учреждений. В то же время, негативное влияние на работу думы оказывала экономическая слабость основной массы горожан, для которых исполнение общественных служб нередко вело к разорению.

1.3. Проблемы взаимодействия административно-полицейского аппарата и органов городского самоуправления

Деятельность Вятской городской думы во многом определялась существующей в городе системой управления и самоуправления. Она сложилась на основе законодательства 1775-1785 гг. и с незначительными изменениями просуществовала до буржуазной городской реформы 1870 г.

В «Учреждениях для управления губерний» (1775) впервые произошло разделение местного управления на административно-полицейские органы (губернское правление, городская полиция, земские суды), хозяйственно-административные (казенная палата, уездные казначейства), судебные (всесословные палаты уголовного и гражданского суда, сословные суды) и органы социального обеспечения (приказ общественного призрения). Губернатор объединял в своих руках все выше перечисленные отрасли управления.

Как отмечали многие исследователи, законодательство последней четверти XVIII – первой половины XIX в. весьма нечетко разграничивало сферы деятельности местных административных органов. Так, губернское правление выполняло отдельные хозяйственные и судебные функции, а приказ общественного призрения, наряду с организацией медицинской и социальной помощи населению, заведовал такими учреждениями тюремного типа, как работные и смирительные дома, т.е. обладал отдельными административно-полицейскими полномочиями. Эта же нечеткость в разграничении функций была характерна и для городских учреждений (см. Прил. 8).

В соответствии с Городовым положением 1785 г. власть губернатора и губернского правления по отношению к думе ограничивалась общим контролем за законностью ее деятельности, присылкой новых указов и законов, проверкой городского бюджета, предложениями о городских

«нуждах и пользах», а также рассмотрением подобных предложений от общества.

Куда более тесные связи законодательство определило между думой и полицией. Полиция обеспечивала общий контроль над правильным исполнением законов, в том числе и со стороны думы. В хозяйственно-экономической сфере как думе, так и полиции предписывалось наблюдать за исправностью городских объектов, чистотой и опрятностью в городе. Полиция в этом вопросе находилась в прямом подчинении губернского правления. Но непосредственный ремонт общественных зданий, улиц, мостов и площадей лежал на думе, равно как и устройство в городе «всего потребного» (пристаней, магазинов, площадей и пр.). Поэтому здесь, вероятно, уже изначально предполагалось существование системы давления на думу через губернскую администрацию и полицию. Также полиция должна была осуществлять пожарную охрану города, а дума (с 1798 г.) обеспечивать содержание полиции и находящейся при ней пожарной части.

Кроме того, юридически и сама дума обладала некоторыми полицейскими функциями, которые были описаны, правда, очень неопределенно. Она должна была сохранять в городе мир, тишину и доброе согласие, в то время как к компетенции полиции относилось сохранение в городе благонравия, добронравия и порядка.

В экономической сфере полиция должна была наблюдать за неуказной торговлей, иметь сведения о торговых ценах и следить за правильностью мер и весов. Правда, последняя функция относилась также к компетенции городского магистрата и думы. Кто имел в этом вопросе главенствующее положение, закон не пояснял.

Казенная палата ограничивалась только общим финансовым контролем думы и проверкой городских доходов и расходов.

Приказ общественного призрения, ведавший социальными заведениями, должен был помимо средств из доходов губернии получать

деньги из городского бюджета. Но какие именно суммы и на какие нужды, в законе не указывалось.

Городовой магистрат занимался преимущественно судебными функциями. Его отношения с думой были еще менее определены законодательством. 178 ст. Городового положения указывала, что магистрат должен исполнять законные требования думы. А там, где потребует польза службы или соблюдение порядка, подавать друг другу руку помощи. Но в каких вопросах закон не определял. Более того, их функции пересекались в разных областях. Так, к компетенции как думы, так и магистрата относилось разрешение ремесленных и гильдейских споров, контроль за мерами и весами, представление о нуждах и недостатках города. Если городской магистрат должен был вести судебные разбирательства по искам и жалобам горожан и органов власти, то дума должна была сохранять город от ссор и тяжб с другими городами. В то же время, думе запрещалось вмешиваться в разные судные дела.

Отсутствие четкого разделения функций между общественными и государственными учреждениями под давлением местной администрации и иных факторов, по мнению большинства отечественных исследователей, привело к сокращению компетенции городского самоуправления. Из-за внутренней слабости дума передала свои функции полиции, а также различным государственным комитетам и комиссиям. В результате ее деятельность ограничилась только выдачей сумм на те или иные нужды¹⁵⁸.

Конкретные исследования были проведены преимущественно по столичным и сибирским городам¹⁵⁹, и выводы, сделанные в этих работах, распространялись историками на все регионы России. Но как еще в начале XX в. предостерегал В.Григорьев, степень удачи, достигнутую в столицах, нельзя считать пределом успеха. Он справедливо отмечал, что в столицах из-за их особого положения «получила усиленное развитие административная власть, и органы самоуправления не могли пользоваться той самостоятельностью, которую им легко было приобрести в отдаленной

местности, в особенности при слабых представителях администрации. Поэтому брать положение вопроса в столице за типичное можно только с большими ограничениями»¹⁶⁰. Это же рассуждение справедливо и для многих городов Сибири, особенно военного и заводского характера.

Как происходил процесс разграничения функций в сфере городского управления в Вятке? Насколько в действительности дума сумела сохранить свою самостоятельность в рамках отведенной ей законом компетенции? В первые годы работы Вятской городской думы избранные заседатели плохо ориентировались в своих правах и обязанностях, тем более, что и сам закон описывал их достаточно размыто. Первый и наиболее сильный конфликт по этой причине произошел в отношениях с городским магистратом, который исполнял функции думы до ее открытия. Делая еще первые шаги в городском управлении, дума показала свое стремление к самостоятельности и к соблюдению буквы закона.

Камнем преткновения стали городские мосты. Дело было инициировано в 1795 г. управой благочиния, и заключалось не только в ремонте старых обветшалых мостов, но и в строительстве новых, в соответствии с Высочайше подтвержденным планом 1784 г. Сложности, возникшие в его решении, позволили органам управления и самоуправления города определить границы своей компетенции и характер взаимоотношений с другими учреждениями. В ходе конфликта городской магистрат попытался встать в начальственное положение над думой. Но она не позволила говорить в приказном тоне равному ей органу. Магистрат же впоследствии неоднократно в переписке подчеркивал свое равное с думой положение и вытекающую отсюда невозможность ей указывать. В целом, с начала XIX в., когда круг интересов магистрата почти всецело замкнулся на судебной деятельности (хотя в его компетенцию по-прежнему входили многие сословные вопросы¹⁶¹), связи между ними заметно ослабевают.

На рубеже XVIII - XIX вв. значительно возросла активность взаимодействия думы с полицией. Это было обусловлено указом Павла I от 18 декабря 1797 г., в соответствии с которым содержание городской полиции возлагалось на городское общество¹⁶². Несмотря на то, что Александр I приостановил действие многих законов отца, этот указ сохранил свою силу и лег тяжелым бременем на плечи горожан.

Руководствуясь законодательством, дума сумела убедить местную администрацию в необходимости сбора для этой цели поземельных денег с обывательских домов со всех живущих в городе, а не только с купцов и мещан. Поскольку деньги собирались и хранились думой, полиция докучала ей многочисленными требованиями прислать необходимые суммы на те иные полицейские нужды, отремонтировать, выстроить или приобрести дома или иные строения для полиции, гауптвахты, лазарета, тюремного острога, обеспечить их непрерывное отопление и освещение. Это относилось и к расположенным в городе полицейским будкам. Также несколько раз полиция обращалась к думе с требованием переизбрать полицейских служителей, не соответствовавших своей должности по возрасту или моральному облику. После расквартирования в Вятке гарнизонного батальона в 1804 г. дума наблюдала за правильностью распределения полицией солдат по квартирам (в 1808 г. эти функции перешли квартирной комиссии).

В соответствии с законом дума также подчинялась полиции в некоторых делах городского хозяйства. По ст.36 Устава Благочиния (1782 г.) управа благочиния в своем ведомстве имела городские дороги, улицы, мосты и переправы, а также прилагала «неусыпное старание и попечение, чтоб дороги, улицы и переправы ... в таком исправном состоянии и содержании были, чтоб проезжим не было ни остановки, ни опасности». Она следила за тем, чтобы «по городу наблюдалась во всякое время чистота и опрятность», и нередко понуждала думу к исправлению дорог, мостов, площадей, военных и общественных зданий¹⁶³.

Поскольку полиция отвечала за освещение города, дума ежегодно присылала ей деньги, предназначенные на покупку масла, а также занималась изготовлением фонарей.

Исполняя указания высшего начальства, дума, в то же время, стремилась избавиться от излишнего давления со стороны полиции. Так, вопросы ремонта, освещения и отопления в первой четверти XIX в. были всецело переданы для решения купеческому и мещанскому обществу (дума лишь отряжала гласных для сдачи отремонтированного или купленного дома)¹⁶⁴. Облегчением для думы стала передача губернатором вопросов сбора поземельных денег с разночинцев (в первую очередь чиновников) городничему¹⁶⁵. Отчасти это произошло по просьбе самой думы, поскольку разночинцы были не в ее ведении, а собираемые деньги шли не на городские нужды, а на содержание полиции¹⁶⁶.

Некоторые вопросы в начале XIX в. решались совместно бургомистром, городничим и городским главой: о строительстве в городе мостов и будок, а также об отводе мест для частных построек (с привлечением губернского архитектора)¹⁶⁷; они осуществляли общий контроль над возвышающимися ценами на рынке.

В целом, по отношению к полиции дума на рубеже XVIII-XIX вв. держала себя достаточно независимо, подчиняясь только тем приказаниям, которые были в рамках закона. Например, в 1806 г., дума отказалась прислать в полицию нового гласного, т.к. присланный ранее не подчинился ее требованиям и заявил, «что он де не подъячей и полицейския приказания не исполнит». Дума посчитала справедливыми действия своего представителя, поскольку тот был отряжен только для наблюдения уравнительности в распределении квартир, а не для развода военных чинов по домам, как это было ему приказано¹⁶⁸.

В то же время, дума стремилась сохранить ряд важных для себя функций. Если в начале XIX в. места для домов отводились совместно думой с полицией, то в 1810-е гг. этим стала заниматься полиция. У членов

думы, которых перестали приглашать на освидетельствование мест, стали возникать сомнения в правильности отводимых мест. Тем более, что появились многочисленные жалобы горожан по этому поводу. Поэтому дума просила новых мест для строительства из-за возникающих злоупотреблений без нее не отводить¹⁶⁹. В дальнейшем, в соответствии с §17 Высочайше утвержденного проекта о доходах и расходах г.Вятки 1828 г. дума потребовала, чтобы все желающие получить в городе место под постройку дома обращались бы непосредственно к ней¹⁷⁰.

Также, она стремилась не допускать полицию в вопросы хозяйственного распоряжения по заготовке материалов, продовольствия и вещей, полагая, что никакой чиновник не будет стремиться к экономии городских средств. Так, в 1840 г. дума отказалась выплачивать деньги за взятое полицией в магазинах масло, предназначенное для освещения города, поскольку по Положению 1828 г. она самостоятельно должна была закупать его хозяйственным образом. Более того, к тому времени она уже приобрела его по выгодной цене, истратив вместо 1000 руб., указанных в смете, только 490 руб.¹⁷¹.

Сохранила дума независимость и от находящейся при полиции квартирной комиссии. Так, в 1821 г. на предложение комиссии отрядить в думу своего депутата для раздачи квартирных денег обывателям, она отвечала, что этот вопрос находится исключительно в ее компетенции. В случае же претензий дума предложила обращаться с жалобами в вышестоящие инстанции¹⁷².

Со временем дума не только пресекла незаконные требования полиции, но, в соответствии с законом, стала активно использовать ее в своих целях, в первую очередь для сбора денежных недоимок (поземельных денег, податей). Кроме того, она объявляла торги на разные общественные работы и должности по найму. В ряде случаев полиция оказывала воздействие на пассивных чиновников, когда было необходимо отобрать от них депутатов в различные комитеты или другие органы¹⁷³.

Также по просьбе думы она занималась описанием скота, его количества и цены¹⁷⁴, взыскивала с граждан деньги за мощение улиц думой¹⁷⁵ и пр. Правда полиция не всегда с радением исполняла просьбы, заставляя думу многократно ее понуждать¹⁷⁶.

В целом на протяжении первой половины XIX в. отношения с полицией были достаточно ровные. Серьезных конфликтов между думой и полицией в указанный период не наблюдалось. Дума вела себя достаточно независимо по отношению к полиции, считаясь только с ее законными требованиями, одновременно используя ее в своих целях.

Столь же равноправное положение дума имела по отношению к размещенному в городе гарнизонному батальону и его командиру. Так, в 1835 г. на требование командующего батальоном «в незамедлительном времени» доставить новую водовозную лошадь, дума посчитала подобное требование «совершенно новым», «к удовлетворению коего дума не имеет в виду никакого законоположения, к тому и суммы на предмет сей и вовсе не имеется и по сметам, утвержденным начальником губернии таковой нисколько не назначено»¹⁷⁷. В том же году командир потребовал сделать в караульной для дежурных офицеров отдельную комнату, где должны быть «софа с подушкою и зеркало». Дума с удивлением отвечала, что не имеет такого положения, «по коему якобы должно иметь софу с подушкою и зеркало», а потому «требование в сем случае удовлетворить не может»¹⁷⁸.

Более того, в случае необходимости она могла высказывать командиру свои претензии. Так, в 1837 г. командир батальона по требованию думы запретил барабанщику Ямбурову торговать кожами. При этом дума осталась недовольна, так как на нарушителя не были возложены какие-либо особые взыскания. Дума сообщала, что «замечается какое-то послабление Г.батальоннаго командира к законным правилам, что может послужить барабанщику Ямбурову поощрением к дальнейшему производству торговли и подрыву купечеству», потребовав взыскать с него штраф¹⁷⁹.

Если дума не позволила «подмять» себя полиции и судебным органам, то от «предложений» губернатора (с 1825 г. они были заменены более точной формулировкой – «предписаниями» и «настоятельными приказами»¹⁸⁰) отказаться было гораздо сложнее, особенно если они требовали своего незамедлительного исполнения. Правда, в подобных случаях инициатива, как правило, исходила не лично от губернатора, а от вышестоящих (Сената, МВД) или местных (полиции, Казенной палаты) органов власти, на которые начальник губернии должен был как-то реагировать. В таких ситуациях дума была вынуждена составлять различные таблицы, собирать сведения о численности, капиталах, торговле купечества и мещанства (вернее предоставлять губернатору сведения, собранные городским старостой и мещанским старшиной)¹⁸¹.

Но даже в таких непростых ситуациях дума могла отказаться. Например, когда по сообщению командира гарнизонного батальона губернатор «предложил» думе немедленно обеспечить членов батальона, проживающих в квартирах без хозяев, всем необходимым, то дума, считая это компетенцией полиции, переадресовала требование командира к ней¹⁸².

Постепенно губернаторы все активнее начинают вмешиваться в деятельность думы. С конца 1820-х гг. ими стали вноситься изменения в сметные исчисления городского бюджета. Но, как показывают дела, в целом, они носили рациональный характер. В этих предложениях просматривается стремление расширить источники доходов, уменьшить общественные складки, которые лежали бременем на обывателях, и сократить намеченные расходы¹⁸³.

Если же речь шла о личных инициативах губернатора, то они обычно касались городского благоустройства и не носили приказного характера. Так, в думу поступили предложения о заведении общественного пастбища и пастухов, об очищении прорубей зимой, очистке мест перед казенными зданиями, о заготовке дров в Слободском уезде и др.¹⁸⁴. После получения подобных сообщений дума собирала купеческое и мещанское общество,

которое рассматривало предложение и в случае своего согласия определяло сумму, которую оно согласно развести на его реализацию. Если общество предложение не устраивало, оно могло дать губернатору обоснованный отказ. Так, например, в 1810 г. общество отказалось от предложения губернатора чистить улицы перед казенными зданиями, ссылаясь на то, что это не соответствует законам («на то нет такого закона, чтоб исправлять что-либо против казенных строений обществом») и городскому бюджету¹⁸⁵. Несколько раз мещанское общество отказывалось от предоставления принадлежащей ему земли или от продажи общественного дома для нужд гимназии и уездного училища и т.д.¹⁸⁶.

Дума, в свою очередь, неоднократно обращалась к губернатору со своими предложениями и с ходатайствами от городского общества (по поводу постройки в городе бани, моста, открытия новых харчевен и т.п.)¹⁸⁷. Если губернатор решал проблему сам, то, как правило, отказов и задержек в разрешении не было. Так, губернаторы поддерживали неоднократные просьбы думы, связанные с ее тяжелым финансовым положением, занять деньги (до 5500 рублей¹⁸⁸) у Приказа общественного призрения, а также использовать заимообразно на протяжении 5 лет 825 рублей, не выданных полиции в 1804 г. Иное дело, когда вопрос требовал утверждения в столице: это значительно затягивало процесс. Незаинтересованность столичных чиновников в делах горожан проявилась и при ревизиях губернии сенаторами: на все ходатайства городского общества к прибывшим в губернию сенаторам, не было получено ни одного ответа¹⁸⁹.

В то же время, губернское правление и губернатор были для думы и других учреждений средством взаимного давления, поскольку непосредственное обращение друг к другу не всегда давало желаемого эффекта. Так, дума на грозные сообщения полиции прислать деньги на ее содержание, неоднократно жаловалась начальству, что полиция в сборе поземельных денег не оказывает должной помощи. В ответ губернское

начальство предписывало полиции, чтобы она оказала активное содействие в сборе необходимых для нее средств¹⁹⁰. Дума через губернское правление понуждала полицию к проведению выборов среди разночинцев и присылке необходимых сведений. В иных случаях требовалось трехкратное обращение губернского правления, чтобы заставить полицию исполнить свои обязанности¹⁹¹. Также выборные неоднократно просили губернатора или губернское правление воздействовать на губернского архитектора, медлившего с присылкой смет, фасадов и планов на постройку и ремонт городских объектов¹⁹². Эти же меры применялись в отношении командира батальона. Например, в 1856 г. дума просила губернское правление «употребить свое настояние» для возвращения командиром батальона старых тулупов и кинег. В свою очередь дума предупредила, что впредь не будет присылать новые вещи, «пока старья не будут возвращены»¹⁹³.

Важную роль в отношениях с губернатором играл субъективный фактор: личность городского главы и начальника губернии. Некоторые вопросы решались в ходе их личной встречи, в том числе и в неформальной обстановке (на вечерах, балах).

Иногда эти отношения были непростыми. Так, городской голова Иуда Колошин (1814-16 гг.) избрал политику недоверия к местной администрации. Последняя тоже вела себя достаточно пренебрежительно по отношению к думе, возлагала на общество многочисленные повинности, а просьбы думы откладывала в долгий ящик или затягивала их перепиской со столичными органами. Например, после прибытия приказа из Министерства полиции об освобождении общества от содержания больницы, губернское правление посчитало его недостаточным и переслало дело на рассмотрение других столичных органов, в частности С.-Петербургскому главнокомандующему. Колошин, предполагая, что губернатор «учинил ... представление не обо всем», послал свое обстоятельное прошение в столицу. В результате этого и других конфликтов губернское правление обвинило думу, что она «вышла из

уважения к начальнику губернии», поскольку присылала «уведомления», в которых извещала губернатора и правление о своих действиях, а не просила у них разрешения¹⁹⁴.

Напротив, добрые отношения губернского начальства было с представителями купеческого рода Машковцевых. Большим авторитетом не только в обществе, но и у местной администрации пользовался почетный гражданин, купец I гильдии Василий Аршаулов. Губернатор неоднократно обращался к нему с личными просьбами. В частности, он просил его оказать помощь для сбора в губернии средств на строительство в г.Вятке Александровского собора¹⁹⁵ и пр. Вероятно, по личной договоренности с губернатором В.Аршаулов неоднократно возил в С.-Петербург к высшему начальству ходатайства от городского общества.

В целом, дума в дореформенный период сумела сохранить ту степень самостоятельности, которая предполагалась для нее законами. Другое дело, что происходили изменения в самом законодательстве, которые, увеличивая исполнительные функции думы, сокращали ее распорядительные возможности.

Тесное взаимодействие городской думы с государственными структурами имело для нее различные последствия, важнейшими из которых стали процессы огосударствления и бюрократизации думы. Как показывают современные исследования, эти явления были характерны для выборных учреждений, как на уровне городского самоуправления (городских дум и городских магистратов), так и сельского¹⁹⁶.

Огосударствление органов самоуправления шло по двум основным направлениям: через усиление контроля и через выполнение государственных функций. В первую очередь, втягивание думы в систему государственных учреждений происходило через постепенное усиление контроля над ней, в том числе через увеличение ее отчетности перед местной администрацией. В первой четверти XIX в. контроль над

общественным управлением не был чрезмерным. Несмотря на не всегда законные требования государственных органов, в конце XVIII – начале XIX в. не встречалось примеров вмешательства губернаторов в выборы или в составление городского бюджета (что, например, встречалось в сибирских или столичных городах), отказов от предложений думы, серьезных нарушений законов.

Тем не менее, в первой трети XIX в. правительство и местная администрация планомерно усиливают свой контроль над самоуправлением в финансовой сфере. Общую финансовую деятельность городских органов контролировала Казенная палата, куда дума ежегодно присылала для ревизии свои приходно-расходные книги¹⁹⁷. Правильность приходно-расходных книг думы по окончании года также проверялась губернатором (в соответствии со ст. 155, 177 Городового положения). С начала XIX в. губернатор, усиливая свою опеку над думой, стал заранее утверждать городской бюджет, что не предполагалось законом. Но случаев, когда губернатор не соглашался с раскладкой городских денег, в документах первой четверти XIX в. не встречается.

С 1805 г. по предложению губернатора стали проводиться ежемесячные освидетельствования городской казны в присутствии городского головы, гласных и городничего, а позднее и уездного стряпчего.

Уже с начала XIX в. дума оказалась ограничена в использовании городских средств. В 1805 г. указом Вятского губернского правления было предписано на исправление пожарных инструментов, освещение и пр. расходы полиции, помимо жалования и канцелярских расходов, отсылать деньги только с разрешения губернатора¹⁹⁸.

Следующим шагом по усилению финансового контроля стал указ Государственного Совета (6 февраля 1823 г.), который запрещал использовать суммы из городских доходов для новых построек и заведений без особого разрешения МВД. По этой причине губернатор отказал в 1823

г. думе в строительстве домов для училищ до особого распоряжения МВД¹⁹⁹. С середины 1820-х гг. уже не только сметы на крупные постройки, но и на мелочные поправки требовали утверждения губернатора, что существенно удлинит делопроизводство²⁰⁰.

С 1828-29 гг. губернатор стал активно вмешиваться в составление городского бюджета²⁰¹. С середины 1830-х гг. по новому Уставу государственного благоустройства ежегодные финансовые отчеты предварительно должны были составляться думой в сентябре и передаваться на рассмотрение особому Присутствию депутатов от каждого сословия, во главе которого стоял городской голова²⁰². Оно производило учет и проверку расходов-доходов и через думу посылало свой отчет в Казенную палату²⁰³.

Усиление контроля проявилось не только в финансовой сфере, но и в административном давлении. Кадровые перестановки в местной администрации привели в 1808-16 гг. к жесткому противостоянию губернского правления и думы, споры между которыми разбирались даже в Сенате. К этому же периоду относятся и 2 случая удаления губернским правлением городских голов от своих должностей (больше за период дореформенной думы подобных случаев не встречалось)²⁰⁴. Это говорило, в частности, о силе субъективного фактора в провинции, а также об усилившемся стремлении чиновников подчинить думу своим интересам.

Контролировать деятельность думы пытались и более мелкие чиновники. В 1840 г. от уездного стряпчего неожиданно прибыло ряд указаний. Так, он просил думу представить именную ведомость о нерешенных делах, сведения о выбранных в общественные должности, каждые 2-3 дня «непременно» присылать для проверки журналы и пр. Дума отказалась выполнить эти требования как незаконные, убедив стряпчего, что их исполнение приведет лишь к ненужному увеличению делопроизводства²⁰⁵.

Превращение думы в государственное учреждение шло также через исполнение ею государственных функций. Несмотря на то, что Екатерина II отменила казенные службы горожан, в конце XVIII – первой половине XIX в. государство постепенно вновь начинает возлагать на городские общества различные повинности. Уже в конце XVIII - начале XIX в. дума отвечала за содержание батальона и полиции. Сближению думы с государственными органами способствовало заседание ее членов в различных государственных комитетах и комиссиях²⁰⁶.

В первой четверти XIX в. местная администрация, усиливая свое давление на общественное управление, незаконно возложила на горожан ряд повинностей. Еще в конце XVIII в. городу было передано содержание казенного перевоза. В 1811 г. губернское правление приказало взять думе в свое ведение городскую больницу, хотя это относилось к компетенции Приказа общественного призрения²⁰⁷. Следующим шагом стала передача в 1818 г. думе продовольствия колодников, что также не входило в ее функции. На прошения думы избавить ее от незаконно возложенных на нее повинностей, губернское правление не обращало особого внимания, стремясь разными способами затянуть дело²⁰⁸. Кроме того, по распоряжению центральных органов, на думу была возложена ответственность за сбор податей с городских сословий (хотя непосредственным исполнителем являлся мещанский старшина и сборщики).

Государственные учреждения также активно использовали думу для сбора необходимых средств и информации. Так, разнообразные сведения о городе (промышленность, общественные заведения, городские сословия, благоустройство, повинности, делопроизводство думы, городской бюджет и др.) ежегодно посылались губернатору для составления Всеподданнейших отчетов. Информация о численности купцов и мещан запрашивалась также Казенной палатой²⁰⁹. В 1820-60-х гг. думе постоянно

приходилось рассылать сведения о ценах на различные материалы и продукты.

Все это говорило об отношении к думе как к хорошему исполнителю, который более ответственно исполнял поручения, чем чиновники. В свою очередь, это способствовало превращению думы в низовой орган государственного аппарата.

Постепенное огосударствление самоуправления вызвало в нем явления, характерные для государственных учреждений. Наиболее негативным последствием этого стал процесс бюрократизации. Для него характерны формализм, увеличение объема делопроизводства, волокита, и как следствие этих процессов - раздувание канцелярии, казенный подход к делу и т.д.²¹⁰.

Эти процессы в различной степени проявились в работе Вятской городской думы. В первую очередь, бюрократизация выразилась во внешнем построении общественного учреждения как государственного органа. В частности, произошла формализация работы думы и рационализация ее делопроизводства. Первоначально заседания проводились в среднем раз в неделю. Помимо общего заседания несколько раз в неделю в думе находилось 2-3 гласных для приема различных бумаг. В связи с резким увеличением дел, с 1805 г. заседания в думе стали почти ежедневными (см. Прил.б) и строго регламентированными по времени (с 8 до 14 часов). Предпринятая в 1817-18 гг. попытка ограничить заседания одним днем в неделю окончилась неудачей²¹¹. Более того, возросший поток дел заставил думу с 1826 г. снова сделать заседания ежедневными²¹². С начала XIX в. необходимым требованием стало присутствие на заседаниях всех гласных (а не в порядке очереди, как было раньше)²¹³.

Произошло сокращение отпусков. Если в первой четверти XIX в. отпуск членов думы доходил до шести месяцев (обычно он варьировался в

пределах 1-2 месяцев), то по указу Сената от 14 декабря 1834 г. он стал ограничиваться 29 днями²¹⁴.

Во взаимоотношениях с государственными органами также приобрела важность формальная сторона²¹⁵. Губернское правление периодически присылало в думу необходимые формы для переписки с губернатором и генерал-губернатором, а Казенная палата – приходно-расходных ведомостей. Любопытно, что во время своего единственного посещения думы генерал-губернатор Пермский и Вятский К.Ф.Модерах интересовался не вопросами ее деятельности, а существующим в ней канцелярским порядком, который нашел исправным²¹⁶. Эти же вопросы интересовали во время ревизии думы стряпчего уголовных дел, который «нашел ... производство в лучшем виде и канцелярской обряд в совершенной исправности в продолжении всего 1810 года»²¹⁷. Более критично отнеслись к делопроизводству в думе прибывшие в 1824 г. для ревизии губернии сенаторы кн. А.А.Долгоруков и Е.А.Дурасов, которые обнаружили в делопроизводстве думы ряд упущений²¹⁸.

Чтобы унифицировать отчетность, с 1826 г. произошло четкое разделение городских сумм на окладные, неокладные, добровольные складки, поземельный сбор и пр. Каждый разряд должен был иметь свои книги. Велся и общий настольный регистр городских доходов и расходов. Дума просила ее от ведения новых книг избавить, считая это затруднительным и ненужным увеличением делопроизводства. Но Казенная палата, стремившаяся к единообразию финансовой отчетности различных учреждений, отказала думе в этом прошении²¹⁹.

Процессы бюрократизации думы особенно усилились в правление Николая I. Одним из важных проявлений этого стал резко возросший объем делопроизводства (см. табл. 2).

Таблица 2
²²⁰

Делопроизводство Вятской городской думы в 1822-65 гг.

Год	Число дел в производстве	Входящих бумаг	Исходящих бумаг
1822	11	483	589
1823	24	614	821
1824	31	643	715
1845	114	2543	2733
1846	199	2354	2835
1847	275	2307	2907
1848	313	2663	2925
1849	358	2573	2880
1850	435	2930	3751
1855	199	2543	2733
1856	519	4015	4101
1857	561	4462	4177
1859	374	5707	6130
1860	375	5503	6193
1865	565	5230	7340

Так, если в 1822-24 гг. в среднем в год в думе решалось 22 дела, входило 580 бумаг, исходило 708 бумаг, то в 1848-50 гг. эти показатели соответственно составляли: 369 дел, 2772 входящих и 3185 исходящих бумаг. Таким образом, за четверть века делопроизводство выросло более чем в 16 раз, а поток документации увеличился в 4-5 раз. Как видно из таблицы, запущенный Николаем I механизм нарастающего делопроизводства по инерции продолжал действовать и в годы правления Александра II.

Кроме того, рассматривая думу через призму государственных функций, губернское правление усилило свой поток указов «для сведения». Они не имели для думы никакого практического значения, лишь увеличивая общий объем делопроизводства. За день таких указов могло быть прислано более десятка. Своеобразный пик этих указов достиг в конце 1820-х – начале 1830-х гг. Например, в 1829 г. из 2023 журнальных записей 350 – являлись указами «для сведения», что составило 17,3% от общего числа (см. Прил. 7). Правда, с середины 1830-х гг. подобные указы

перестали переписываться в журнал думы, что значительно облегчило работу писцов.

Увеличение объема делопроизводства привело к замедлению в решении дел. Особенно это было заметно в вопросах благоустройства, которые раньше дума решала самостоятельно. Негативную роль, в частности, сыграла губернская строительная и дорожная комиссия, которая нередко становилась пятым колесом в работе городского самоуправления. Дума, имевшая возможность самостоятельно произвести в городе необходимые поправки, каждый раз должна была присылать сметы для утверждения в комиссию²²¹. Кроме того, в соответствии с законом любые постройки, как и иные расходы, превышающие 150 руб. в год, должны были утверждаться в МВД²²².

Производство многих дел тормозилось из-за нерасторопности местной администрации и полиции. Так, в 1850 г. из 33 нерешенных дел, находящихся в губернском правлении и относящихся к городскому хозяйству Вятки, 11 были не решены из-за неполучения сведений из полиции, 8 из-за медлительности землемера²²³. По официальным данным, в 1840-е гг. из общего числа нерешенных Вятской думой дел оставалось не решено за другими органами управления 50-70% дел. В середине 1850-х – 1860-е гг. эта цифра уже составляла 80-92% (см. Прил. 10). Тем более что оставшиеся нерешенные за думой дела, как правило, касались оброчных статей, которые брались на срок от 3 до 48 лет.

Дела еще более затягивались, если требовали решения МВД. Так, в 1859 г. дума предложила некоторые способы для увеличения городских доходов. Переписка по этому вопросу с центральными и местными органами управления велась около 10 лет²²⁴. Медленность делопроизводства и необходимость его сокращения была актуальна и для других городов, особенно в середине XIX в.²²⁵. Не случайно правительство в 1853-54 гг. предприняло ряд шагов в этом направлении, несколько

уменьшив отчетность дум и разрешив им тратить суммы до 50 руб. без разрешения начальства²²⁶.

Чтобы справиться с возрастающим потоком дел, дума постепенно увеличивала число писцов²²⁷. Накопление в думе дел потребовало ввести в 1826 г. должность заведующего думским архивом²²⁸. Рост делопроизводства и, как следствие этого, увеличение числа канцелярских служащих было характерно в николаевское время для всех уровней управления, как государственного, так и общественного. Так, с середины 1840-х гг. массовыми стали прошения городских обществ в МВД о расширении канцелярий и увеличении содержания городских дум²²⁹. Подобные процессы охватили и другие органы городского самоуправления, в частности, городские магистраты²³⁰.

В середине XIX в. перед думой встал вопрос не только об увеличении, но и о реорганизации своей канцелярии. Так, в 1850 г. в ее составе находился 1 секретарь, 1 столоначальник и 10 писцов. Дума же предложила сократить до шести количество писцов и одновременно утвердить новые, крайне необходимые для нее должности бухгалтера, журналиста, регистратора и двух помощников столоначальников²³¹. При реорганизации канцелярии использовался опыт работы губернских органов. Так, в 1856 г. дума предложила создать особый стол по общественному управлению («управление городских старост»), но МВД не утвердило этого решения²³². Подобные предложения от городов были редки и касались обычно столичных городов. Например, Московская городская дума в 1845 г. поставила вопрос о создании при ней особого стола для производства дел по торгово-полицейскому надзору²³³. Тем не менее, в 1860-е гг. при вятской думе было открыто 2 стола.

Для сокращения делопроизводства в 1856 г. Вятская дума предложила, опираясь на опыт С.-Петербургской думы, побуждать другие учреждения к решению дел думы через особые бланки, без особых по этим вопросам журнальных постановлений²³⁴.

Также, для более эффективной работы в думе постепенно сформировалась «специализация» гласных по основным направлениям деятельности. В 1829 г. было решено официально распределить обязанности между членами думы. Таким образом усиливалась личная ответственность гласных, которые должны были исполнять распоряжения думы и городского головы «в свое время без малейших упущений»²³⁵.

Кроме того, одновременно с увеличением дел в думе, возросло число подотчетных ей должностей. Так, с 1825 г. при думе действовала торговая депутация, наблюдавшая за правильностью торговли; в середине XIX в. большое значение приобрел комиссар городских имуществ, отвечавший за благоустройство. Подотчетными думе считались староста, старшина и ремесленный голова, члены ярмарочного комитета.

В целом благодаря предпринятым мерам, а также заседанию в думе опытных секретарей, делопроизводство думы находилось в порядке, что неоднократно отмечалось губернаторами²³⁶. «Упущения» в работе думы обнаруживались редко и были связаны, в основном, с недостаточным «понуждением» других учреждений в решении дел думы, а также с существованием значительных недоимок податей и повинностей²³⁷. Подобная ситуация выгодно отличала Вятку от многих российских городов, в которых, по сведениям МВД, делопроизводство органов городского самоуправления обстояло значительно хуже²³⁸.

Чем дальше, тем больше не только организационно, но и внешне дума становилась похожей на государственное учреждение. Так, по инициативе городского головы Якова Гусева (1826-28 гг.) дума приобрела портрет Николая I, зеркало с позолотой, начала выписывать Московские ведомости²³⁹. Позднее дума получала Сенатские ведомости и Вятские губернские ведомости для себя и для 10 приходских храмов²⁴⁰.

Желание общественных органов походить на государственные учреждения выразилось также в стремлении ввести присущие для них должности. Так, в 1835 г. в качестве поощрения повытчика думы Трофима

Эсаулова за продолжительную усердную службу «в доказательство отличного его служения» было решено переименовать в столоначальники «по примеру тому, как и в прочих присудственных местах так же и в думах имеются почти повсюду столоначальники, а не повытчики»²⁴¹. О почитании чинов, говорит и тот факт, что в награду за долгую безупречную службу просили дать чин или другую «достойную награду». Так, в 1855 г. секретарь думы мещанин Рукавишников за 25-летнюю беспорочную службу был утвержден в государственной службе²⁴². Не случайно, ряд губернаторов для улучшения состояния самоуправления в городах предложил ввести оплату городских должностей, а для канцелярских служащих дум «предоставлять все права коронной службы»²⁴³. Тем более, что подобные предложения исходили и от самих городских дум²⁴⁴.

Указы 1834 г. были призваны еще больше сблизить общественные и государственные должности. Именным указом императора от 14 августа и указом Сената от 21 сентября градским головам и прочим должностям по выбору присваивались разряды для ношения мундиров. Городской голова Михаил Рязанцев не только с большим желанием сшил себе мундир, заседая в нем в думе, но и призвал гласных последовать своему примеру, угрожая, в случае неповиновения, обратиться к высшему начальству. Но городские представители продолжали являться к своим должностям «в прежнем партикулярном одеянии»²⁴⁵. Введение формы не прижилось, и в 1840 г. стряпчий вновь требовал, чтобы члены думы и секретарь во время заседаний присутствовали в мундирах и при шпагах. Дело, вероятно, было замято городским головой после его личной встречи с губернским прокурором²⁴⁶. Хотя в некоторых других городах, в частности в Туле и Севастополе, горожане даже ходатайствовали о разрешении носить мундиры при исполнении общественных должностей²⁴⁷.

Процесс бюрократизации оказал серьезное влияние на изменение отношений думы с обществом и его низовыми структурами самоуправления. Это было проявлением более общего процесса - перехода от традиционного общества к современному, который сопровождался отчуждением у общества функций управления и передачей их чиновникам²⁴⁸. Можно выделить три основные последствия влияния бюрократизации городского самоуправления на общество.

Во-первых, *формализация*, характерная для отношений думы или магистрата с государственными органами, стала проявляться в их отношениях с городским обществом. В частности, горожанам отказывалось в рассмотрении прошений, если они были не на гербовой бумаге. Например, в 1816 г. дума не приняла ревизскую сказку от мещанина Чижова, поскольку она была составлена «не по форме ... и ... не на установленной бумаге», потребовав прислать новую²⁴⁹. Формализация коснулась и внутренней жизни горожан. Так, для учета городского скота и для улучшения сбора денег за пастьбу в 1834 г. губернатор указал думе, «чтобы у каждой скотины на шее или на рогах была привязана дощечка с означением того номера под коим записаны они по книгам»²⁵⁰.

Во-вторых, бюрократизация думы вела к ее постепенному *отделению от общества*. Подобные процессы происходили как в городе, так и на селе. Если сравнить городское и сельское самоуправление, то в первом процесс пошел, вероятно, дальше. Здесь произошло не только расширение полномочий исполнительного органа (думы) и усиление его независимости от своего распорядительного органа (городского схода-собрания). На примере вятского городского самоуправления отчетливо виден процесс превращения распорядительного органа – собрания градского, выбирающего думу, в ее исполнительный орган. Стремясь избавиться от многочисленной черновой работы, особенно касающейся интересов государства (содержание полиции, батальона, сбор необходимой информации, составление табелей и т.п.), дума зачастую передавала ее для

непосредственного решения городскому обществу во главе с городским старостой и мещанским старшиной. Так, в первой четверти XIX в. дума активно использовала старшину и старосту, «предписывая предложением» произвести различные ремонтные работы по городу.

Если на селе неформальные рычаги общественного контроля постепенно утрачивали всеобъемлющий характер, поскольку мирские институты не имели законных механизмов влияния на решения волостной администрации²⁵¹, то в городе – они хотя и были институализированы и оформлены в Городовом положении 1785 г., но закон не оговаривал никаких форм ответственности думы или магистрата перед градским собранием. Дума считала, что в тех вопросах, которые находятся исключительно в ее компетенции, спрашивать мнения общества «резону не имеет», поскольку гласные избраны самим обществом из людей, заслуживающих доверия²⁵².

Более того, происходит обратный процесс: дума и магистрат начинают усиливать свой контроль над обществом и его низовыми структурами самоуправления. Дума проверяла приходно-расходные книги купеческого и мещанского общества, ремесленных управ²⁵³. Мещанское или купеческое общество не могли собраться без «позволения» городского головы²⁵⁴. Сам городской голова присутствовал на городских собраниях, наблюдая правильность и справедливость принимаемых решений. Без его подписи приговор общества считался недействительным²⁵⁵.

Постепенно дума начинает пресекать самостоятельные шаги городских выборных. Например, в том же 1834 г. дума потребовала от старосты, который самовольно собрал с общества деньги для рекрутов, прислать собранную сумму в думу. При этом ему было сделано предупреждение, что «... он об издержках своих обязан был отчетность дать думе, от распоряжения которой зависело предложение обществу, что он учинил сам собою, а потому внушить, чтобы на будущее время таковых своевольных распоряжений делать не осмеливался»²⁵⁶.

В результате происходит сокращение внутренней самостоятельности низовых органов самоуправления (городского собрания во главе с мещанским старшиной, ремесленным головой и городовым старостой). Под давлением правительства дума сосредоточила в своих руках не только распорядительные функции (которые стали сокращаться с втягиванием ее в государственные структуры), но и исполнительную власть. Такая система оказалась отчасти более мобильной и эффективной в решении городских вопросов.

Но она имела и свои негативные последствия. Вследствие усиления контроля государства и исполнительных функций думы общество все больше стало отдаляться от дел самоуправления, началась сужаться его внутренняя демократия. В 1835 г. был изъят от решения всего общества вопрос о рекрутах. По новому Рекрутскому уставу (Св. зак., т.4., ст.327) дозволялось отдавать мещан за дурное поведение в рекруты по решению особого присутствия. Оно было составлено из 24 «добросовестных» из числа домохозяев «лучшаго поведения»²⁵⁷.

В 1855 г. думой был поставлен вопрос о сокращении численности мещанского собрания, поскольку его многочисленность (официально свыше 500 человек, реально не более 200) для работы представлялась «весьма неудобной»²⁵⁸. Тем более что проводилось оно в тесных помещениях думы. Вместо собрания дума предложила обществу для решения вопросов города и сбора податей избирать особых депутатов. К тому же, подобный опыт уже существовал в некоторых городах (Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской губерний, Н.Новгороде и Пензе) в соответствии со 314 ст. т.III Устава служб по выбору²⁵⁹. Прошения о выборе вместо собрания депутатов или добросовестных (в среднем 24-50 человек) поступили в МВД из Саратова²⁶⁰ и Бессарабской области²⁶¹. Вятское общество также признало необходимость подобной реорганизации городского собрания и просило думу ходатайствовать об избрании одного

депутата от пяти мещанских дворов или домов. Губернское правление согласилось на эти изменения²⁶².

В-третьих, втягивание думы и магистрата в государственную систему значительно усилило тенденции к их *превращению в исполнительные органы государственных учреждений*. Вследствие указанных процессов дума во второй четверти XIX в. постепенно усиливает свой контроль над городским обществом. Это происходило в большой степени по инициативе и в интересах государства, которое предоставило ей для этих целей право подвергать наказанию выборных общественных лиц, вплоть до ареста. Раньше же применять подобные меры среди городских органов самоуправления мог только городской магистрат. Подобные шаги государства были связаны, в первую очередь, с неудовлетворительной работой городских старшин в вопросах раскладки и сбора государственных податей.

В результате, во второй четверти XIX в. дума активно включается в наблюдение за сбором налогов. К 1850-м гг. она уже становится устойчивым механизмом государственной системы давления и контроля, соединяя губернское правление с податными городскими слоями²⁶³. Но и главная ответственность теперь лежала не на обществе, а на думе.

Таким образом, в решении государственных задач органы городского самоуправления постепенно превращались в низовые звенья государственного аппарата, что отчетливо проявилось к середине XIX в.

Следствием этих процессов наряду с другими факторами стала апатия городского общества. В отчете за 1850 г. губернатор отмечал «равнодушие самых городских обществ о пользах общественных»²⁶⁴. По новым законам приговор общества имел силу, если только проголосовало не менее двух третей имеющих право голоса из лиц, находящихся в городе. В 1856 г. городской голова сообщал, что для выбора в общественные должности созывалось городское общество, «но безуспешно, ибо обыватели от явки в собрание уклоняются». Сложившаяся ситуация вынудила рассылать

горожанам особые повестки, в которых указывались взыскания, налагаемые на неявившихся в собрание²⁶⁵. С 1860 г. в соответствии с законом с горожан стал взиматься штраф за отсутствие на городском собрании «без законных причин» суммой от 1 до 10 руб.сер.²⁶⁶. Нежелание участвовать в общих собраниях было характерно и для других городов. Так, в 1844 г. псковский губернатор предлагал МВД различные способы побуждения горожан для участия в городском самоуправлении²⁶⁷.

О степени активности горожан в общественной жизни свидетельствуют и данные выборов. Первоначально в них участвовал один представитель от семьи, причем, как правило, не глава, бывший в летах и коммерческих заботах, а один из его сыновей²⁶⁸. Если в конце XVIII в. средний показатель активности купеческого сословия составлял около 30%, притом что наибольшую активность (больше 60%) проявили крупные купцы, количество голосовавших мещан не превышало 10%²⁶⁹.

Впоследствии в связи с увеличением численности общества право голоса из мещан и цеховых имели только домохозяева. Так, в 1856 г. из 910 мещан и ремесленников должны были участвовать в голосовании и в принятии общественных приговоров 242 человека. Среди 142 купцов в собрании обязаны были присутствовать главы семей, объявивших свой капитал, которых насчитывалось 80 человек. Итого городское собрание должны были составлять 322 представителя города. Реально же присутствовало гораздо меньше. Так, в одном из приговоров общества проголосовало 28 купцов (35% имеющих право голоса) и 52 мещанина (21,5%)²⁷⁰. Всего же в городских собраниях в 1850-е гг. участвовало 80-211 человек, т.е. от 25 до 66% имеющих право голоса или 0,5-1,5% населения Вятки (с учетом женского и детского населения) (см. Прил. 5). Правда, при этом следует учитывать, что очень многие, обладавшие правом голоса, особенно из купеческого сословия (до трети, и даже до половины во время проведения крупных ярмарок), находились в отлучках по торговым делам и в голосовании участия не принимали.

Эти факты свидетельствуют о существовании активной верхушки горожан и пассивной (с точки зрения непосредственного участия в городском самоуправлении) массы городской обывателей.

Как можно оценить влияние государственных структур на деятельность думы и ее эффективность? Этот процесс имел свои положительные и отрицательные стороны. В условиях ограниченных финансовых средств в конце XVIII – начале XIX в. административное воздействие играло скорее положительную роль, и без него дума работала бы еще менее плодотворно. Это хорошо показало дело о мостах, когда в 1796 г. губернатор столь сильно давил на думу, что в условиях полного отсутствия денег она сумела не только починить все старые мосты, но и начать постройку новых. Подобный контроль «сверху» также отчасти компенсировал отсутствие контроля «снизу»: дума по закону не была подотчетна собранию общества градского, что могло иметь серьезные негативные последствия, например, в финансовой сфере. Как показывают документы, до того как Казенная палата не требовала от думы полных финансовых отчетов, формирование городского бюджета и его расходование фиксировался ею крайне небрежно. Так, в приходно-расходной книге 1796 г. была только одна запись. Даже достаточно полный финансовый отчет думы за 1800 гг. был полностью раскритикован Казенной палатой. Если бы подобный контроль «сверху» отсутствовал, нельзя гарантировать, что малочисленная городская казна не уходила бы в карманы думцев.

Можно выделить и ряд других положительных моментов в отношениях думы с государственными структурами. В ходе взаимодействия с органами управления дума приобрела бюрократический опыт ведения делопроизводства, что помогало ей справляться с резко увеличившимся потоком решаемых вопросов. Тесная связь с губернатором позволяла ей более эффективно воздействовать на пассивных чиновников,

ускорять решение дел. Кроме того, администрация постоянно инициировала дела в интересах города. Как показывает статистический анализ, в первой половине XIX в. около половины дел было предложено к рассмотрению думы местным административно-полицейским аппаратом. В то же время, в интересах города решалось от 47 до 86% дел. К государственной же сфере относилось от 26 до 48% дел, что было обусловлено, в первую очередь, переводом полиции на городское содержание (1798 г.) и размещением в городе батальона (1804 г.) (см. Прил. 12, 13).

Если рассматривать негативное воздействие государства на органы самоуправления, в первой половине XIX в. скорее следует говорить о политике правительства, чем местного административно-полицейского аппарата. Несмотря на реформы Екатерины II, российское правительство, следуя старым традициям и практической необходимости, видело в общественном управлении средство решения общегосударственных задач. Оно переложило на плечи городских обывателей множество повинностей, которые поглощали основные городские средства. В решении же городских дел отрицательно сказывалась волокита, как на местном уровне, так и в высших столичных инстанциях.

Во второй четверти XIX в. резко усилились процессы огосударствления самоуправления, что являлось следствием николаевской политики централизации управления²⁷¹. Не случайно в 1820-40-х гг. все проекты переустройства городских учреждений предусматривали усиление государственного начала и включение в их состав чиновников²⁷². Благодаря этому дума не только приобрела преимущества более рациональной системы управления, но и ее пороки. Ускорение процессов бюрократизации в этот период в первую очередь было связано с усилением административного контроля и резким увеличением делопроизводства. Следствием этого стала волокита, расширение канцелярий городских учреждений, появление формализма в работе, что являлось общей

тенденцией развития местного управления и самоуправления в России в указанный период.

Сближение думы с государственными структурами способствовало ее отдалению от городского общества, а в определенной степени даже падению авторитета и престижа общественных служб. Правительству это позволяло более эффективно контролировать думу, и отчасти воздействовать на нее, что было необходимо для решения многих общегосударственных задач.

Усиление процессов огосударствления самоуправления позволило многим историкам утверждать о превращении дум в низовой орган хозяйственно-полицейского государственного аппарата. Данный вывод можно принять только с серьезными оговорками, поскольку деятельность думы не замыкалась на исполнении государственных функций. Более того, они не были ведущими в работе думы (см. Прил. 13), хотя на них и расходовалась значительная часть городских средств (см. Прил. 14).

В частности, в отечественной историографии утвердился тезис, что различные государственные комитеты и комиссии подменили собой функции думы. Как показывает деятельность Вятской городской думы, для первой четверти XIX в. это не было характерно. В этот период, напротив, можно говорить об освобождении думы от ряда казенных повинностей, в частности квартирной (1808 г.). Что же касается комитета об уравнивании земских повинностей (1805 г.), то дума раскладкой и сбором земских повинностей никогда не занималась (это принадлежало компетенции городского старосты и мещанского старшины). Это же относится и к оспенному комитету (1812 г.): заразными болезнями (как, впрочем, и остальными) по закону ведали Приказ общественного призрения, полиция, местные медицинские заведения, но не дума (хотя она и заведовала длительное время больницей).

Среди более поздних комитетов Вятский губернский попечительный о тюрьмах комитет также не внес изменений в обеспечение тюремных

смотрителей. После его открытия дума по-прежнему присылала средства на их содержание. Таким образом, вводя комитеты и комиссии, правительство стремилось не ограничить самоуправление, а усилить оперативность в осуществлении некоторых хозяйственно-административных функций государства, преодолеть ведомственную разобщенность и несогласованность действий в местных администрациях.

Создавая городские комитеты во второй четверти XIX в. (ярмарочный, о мощении городских улиц, об уравнивании городских повинностей, бюджетный и некоторые другие), правительство также не стремилось к сужению функций думы. Для более объективного учета интересов всех слоев горожан в решении важных городских вопросов предполагалось созывать более широкий круг лиц, которые по тем или иным причинам не участвовали в органах городского самоуправления. Если в думе заседали только податные слои, то в комитетах непременно присутствовали представители чиновников, разночинцев, а в некоторых случаях крестьян, военных и священнослужителей. Но даже в этих органах дума отчасти принимала свое участие: ее члены нередко заменяли собой выборных от купцов и мещан. Хотя, конечно, нельзя не учитывать и тот факт, что подобные учреждения нередко возглавлял губернатор, который непосредственно контролировал решение главнейших городских проблем. Тем не менее, среди комитетов и комиссий только государственная строительная и дорожная комиссия оказала негативное влияние на работу думы, замедляя решение вопросов благоустройства города.

Несмотря на охватившие думу процессы бюрократизации, она долгое время сохраняла живую связь с обществом, отстаивая интересы горожан перед «высшим начальством». Более того, пассивность и противодействие чиновников не стали главным негативным фактором в деятельности думы. Если проанализировать журналы заседаний, в 1795-1805 гг. указанные причины составляли менее 13% среди проблемных ситуаций, в 1810-40-е гг. этот процент возрос и колебался от 11 до 35% (см. Прил. 11). До

середины XIX в. в рейтинге трудностей отрицательная роль чиновников не была ведущей, особенно на рубеже XVIII-XIX вв.

В дореформенный период думу и административно-полицейские органы объединял широкий спектр совместной деятельности, который затрагивал вопросы городских и государственных повинностей, торговли, благоустройства и др. Серьезных конфликтов между ними в это время не наблюдалось. Дума сохранила достаточную самостоятельность по отношению к местной администрации, считаясь, по возможности, только с ее законными требованиями. В своей деятельности она стремилась переложить ряд исполнительных функций на плечи полиции. В то же время, дума сумела закрепить за собой ряд важных контролирующих функций, которые позволяли ей наблюдать за законностью действий местного административно-полицейского аппарата и в меру своих сил защищать горожан от произвола чиновников.

Данный материал позволяет предположить, что на общероссийском фоне Вятская городская дума занимала достаточно сильные позиции. Это было обусловлено как отдаленностью от центра, так и особенностями социальной структуры Вятки, где малочисленность дворянства и слабость чиновничества сочетались с наличием сильного образованного купечества, хорошо разбиравшегося в существующем законодательстве. Благодаря этому, дума оказалась способна противостоять незаконным требованиям местной администрации, решать многие городские вопросы и в результате завоевать определенный авторитет в обществе.

1.4. Структура городского бюджета и основные источники доходов

Городской бюджет стал важнейшим нововведением Городового положения 1785 г. До этого для удовлетворения городских нужд существовали только добровольные «складки» обывателей. Городская казна стала важнейшим условием деятельности всей системы самоуправления, от которого зависела ее эффективность. Формирование бюджета и порядок расходования из него средств определились статьями 42, 146-155, 177 Городового положения. Правительство предоставило в пользу городов следующие источники доходов²⁷³:

- 1) сбор с иногородних купцов по 2 копейки с каждого пошлинного рубля (ст.146);
- 2) сбор 1% с прибыли от казенной продажи вина (ст.147);
- 3) выморочные мещанские имения, которые передавались в доход городу (ст.148);
- 4) доходы с городской собственности, в том числе городских мельниц, рыбных ловель, перевозов, дач (ст.149). Основой для этого была ст.2, которая относилась к городской собственности «принадлежащая по межевой инструкции или инако законно земли, сады, поля, пастбы, луга, реки, рыбные ловли, леса, рощи, кустарники, пустыя места, мельницы водяные или ветреные»;
- 5) штрафные деньги с купцов и мещан (но данная статья доходов могла расходоваться только «на предметы, назначенные попечению приказа общественного призрения») (ст.150);
- б) деньги за внесение семьи в городовую обывательскую книгу (сумма определяется собранием общества градского, но она не должна превышать ста рублей с семьи) (ст.72);
- 7) «добровольные складки» городских обывателей, которые им разрешалось использовать «по общему согласию» (ст.42).

Дума с первых же дней своей деятельности столкнулась с проблемой формирования городского бюджета. При открытии она имела в своем распоряжении немногочисленные средства (365 руб.), собранные за два предшествующие года городским головой с иногородних купцов за право розничной торговли. Эти деньги стали храниться в думе «за общими градского головы и гласных печатми в ящику»²⁷⁴. Решение о сборе с иногородних купцов было принято указом наместнического правления 1782 г. и продублировано в купеческом приговоре 1791 г. Эта статья дохода была закреплена в Городовом положении 1785 г. (ст. 146). Всего за 10 лет было собрано 3181 руб., в среднем по 300-400 руб./год (см. табл. 3).

Таблица 3

**Денежные сборы за право торговли с иногородних купцов
(1789-1798) (руб. асс.)²⁷⁵**

Годы	Приход	Расход	Предметы расхода	Остаток
1789-91	530	210	Устройство магистрата	320
1792-95	1424	872,44	Благоустройство города	871,56
1796-98	1214	2085,56	Подарок Павлу I	—

В период с 1793-96 гг. данные доходы, помимо добровольных вкладок, стали для думы основными. Но эта статья доходов очень быстро исчерпала себя, возродившись только в 1820-е гг. Несмотря на назначенных смотрителей, которые должны были следить за иногородними купцами, выясняя, откуда и на какое время они прибыли, с каким товаром и где остановились, многие приезжие купцы торговали без надлежащих бумаг, не платя денег в городскую казну. В 1796 г. дума лишилась и этого, практически единственного в тот период, источника своих доходов. По предложению прибывшего на Вятку с ревизией сенатора Саввы Маврина, наместническое правление указало думе с 20 февраля 1796 г. деньги, собранные с иногородних купцов «ни на какие расходы впредь до повеления никуда не употреблять»²⁷⁶. Городской глава попытался опротестовать это решение и просил сенатора разрешить использовать указанные средства, поскольку «здешний город ... никаких

доходов у себя не имеет». Но его прошение осталось без ответа²⁷⁷. Лишь в 1797-98 гг. губернатор позволил истратить их на подарок Павлу I, путешествующему по России²⁷⁸.

В последующие годы городские доходы Вятки, как и других городов, приобрели четкую структуру. Их условно можно разделить на три основные группы:

- 1) доходы с городских имуществ и других выгодных статей;
- 2) добровольные складки купцов и мещан;
- 3) поземельный налог (оценочный сбор) со всех жителей города, предназначенный на содержание полиции.

Реально под городскими доходами дума понимала лишь первую группу – доходы с городских имуществ и других выгодных статей. Для увеличения городской казны уже в 1794 г. дума приобрела общественные весы и установила их на Верхнем рынке. В 1795 г. по результатам торгов весы на два года были сданы в содержание Петру Хохрякову, который обязался ежегодно платить в городскую казну по 321 руб.²⁷⁹. Менее чем за год весы себя окупили²⁸⁰. К 1802 г. сборы за весы увеличились до 480 руб. в год²⁸¹, в 1825 г. город уже получал за них по 1730 руб./год²⁸², а в 1859 г. – 2765 руб. асс.²⁸³.

Имея положительный опыт сдачи в аренду городской собственности, дума, по предложению городского общества, в 1796 г. начала дело о постройке общественной каменной бани и деревянных харчевен, затраты на которые общество брало на себя²⁸⁴. Однако дело «утонуло» в губернском управлении. Только через 18 лет (1813 г.) архитектор составил смету на постройку бани с мытней²⁸⁵. Разрешение же на строительство со стороны губернского правления пришло в 1814 г. Но за это время ключ, где предполагалось строить баню, стал мелководным. Поэтому в 1815 г. решили строить на другом месте, но губернское правление на новом месте строить не разрешило. В результате общество вообще отказалось от этой

идеи²⁸⁶. Почти что 20-летняя эпопея со строительством бани завершилась безрезультатно.

Еще одним источником доходов за счет городской собственности по закону мог стать перевоз через р.Вятку. Но обстоятельства сложились так, что он превратился для города в тяжелое бремя. По указу Сената 4 декабря 1792 г. перевозки и мосты, состоящие на неважных дорогах, следовало исключить из казенного содержания и отдать обывателям. Воспользовавшись данным указом, местная администрация по инициативе правителя наместничества Ф.Ф.Желтухина перевела перевоз из казенного содержания в общественное. Казенной палате предписывалось ежегодно выплачивать за перевоз градскому обществу по 100 руб., но при этом плату за перевоз брать запрещалось. Купеческое общество пыталось возражать, что указ Сената касается лишь «маловажных» перевозов, каким данный перевоз не является, но решение правления осталось в силе. За 100 руб. в год желающих содержать перевоз не нашлось. Поэтому общество было вынуждено доплачивать из своего кармана еще 50 руб., хотя это и нарушало ст.149 («Буде в дачах городских находятся ... перевозки, то с оных доход принадлежит городу») и ст.7 Городового положения («Власть имеющие места или лица да не налагают на город новых податей, или служб, или тягостей; и буде от города кто-либо требовать будет в противность узаконению или что городу трудно или тягостно, то городской магистрат о том имеет жалобу приносить губернскому магистрату, равномерно доносить и Сенату»). Следуя букве закона, дума в 1796 г. обратилась к приехавшему с ревизией сенатору Савве Маврину с просьбой освободить город от содержания перевоза. Но тот оставил вопрос без рассмотрения. За нерешенностью дело в 1805 г. думой было закрыто²⁸⁷.

Чтобы уменьшить сборы с населения, перевоз стал отдаваться с торгов, причем с 1798 г. его держатели должны были иметь собственные суда²⁸⁸. Если в конце XVIII – начале XIX в. держатели соглашались на 150 руб. в год, то к 1815 г. минимальная сумма, которую они предлагали,

увеличилась до 300 руб. Теперь обществу приходилось собирать уже не 50, а 200 руб. Поэтому в 1815-16 гг. дума вновь просила губернатора перевести перевоз в городское содержание с предоставлением права получать с него доход, ссылаясь на опыт Н.Новгорода, или совсем избавить от его содержания. В первом случае казна и общество избавились бы от ежегодных издержек, а городской бюджет получил бы дополнительную статью дохода. К тому же это право зафиксировано в ст. 149. Однако губернатор на предложение думы не ответил²⁸⁹. В 1817 г. дума попросила уже перевести перевоз в общую губернскую повинность. Но и это предложение думы осталось без рассмотрения²⁹⁰. Только в 1836 г. обществу удалось добиться открытия наряду с казенным вольного перевоза. В том же году он был сдан в содержание за 307 руб./год²⁹¹.

Следующим шагом к увеличению доходов стала попытка сделать источником пополнения городского бюджета мост через р.Вятку. В 1800 г. построившие мост мещанин Сифков и крестьянин Лебедев получили его в содержание с правом сбора с проезжающих по мосту по 2 коп, с возами – по 3 и 5 коп., с проходящих – по полкопейки²⁹². За это они обязались вносить в городскую казну определенную сумму. Однако с платежами возникли проблемы, а мост из-за беспечности содержателей быстро пришел в ветхость и его материал был использован для городского ремонта.

В 1853 г. дума «в видах усиления городских доходов» предложила устроить в пользу города сбор за отвод мест на берегу р.Вятки под амбары и складку леса и деревянных изделий, а также за причал к берегам судов. Ею были составлены проект, такса сбора, которые она представила в губернское правление. Но по причине неразвитости судоходства и незначительности ожидаемой прибыли (до 50 руб. в год) дума отказалась от строительства причала и введения сбора²⁹³.

Были и более удачные проекты получения доходов с городских имуществ. В 1812 г. дума предложила для увеличения городских доходов

вместо деревянных лавок выстроить каменные в пользу города²⁹⁴. Правда, реально городские лавки стали сдаваться только с 1820-х гг.²⁹⁵. В 1859 г. доход с них составлял 285 руб. сер./год²⁹⁶. Город также имел общественные дома, которые отдавал в содержание²⁹⁷. В 1840 г. на Пасху стали сдаваться городские качели²⁹⁸, а в 1850-е гг. город начал получать доход с увеселительных домов, находящихся в загородном саду²⁹⁹. Общественный загородный сад не приносил больших доходов. Попытка отдать его в содержание за плату в 1821 г. окончилась неудачей³⁰⁰. Другой общественный сад (открылся в 1830-е гг.), расположенный в городе около присутственных мест, отдавался для выкоса травы³⁰¹. Еще одним источником доходов мог стать приобретенный городом в 1819 г. пивоваренный и водочный завод за 1500 руб.³⁰². Но покупка оказалась маловыгодной. Если в 1820 г. его на 3 года взял Ив.Репин за 325 руб./год³⁰³, то впоследствии город получал за него по 120 руб./год³⁰⁴.

Наиболее же важным источником доходов должны были стать городские земли. Проблема состояла в том, что выгонная и селитебная (предназначенная для городских строений в черте города) городская земля долгое время была не определена. В 1804 г. вся городская земля была отмежевана, но требовалось еще утверждение ее границ³⁰⁵. Только в 1807 г. был прислан план селитебной городской земли, сочиненный губернским землемером. Правление просило думу представить свои соображения по поводу постройки там частных и публичных зданий³⁰⁶. Новый план с утвержденными постройками дума получила только в 1815 г.³⁰⁷. После утверждения городских границ стали собираться посаженные деньги за места, отводимые горожанам под постройку домов.

Выгонная земля должна была располагаться на 2 версты от границ города. Уже в начале XIX в. она была отмежевана, но процесс ее утверждения затянулся на полстолетия. Причиной этого стало нахождение в отводимой городу земле более 160 владельческих дач. Добавило проблем и немалое число волостных споров³⁰⁸. В 1826 г. межевая кантора сообщила,

что селитебная и выгонная земля г.Вятки с прочими дачами определены, предлагая всем недовольным и тяжущимся доставить свои подписки в контору³⁰⁹. Только к середине XIX в. выгонная городская земля приобрела конкретные очертания.

Первой в пользу города в 1812 г. была предоставлена Халкидоновская мельница с рыбной ловлей³¹⁰. В 1816 г. она была сдана за 300 руб./год³¹¹. С 1815 г. стал сдаваться Богородский покос³¹². В 1826 г. по инициативе городского головы и по разрешению губернатора решено было сдавать в оброчное содержание Макарьевский выгон³¹³.

К 1854 г. по решению межевой конторы г.Вятке городу было назначено выгонной земли 3133 дес. 240 саж., но он не мог полностью ей распоряжаться из-за спорных владений. Реально город владел снятыми в 1850-52 гг. топографами из неспорных владений 1140 д. 797 с. выгонной земли, в том числе 11 д. 994 с. пашни, 309 д. 440 с. сенокоса, 103 д. 1476 с. кустарников и лесов; 426 д. 2360 с. выгона для пастбища; 10 д. 2312 с., находящимися под военными огородами; 13 д. 2162 с. расположенными под загородным парком. Из них было отдано в содержание: 1) до 1856 г. под сенокос 264 д. 1462 с.; 2) под пашню 6 д. 754 с. с 1853 г. на 24 года; 3) под химическую лабораторию 2000 с. с 1847 на 24 года; 3) под маслобойню 1 д. в потомственное владение³¹⁴. Таким образом, город получал доходы с 272 д. 1816 с., что составляло около 24 % от отмежеванных земель. Правда, реально он мог использовать с прибылью только около 320 дес. земли. В 1859 г. городская казна получила доходов с городских земель 1483 руб. 16 ¼ к. Основу этой суммы составляли доходы, получаемые с земель, отданные под сенокосение (859 руб.), ярмарочные помещения (305 руб. 4 к.) и строительство домов (144 руб. 4 ½ к.)³¹⁵.

В целом, в первой половине XIX в. использование городских земель было затруднено из-за длительных и многочисленных земельных споров, которые рассматривались Московской межевой канцелярией и Сенатом³¹⁶.

Важным источником городских доходов во второй четверти XIX в. стали акцизные сборы с городской торговли и промышленности. Еще в 1806 г. была зафиксирована первая попытка думы сдать в содержание герберг. Казенная палата составила условия на передачу его в содержание через публичные торги³¹⁷. Но даже после трех торгов желающих не оказалось³¹⁸. Только в 1820 г. был построен и сдан в содержание первый трактир (за 250 руб./год)³¹⁹, через год появился второй³²⁰.

В 1823 г. губернатор утвердил предложение думы о заведении в Вятке гостиницы, кофейного дома и 5 харчевен с получением акциза с гостиницы – 200 руб., с кофейного дома и харчевен – по 100 руб.³²¹. Как дополнительный источник доходов в том же году дума выстроила дом в загородном общественном саду для содержания в нем какого-либо прибыльного заведения, которое могло бы приносить городу пользу. Его взял в содержание мещанин Алексей Бабинцев для заведения в нем гостиницы³²². В 1829 г. тарифы были изменены (по § 11 указа 14 марта 1821 г.) было решено взимать с 4 гостиниц по 175 руб., с 2 кофейных домов – по 100 руб., с 5 харчевен – по 150 руб.³²³. По § 28 Высочайше утвержденного проекта о доходах-расходах г.Вятки 1828 г. были определены новые акцизы: с ренсковых погребов по 50 руб., а с кондитерских лавок по 30 руб. Но число подобных заведений было не велико. Так, в 1850 г. в городе содержались 3 гостиницы, 1 харчевня, 1 кондитерская и 2 ренсковых погреба³²⁴.

Также по гильдейскому положению 1824 г. стал собираться акцизный сбор с торгующих крестьян, мещан и иногородних купцов. Так, в 1825 г. только с торгующих по свидетельствам крестьян было собрано 1045 руб.³²⁵. Правда, к середине XIX в. сбор с промышленности особо не увеличился. В 1859 г. общий сбор с промышленников составил 1647 руб.34 к. сер.³²⁶ Кроме того, по Гильдейскому положению 1824 г., с 1826 г. стал собираться штраф за необъявление в срок капитала: по § 193 он составлял 1/4 стоимости свидетельства. По этому же положению из 1/2-процентных

сборов с купеческого капитала $\frac{1}{4}\%$ обращалась в городской доход³²⁷. По Высочайше утвержденному проекту о доходах-расходах г.Вятки 1828 г. § 28 мастеровые, не записавшиеся в цех (за исключением каменщиков, печников, плотников и штукатуров) должны были платить ежегодно: мастер по 5 руб., работник по 1 руб. Дворовые люди освобождались от платы. Также § 30 устанавливался сбор с извозчиков, постоянно работающих в городе - по 2 руб. в год с одной лошади. Заплатившим дума выдавала особые значки³²⁸.

С 1826 г. по приказанию губернатора появился новый акциз с продаваемых в городе на Семеновской ярмарке лошадей (по 1 коп./с руб. стоимости лошади), сбором которого занимался специально отряженный на ярмарку гласный³²⁹. В 1828 г. его сумма была изменена: с каждой приводимой на ярмарку лошади взималось по 10 коп., поскольку «от привозу и продажи лошадей засоряется площадь». Общая сумма, получаемая с конной ярмарки, была не велика (в 1828 г. – составила 36 руб. 68 коп.³³⁰), но и эти деньги вносили свою лепту в городскую казну.

Позднее этот сбор стал распространяться не только на конные, но и на другие вятские ярмарки. По указу Сената 9 сентября 1843 г., который законодательно утвердил предложение Вятского губернского правления, вводился сбор с торговцев за ярмарочные помещения, устраиваемые во время бывших в Вятке ярмарок³³¹.

В 1850-е гг. дума предлагала увеличить городские доходы за счет дополнительных акцизов: 1) ввести сбор за убой скота, для чего предполагалось выстроить городские скотобойни; 2) выстроить городские лавки; 3) установить сбор с постоянных дворов, торговых бань и других промышленных заведений; 4) увеличить сборы с извозчиков с 57 коп./лошадь до 3 руб., что должно было увеличить доходы в год до 300 руб.; 5) ввести сбор с разносчиков мелочной торговли; 6) определить сбор с продажи зажигательных спичек. Строительство скотобоен задержалось, в других вопросах думе или было отказано (губернским правлением или

МВД), или само общество не согласилось на новые налоги. Только в 1870 г. после длительной переписки был увеличен сбор с извозчиков до 2 руб. Кроме того, по предложению чиновника Салтыкова, в 1859 г. думе предлагалось взимать в пособие городских доходов ½-процентный сбор с сумм контрактов, ежегодно заключаемых в губернских присутственных местах на разные казенные поставки и подряды, а также по 2% со всех аукционных продаж. Но дума задержалась с ответом, и предложение было забыто³³².

Однако городских доходов было недостаточно. Поэтому существовали вспомогательные источники пополнения городской казны. Первоначально главным среди них являлся сбор с казенной продажи вина. По ст.147 Городового положения в городской доход определялся 1% с прибыльной суммы казенного питейного дохода. До открытия думы эти деньги собирались Казенной палатой и пересылались городовому магистрату. Вскоре после своего открытия, дума попыталась воспользоваться доходами с этой статьи. За период 1785 - 1.VII.1788 было собрано 1368 руб. 81 коп., но все эти деньги были истрачены магистратом на городские нужды. Дело осложнилось указом Сената 1787 г., который требовал возвратить собранные за 1785-87 гг. 1%-ые питейные суммы в государственную казну, а которые вновь будут собираться по этой статье, до особого распоряжения не тратить³³³.

Реально доходы по этой статье дума начала получать только с 1802 г.³³⁴, в то время как в других городах они активно использовались уже с середины 1780-х гг., нередко составляя основу бюджета³³⁵. Первоначально дума получала в год 560 р.15 ½ к.³³⁶. Вскоре сбор был значительно увеличен и до середины 1820-х гг. составлял 1400 руб. Эта же сумма была зафиксирована в высочайше утвержденном проекте о городских доходах-расходах г.Вятки 1828 г. Но реально с 1828 г. стало отпускаться только по 822 руб.68 к. (235 руб. 5 к. сер.). Дума потребовала доплатить питейные деньги в городскую казну, но безрезультатно³³⁷. В 1852 г. дума вновь

представила в губернское правление ходатайство о возвращении прежней суммы³³⁸. Впоследствии по инициативе государства это пособие городам было отменено, и только по особому ходатайству сохранено для Вятки в урезанном виде (в 1868 г. она составляла 177 руб. сер.)³³⁹.

Более значительная помощь оказывалась из земских сумм, которые собирались с жителей всей губернии. В качестве постоянного пособия они были утверждены Положением 1828 г. Они позволили сформировать значительную сумму запасного капитала. Первоначально это были квартирные деньги, которые шли на раздачу жителям Вятки, содержащим в своих домах воинский постой. Еще в 1815 г. дума по просьбе городского общества исходатайствовала у высшего начальства разрешения использовать остающиеся в нераздаче за 1808-12 гг. квартирные деньги (более 7 тыс. руб.) на устройство и исправление мостов³⁴⁰. Но только в 1826 г. было получено разрешение МВД перевести квартирные деньги в городские доходы³⁴¹. В 1840-60-е гг. сумма стала фиксированной и составила 3832 руб. сер. (13412 руб. асс.).

На общероссийском уровне пособие из сумм земского сбора законодательно было введено только в середине XIX в. По предписанию министра внутренних дел от 23 мая 1855 г. губернским городам ежегодно отпускалось в пособие из земского сбора по 1930 руб. Указанные суммы предназначались для отопления и освещения дома пересыльных арестантов, тюрьмы и расположенной при ней больницы, городской аптеки, на жалование тюремному смотрителю, частным приставам. Предполагалось предоставить земский сбор только бедным городам, чей доход не превышает 70 тыс. руб. в год, для чего необходимо было предоставить смету о городских доходах-расходах³⁴². В число рассматриваемых городов вошла и Вятка³⁴³. Правда, сумма для нее была сохранена прежняя – 3832 руб. В 1857 г. министерство финансов резко ограничило использование земского сбора на городские нужды. В результате пособие от земств для Вятки было отменено, поскольку данные

суммы тратились не на постой, а на содержание полиции и пожарной части. В результате сразу же образовался дефицит в бюджете. Только по ходатайству губернатора пособие в 1859 г. было возобновлено³⁴⁴.

Также по Гильдейскому положению 1824 г. сборы ½% с купеческого капитала на земские повинности уменьшались на ¼% в пользу городских доходов³⁴⁵.

Дополнительные средства дума получала от продажи общественной собственности, например, заброшенных полуразрушенных домов на дрова³⁴⁶. Небольшие доходы приносили и штрафы. С начала XIX в. собирались штрафы за необъявление о приезде в город (по 2 руб. за человека). По предписанию министра внутренних дел от 14 октября 1846 г. стало взиматься по 25 коп. в сутки за одного человека. Во второй четверти XIX в. появились штрафы за несрочный платеж 1% оценочного сбора, за бродящий по улицам скот и др.³⁴⁷.

Круг городских доходов значительно расширился по Высочайше утвержденному 16 декабря 1828 г. проекту о городских доходах и расходах по г.Вятке с расписанием и штатом городской полиции с пожарной частью³⁴⁸.

Главным изменением стала замена поземельного сбора оценочным. Новым видом сбора стал также по § 16 единовременный сбор с записки в обывательскую книгу: с купцов 1 гильдии – 100 руб., 2 гильдии - 50 руб., 3 гильдии – 25 руб., с мещан – по 10 руб.; с имеющих в городе собственность, стоимостью от 10 до 100 руб. – 2 руб.; от 100-1000 руб. – 5 руб., от 1 до 5 тыс. – 10 руб., от 5 до 10 тыс. – 15 руб., от 10 до 15 тыс. – 20 руб., от 15 до 20 тыс. – 25 руб., от 20 до 25 тыс. – 30 руб., от 30 до 40 тыс. – 40 руб., а далее – добавляя за каждые 10 тыс. по 10 руб., но не более 100 руб. Кто платил по недвижимости, не подвергался сбору по сословию. Если деньги платились не в срок, сумма увеличивалась в два раза³⁴⁹. Но необходимыми средствами располагали далеко не все. Поэтому в 1834 г.

мещанское общество решило отменить взимание 10 руб. за запись в обывательскую книгу для 105 самых беднейших человек³⁵⁰.

Чтобы увеличить посаженные сборы, по § 17 при раздаче мест под постройку объявлялись торги, а место отдавалось за максимально просимую цену. Но в действительности, как правило, был один желающий на место. В этом случае по §18 в городской доход бралось по 3 коп. за квадратную сажень. Новым видом сбора по § 26 стало взимание с клеймения мер и весов³⁵¹.

Нововведением стали разнообразные косвенные налоги в городскую казну. По § 38-42 в Вятке учреждался сбор в городской доход «с векселей при протесте по ½%, а с заемных писем при явке их по ¼% с рубля». Данный сбор взимался нотариусом во время предъявления частными лицами или присылки из присутственных мест векселей к протесту, а заемные письма (закладные, крепостные заемные письма) к явке срока. Владельцы и наемщики домов, лавок, амбаров и проч., равно как хозяева, приказчики или сидельцы, заключая между собой письменные договоры, должны были за предъявление каждого договора и прочих актов вносить по 1 руб. в городские доходы. Нотариусу и маклерам предоставлялось в жалование и на канцелярский расход по 25% с собранной ими за год суммы.

Также косвенным налогом стали сборы с аукционных продаж (по § 43 в городской доход взималось по 2% с суммы, по которой вещь была продана) и лотерей (§ 44 по 10% с лотерейной суммы)³⁵².

Кроме того, в соответствии с указанным законом дума значительные остатки отсылала в Приказ общественного призрения для приращения процентов³⁵³.

Но выгодными статьями городские расходы не могли покрываться, особенно в первые годы работы думы. В этих условиях основные доходы составляли общественные сборы, получившие название добровольных вкладок, которые разверстывались между купечеством и мещанством.

Купечество раскладывало необходимую сумму между собой пропорционально объявленному капиталу. Между мещанами необходимая сумма разделялась поровну. В конце XVIII в. с открытием думы общественные сборы выросли на треть и стали для купечества соизмеримы с выплатами в пользу государства (см. табл. 4).

Таблица 4

**Суммы казенных и общественных сборов с вятских купцов
(1791-1795)³⁵⁴**

Год	Число купцов м.п.	Объявленный ими капитал (руб. асс.)	1% казенный сбор (руб. асс.)	Общественные сборы (руб. асс.)
1791	193	164461	1644,61	882,5
1793	203	187615	1876,15	1396,49
1795	199	180770	1807,7	1292,6

Впоследствии они несколько уменьшились по сравнению с податями. Купцы и мещане платили указанные суммы примерно пополам³⁵⁵. Эта статья являлась одной из самых значительных в первой четверти XIX в. Так в 1810-20-е гг. общественные сборы горожан превышали 10 тыс. руб., нередко составляя основную часть городского бюджета. Но в 1840-60-е гг. добровольные складки были фактически заменены суммами земского сбора, составляя лишь 200-300 руб. в год³⁵⁶.

Но в добровольных складках не принимали участия дворяне, чиновники, духовенство, разночинцы, крестьяне, проживавшие в городе. Поэтому городское общество стремилось привлечь к платежу в пользу города другие сословия. По Городовому положению 1785 г. основной доходной статьей городской казны должен был стать сбор за землю, находящуюся под строениями и участками горожан. Губернское правление не только согласилось на введение этой статьи, но и приняло в этом действенное участие. По именному указу Павла I полиция была переведена на городской бюджет, причем деньги для этой цели должны были собираться со всех проживающих в городе, в том числе и чиновников.

Исключением являлись священнослужители, не сдающие свои дома в аренду и не получающие с них никакого дохода.

Поземельный сбор определялся рядом факторов: расположением участка, его размером и характером использования. Уже первые сборы (с 17 мая 1799 г. – по 18 января 1800 г.) составили внушительную для городской казны сумму – 3583 руб. 50 коп.³⁵⁷. До 1830-х гг. для городского бюджета он стал основным (в 1800 г., например, этот доход указан думой как единственный³⁵⁸). Он стал основным и для других российских городах, в частности, для Москвы³⁵⁹.

В первые годы поземельный сбор тратился на различные городские нужды. Так, в 1802 г. из 4057 руб. 50 ½ к. городских доходов 3570 руб. 32 к. составили поземельные деньги. Они были израсходованы не только на содержание полиции, но и на благоустройство и прочие городские нужды³⁶⁰. В дальнейшем эти деньги шли исключительно на содержание полиции, находящейся при ней пожарной части и освещение города, которым ведала полиция.

Для улучшения сбора поземельных денег с 1815 г. по предложению думы поземельные долги стали гаситься, по разрешению губернатора, квартирными деньгами, которые выдавались хозяевам за содержание постоя³⁶¹.

По Высочайше утвержденному проекту о городских доходах и расходах по г.Вятке (1828 г.) произошла замена поземельного сбора оценочным. С обывательских домов и лавок стало взиматься по 1% с каждого оценочного рубля. При оценке учитывалось местоположение недвижимой собственности, доход, который приносило место, а также расходы на его содержание. В 1835 г. произошла переоценка домов, поскольку многие были выстроены вновь, исправлены, перестроены, уничтожены, обветшали. Переоценкой вновь занялась комиссия, составленная из всех сословий города, включая разночинцев, дворян и чиновников³⁶².

С каждым годом сумма оценочного сбора медленно росла. Если по первой оценке 1829 г. сумма оценочного сбора составила 8998 р.73 к.³⁶³, то в 1859 г. - 4868 руб.87 $\frac{3}{4}$ к. сер. (17041 руб.7 к. асс.)³⁶⁴. Таким образом, за 30 лет она выросла почти в 2 раза. Однако велика была и сумма недоимок. Чтобы решить эту проблему, в 1854 г. в соответствии с § 15 Положения 1828 г. дума просила квартирную комиссию назначить 100 солдат в квартиры неплательщиков³⁶⁵.

Динамика городского бюджета в дореформенный период хорошо прослеживается в следующей таблице.

Таблица 5

Структура доходов г.Вятки³⁶⁶

год	Поземельный (с 1828г. - оценочный) сбор с обывательск. имуществ		Обществен- ные складки, (с 1828 г. – пособие из земского сбора)		Городской доход									
					с общественных городских имуществ		сбор с заведений промышлен- ности и промыслов		с однопроцен- тной питейной суммы		Иные (остаточные о предшествую- щих лет, заемь штрафы и пр.)		Всего	
					Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
Ассигнациями														
1804	4457- 76 $\frac{3}{4}$	50,9	2729- 10	31,1	510	5,8	—	—	560- 15 $\frac{1}{2}$	6,4	507-72	5,8	8764- 74 $\frac{1}{4}$	100
1810	4961- 63 $\frac{1}{4}$	23,9	13076- 73 $\frac{1}{4}$	63	570- 25	2,7	—	—	1151- 28	5,5	1011- 28 $\frac{1}{2}$	4,9	20771- 18	100
1814- 16 ³⁶⁷	6737- 71 $\frac{3}{4}$	31,9	10956- 54 $\frac{1}{2}$	51,8	2169- 30 $\frac{3}{4}$	10,3	—	—	1193- 11 $\frac{1}{4}$	5,6	91-2 $\frac{1}{4}$	0,4	21147- 70 $\frac{1}{2}$	100
1826	17217- 66 $\frac{3}{4}$	40,9	11127- 87	26,5	2805 -34	6,7	1272 -75	3	1400	3,3	8240- 85	19,6	42064- 47 $\frac{3}{4}$	100
1838 смета	10955- 50	30,6	13432- 18	37,6	4967	13,9	5090	14,2	822- 68	2,3	500-80	1,4	35767- 66	100
1841 смета	10955- 80	25,9	13412- 18	31,8	5337- 30	12,6	6204- 69	14,7	822- 68	1,9	5499-2	13	42231- 67	100
Серебром (курс 1:3,5)														
1841 смета	3130- 23	25,9	3832 -5	31,8	1524- 94 $\frac{1}{4}$	12,6	1772- 77	14,7	235-5	1,9	1571- 14 $\frac{3}{4}$	13	12071- 19	100
1851 смета	3317- 85	15,7	3832	18,1	1812- 50	8,6	2954- 30	14	235-5	1,1	8979-15	42,5	21131- 52	100
1859	4868- 87 $\frac{3}{4}$	14,8	7884	23,9	2884- 1	8,7	2815- 4 $\frac{3}{4}$	8,5	235-5 $\frac{3}{4}$	0,7	14284- 23 $\frac{1}{4}$	43,3	32971- 22 $\frac{1}{2}$	100
1865 смета	6077- 98 $\frac{3}{4}$	23,4	4032	15,5	4033- 67	15,5	6473- 60 $\frac{1}{2}$	24,9	235-5 $\frac{3}{4}$	0,9	5157- 13 $\frac{3}{4}$	19,8	26009- 45 $\frac{3}{4}$	100
1868	6618- 78 $\frac{1}{4}$	20,4	636	2	5334- 14 $\frac{1}{4}$	16,4	6770- 46	20,9	177	0,5	13245- 69 $\frac{1}{2}$	40,8	32446-8	100

В конце XVIII в. дума практически не имела средств, за исключением сборов с иногородних купцов. В отличие от многих российских городов,

для которых основным источником доходов в первые годы работы стали «питейные деньги»³⁶⁸, вятская дума первоначально вообще не могла воспользоваться этой статьей доходов. В дальнейшем же этот сбор не играл существенной роли. Если в начале XIX в. он составлял 5-7% от городских сумм, то в последующие годы был менее 3%. Введенный с 1798 г. поземельный сбор использовался, за исключением первых лет, всецело на содержание полиции.

Практическое отсутствие до 1820-х гг. городских доходов заставляло купеческое и мещанское общество разводить деньги на городские нужды между собой. Именно они составляли в первой четверти XIX в. от 1/3 до 2/3 средств, находящихся в распоряжении думы. Вместе с поземельными сборами деньги, раскладываемые на общество, составляли в этот период от 75 до 90%. В середине 1820-х-1830-е гг. общий показатель снизился до 65-70%. В 1840-60-е гг. он уже варьировался в рамках 20-40%. Таким образом, в дореформенный период наблюдается тенденция к уменьшению прямых городских сборов с общества.

Облегчением для горожан стала фактическая замена в 1828 г. добровольных общественных складок купцов и мещан, обращенных на общегородские нужды, пособием из земского сбора. В 1840-60-е гг. он стал фиксированным и составил достаточно внушительную для города сумму – 3832 руб. сер. (13412 руб. асс).

По мере развития городского хозяйства возрастали доходы с городской собственности, одновременно уменьшая сборы с городского общества. Так, если в 1810-20-е гг. они не превышали 3-6%, то в 1840-60-е гг. они равнялись 9-16%. Наблюдался и рост денежных поступлений с городской собственности: если сборы с заведений промышленности и промыслов в 1830-50-е гг. составляли 8-15% городских доходов, то в 1860-е г. они увеличились до 20-25%.

В отдельные периоды работы думы велика была роль займов и запасного капитала. В 1850-60-е гг. вместе с остаточными деньгами они

зачастую превышали 40% городского бюджета. Но займы имели большое значение и в другие периоды. Так, в начале XIX в. дума заняла у Приказа общественного призрения 2000 руб. на заведение хлебной лавки в связи с увеличением цен на хлеб и 5500 руб. на производство городских строений³⁶⁹.

В целом, в первой половине XIX в. наблюдается тенденция к созданию прогрессивного городского бюджета, направленного на снижение прямых городских налогов и увеличение косвенных.

На протяжении практически всего дореформенного периода ощущался недостаток городских средств. Дополнительный удар по бюджету мог нанести указ Министерства финансов от 12 августа 1812 г., по которому все маловажные городские остатки должны были отсылаться в государственные казначейства. Конкретная сумма не определялась, поэтому Казенная палата попыталась изъять все достаточно значительные остаточные городские суммы, но дума не позволила этого сделать³⁷⁰.

Недостаток бюджета отмечался в 1826 г. Общество было скептически настроено по вопросу пополнения городской казны, поскольку в губернии содержалось небольшое число «полезных заведений». В городе не было крупных торгов и фабрик, которые бы могли увеличить городские доходы. Полезным признавалось устройство салотопенного завода, торговой бани с мытней и мельницы. Но городских доходов на их строительство не предвиделось³⁷¹. В том же году, городской комитет, доказывая необходимость пособия для постройки в городе собора, описывал Вятку как «самобеднейший город ... в сравнении во всей России»³⁷².

В 1837 г. в связи с голодом вновь обнаружился явный недостаток городских средств. Члены думы констатировали, что «городские расходы увеличиваются ежегодно, а ... доходы почти уменьшаются», в результате чего практически полностью был израсходован запасной капитал (около 20 тыс. руб.). В этих условиях было решено расходовать средства «в необходимейших случаях и с крайним сбережением»³⁷³. В

1840-х гг. дума также неоднократно жаловалась на «крайний недостаток» городских доходов³⁷⁴.

В сведениях для Всеподданнейшего отчета губернатора за 1856 г. дума писала: «Г.Вятка, по отдаленности и по географическому своему положению, ничтожен для промыслов, а в хозяйственном отношении, не обладая угодьями, не имеет и хороших доходов, так что для покрытия своих нужд получает постоянные пособия». Средства к увеличению доходов виделись думе в постройке городских скотобоен и новых рядов торговых рядов, а также в установлении сбора с постоянных дворов, торговых бань и других промышленных заведений³⁷⁵.

В 1860 г. дума вновь отмечала, что «в доходах г.Вятки ощущается крайне недостаток»³⁷⁶. Только в 1855 г. отмечалось, что город имеет «удовлетворительное состояние денежных оборотов», поскольку в указанный год предполагалось получить остатка до 2 тыс. руб. сер.³⁷⁷. Ограниченность сумм бюджета Вятки проявилась и по сравнению с другими губернскими и областными городами (см. табл. 6).

Таблица 6

Удельный вес городских доходов в губернских и областных городах Российской империи (1840-1869 гг.) (руб. сер. на душу населения)³⁷⁸

Города	1840	1847	1856	1863	1869
Архангельск	3,2	4,6	6,67	5,12	4,84
Вологда	0,67	1,02	1,7	1,8	2,41
<i>Вятка</i>	<i>1,03</i>	<i>1,54</i>	<i>1,25</i>	<i>1,92</i>	<i>1,47</i>
Казань	1,76	1,59	2,22	3,0	3,02
Кострома	0,97	1,19	1,31	2,08	4,55
Н.Новгород	1,83	3,9	2,35	5,58	7,19
Пермь	1,39	0,49	2,44	1,65	1,86
В среднем по губ. и обл. городам России	2,1	2,37	3,41	3,8	4,37
Без учета С.-Петербурга, Москвы и Риги	1,16	1,33	1,75	2,13	2,64

Как видно из таблицы, в 1840-е гг. в Вятке удельный вес городского бюджета на душу населения соответствовал среднему показателю по губернским и областным городам (без учета С.-Петербурга, Москвы и

Риги), и даже порой превышал его. В 1850-60-е гг. он стал заметно падать, нередко являясь в 1,5-2 раза ниже общероссийских показателей, в том числе и по отношению к соседним губернским городам, обладавшим более выгодным экономическим положением. Падение темпов роста наблюдалось и в абсолютных значениях городского бюджета (см. Прил. 15).

Одной из главных причин ограниченности сумм была экономическая слабость города, особенно в 1840-60-х гг. Изменение торговых путей, ослабление торговли с Архангельском негативно отразились на состоянии вятского купечества и городских доходов. Кроме того, на протяжении всего дореформенного периода горожане считали одной из главных причин бедности неразвитость промышленности и ремесла в городе, которое, помимо всего, «преимущественно и постоянно упадает». Основными виновниками этого виделись крестьяне, проживающие в городе и его окрестностях, т.к. «существующие в городе базары и торги исполнены бывают преимущественно крестьянскими изделиями, торговля коих производится ими без всякой пошлины»³⁷⁹. На горожан были возложены различные повинности, среди которых особо тяжким бременем являлась квартирная повинность (см. Прил. 20). Кроме того, невосполнимый урон нанес длительный процесс отмежевывания городу выгонных земель, которые должны были превратиться в один из основных источников городских доходов³⁸⁰.

Негативную роль сыграла и некоторая традиционность в сознании, привычка действовать по старым правилам и обычаям. В разных российских городах губернаторы и ревизоры нередко отмечали, что гласные не проявляют достаточной активности в поиске новых источников доходов и полном использовании существующих³⁸¹. Это явление описал в своем отчете нижегородский губернатор, отмечая, что выборные не стремятся к расширению бюджета, из года в год его переписывают в

прежнем виде, «придерживаясь издавна введенному порядку или лучше сказать обычаю»³⁸².

Как показывает анализ журналов думы, на протяжении всего дореформенного периода финансовые трудности в решении городских вопросов были преобладающими (см. Прил.11). Дума в разной степени использовала источники городских доходов, предложенные Городовым положением. Многие проекты создания дополнительных источников доходов (вольный перевоз, общественная баня, харчевни, выгонные земли и пр.) тормозились администрацией. Тем не менее, на протяжении первой половины XIX в. круг источников городских доходов постоянно расширялся. Немало новых статей дохода было зафиксировано в Высочайше утвержденном проекте городских доходов и расходов г. Вятки 1828 г., который стал образцом для составления городских росписей во второй четверти XIX в.

Подводя итог, можно сказать, что имеющиеся в распоряжении Вятской городской думы источники доходов были недостаточны, не позволяя городскому самоуправлению широко развернуть свою деятельность. Поэтому требовались добровольные складки или пособия. Это было характерно в целом для России, где удовлетворительные бюджеты имели только крупные портовые, торговые и столичные города.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЯТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1793-1870 ГГ.

2.1. Деятельность думы в сфере развития городского благоустройства и хозяйства

Одним из основных направлений деятельности думы стали вопросы городского хозяйства и благоустройства. В соответствии с Городовым положением городской думе предписывалось «наблюдать за прочностью публичных городских зданий, стараться о построении всего потребного, о заведении площадей, для стечения народу на торгу, пристаней, анбаров, магазейнов и тому подобнаго, что может быть для города потребно, выгодно и полезно».

Внешнее благоустройство города регламентировалось постановлениями центральной власти. Уже при Петре I стали утверждаться новые градостроительные идеалы, опирающиеся на западные образцы¹. Но массовая перепланировка городов, в основе которых лежала регулярная застройка города, началась только при Екатерине II.

До конца XVIII в. Вятка, как и большинство российских городов, застраивалась стихийно. Городское ядро составлял кремль, от которого в разные стороны расходились радиальные улицы. Высочайше подтвержденной план Вятки, утвержденный в 1784 г., принципиально менял существовавшую картину города. Его предполагалось разбить на правильные кварталы, с прямыми и широкими улицами. Были утверждены места для площадей, мостов, административных, общественных и частных построек. Правда, со временем план претерпел ряд изменений. Уже в 1804 г. по прошению общества и ходатайству думы Высочайшим указом были отменены диагональные Казанская и Филейская улицы². В 1812 г. был утвержден новый план города, который присоединил к городу две слободки.

Дума в непосредственной планировке города активного участия не принимала. Она лишь доставляла по просьбе архитектора для разбивки города на кварталы рабочих и необходимые материалы (столбы, жерди, веревку)³.

В то же время, дума стремилась взять под свой контроль частную застройку города. Проблема заключалась в том, что существование многочисленных ветхих домов и строений стало серьезным препятствием в благоустройстве города. Они мешали застройке города по вновь утвержденному плану, располагаясь в местах, где предполагалось устройство улиц, площадей и пр. Так, побывавший в 1811 г. в Вятке генерал-майор Н.З.Хитрово отмечал, что «первая часть города построена на возвышениях, вследствие плана ... имеет вид правильного четвероугольника ... Другая часть города находится внизу, худо и неправильно отстроена, в ней видно множество разбросанных близких к падению хижин»⁴.

Так, в начале XIX в. из-за бедности горожан вместо постройки новых домов началась массовая поправка старых. Поэтому дума обратилась к начальству с просьбой побуждать горожан к строительству, а также обязательно приглашать ее членов для отвода мест⁵. После этого в практике закрепилась отдача мест с торгов при участии думы.

К середине XIX в. дума приобрела в этом вопросе важное значение. На прошение горожанина отвести для постройки дома пустое место, дума просила уездного землемера означенное место освидетельствовать при участии членов полиции и городского комиссара. Они должны были выяснить: 1) свободное ли это место; 2) назначено ли оно по плану под постройку частного дома; 3) к какому разряду это место относится и какова его цена за саж.; 4) его размеры. После присылки сведений в думу, она отдавала указанное место с торгов. Если желающих не было, место предоставлялось по установленной таксе. Посаженные деньги, платимые за участок, поступали в городской доход⁶. После передачи участка в частные

руки полиция и городской комиссар должны были наблюдать, чтобы место было застроено в установленный срок. В противном случае оно передавалось другим желающим⁷.

Расширение города также напрямую зависело от развития его инфраструктуры, в том числе строительства дорог, мостов, водоснабжения различных частей города и пр. Серьезным препятствием для благоустройства Вятки помимо бедности горожан стала сложность городского рельефа. Поскольку город первоначально располагался между тремя оврагами – Засорским, Раздерихинским и Копанским, то по мере его расширения встал вопрос о постройке мостов. Они играли важнейшую роль в сообщении между двумя частями города. Из-за их немногочисленности первая часть города, через которую проходили основные тракты, застраивалась значительно быстрее, чем вторая.

Вплоть до 1795 г. основные работы по ремонту обветшалых и возведению новых мостов проводились непосредственно самим обществом. Городской староста по указанию городского магистрата или управы благочиния собирал на это необходимую сумму и нанимал работников⁸. К середине 1790-х гг. все городские мосты пришли в ветхость. Кроме того, по Высочайше подтвержденному плану 1784 г. необходимо было выстроить в черте города не менее 4-х новых мостов. Общество отремонтировало старые мосты, но строить новые отказалось, полагая что это относится к компетенции вновь учрежденной думы⁹.

Вопрос о ремонте и строительстве мостов стал основным в работе думы в конце XVIII в. После получения городского плана в 1796 г. дума приступила к их строительству, но сразу же столкнулась с фактом отсутствия средств. Городская казна, основу которой в тот период составляли добровольные складки, была рассчитана только на поддержание городского хозяйства, а не на его развитие. Цели правительства по перепланировке городов и их благоустройству далеко не всегда соответствовали их экономическим возможностям. В этих условиях

успешность хозяйственной деятельности во многом определялась субъективными факторами, в частности, активностью местной администрации.

Вполне закономерно, что активная работа по благоустройству Вятки на рубеже XVIII-XIX вв. была обусловлена сменой власти. После сенатской ревизии 1796 г. вместо смещенного Ф.Желтухина на должность правителя наместничества был назначен С.Н.Зиновьев. В его характеристике указывалось: «ревностный и усердный службе», «отправляет возложенное на него звание с неутомимую деятельностью, сопровождаемую совершенными успехами»¹⁰. С этого времени наместническое (а затем и губернское) правление начало буквально закидывать грозными сообщениями магистрат и думу, требуя исправить старые городские мосты и построить новые, указанные в плане.

Настойчивую администрацию мало интересовало отсутствие денег у думы и городского общества. Оказавшись в почти безвыходной ситуации, дума показала способность решать сложные задачи. По ее предложению общество «заняло» у думы деньги, собранные с иногородних купцов, которые по распоряжению правления тратить было запрещено.

Кроме того, она искала различные способы экономии средств. В 1796 г. дума просила управу благочиния обязать жителей «ежели кому из градских жителей доведется у себя на дворе или против места своего на улицах планировать и землю снимать, ... оную приказала б ... возить и насыпать в те рвы и на те места где поблизости их кварталов мосты ... по плану быть назначены»¹¹. Определенную экономию давало привлечение к земельным работам, помимо наемных крестьян, «колодников», должников и французских военнопленных¹².

Поскольку по Городовому положению горожанами стали считаться не только податные слои, дума попыталась привлечь к строительству мостов средства чиновников и других городских собственников, не состоящих в купеческом и мещанском обществе. С этой целью в наместническое

правление было отправлено прошение ввести в городе поземельный сбор по 1 коп. с кв. саж. «вплоть до окончания постройки мостов».

В результате в 1796 г. старые мосты были починены, а в течение 1797-1818 гг. устроены новые, указанные по плану 1784 г. В частности, появилось два новых моста через Кремлевский ров. Благодаря участию в постройке мостов архитектора, они имели новую конструкцию в виде широкой земляной насыпи с водопропускной кирпичной трубой в основании¹³.

Основное же значение для города имели мосты через Засорный овраг, который разделял город на две части. Чтобы улучшить сообщение двух частей города, в 1803-35 гг. по инициативе горожан и местных властей думой было выстроено 4 моста через Засору¹⁴. Правда, после постройки, дума недостаточно следила за их содержанием. Уже в 1835 г. частный пристав просил думу незамедлительно заняться перестройкой мостовых у двух мостов через Засорный овраг Казанского и Царевоконстантиновского, «ибо она от времени так сделалась худа на сих мостах, что при проезде через оных на большем и тяжелом экипаже мгновенно может обрушиться и причинить вред проезжающим»¹⁵.

При строительстве мостов постоянно ощущалась нехватка средств, которая затягивала строительство. Так, после засыпки земель, мосты еще долгое время стояли, ожидая окончательной отделки: прокладывания мостовых, изготовления перил, облицовки камнем и пр. Порой из-за ограниченности средств приходилось даже упрощать конструкцию. Так, при постройке земляного моста по Хлыновитской улице дума отказалась от сооружения ряжевого скелета. В результате из-за уплотнения и размывания грунта его пришлось неоднократно досыпать¹⁶. Это относилось и к другим земляным мостам, устроенным в городе.

Дополнительной проблемой было и то, что места, которые должны были отделяться владельцами лавок, засыпались очень медленно. Кроме того, препятствием для использования мостов стали старые дома, которые

по новому плану должны были быть уничтожены. По этой причине долгое время оставался непроезжим Спасский мост, идущий от питейного дома и каменных лавок к р.Вятке. Для проведения к нему дороги требовалось снести питейный дом и многочисленные ветхие постройки¹⁷.

Помимо внутригородских мостов, дума отвечала за устройство мостов, расположенных в городских выгонных землях. В 1796 г. магистрат по указу наместнического правления и по сообщению управы благочиния просил думу выстроить два моста в Хлыновской слободке. Но у думы не было для этого ни городского плана, ни смет, ни средств. Кроме того, Хлыновская слобода официально не входила в городскую черту, поскольку выгонная земля в это время не была отведена.

Здесь опять свою роль сыграло административное давление. После словесного приказа правителя наместничества городскому голове сделать новые мосты, тот посчитал «непременным долгом, исполнить оное ... возможно успешнее»¹⁸.

Подобная ситуация повторилась в 1800 г. Вятский нижний земский суд указал думе исправить мост по Московскому тракту через р.Люльченку против Филимоновской семинарии. Дума отвечала, что мост городу не принадлежит, поскольку выгонная земля еще не отведена. Но под давлением губернатора дума исправила мост¹⁹. В 1815 г. дума уже без напоминаний приняла решение о поправке мостов через р.Люльченку в Хлыновитской слободке²⁰.

На протяжении всего дореформенного периода дума пыталась решить вопрос о постройке моста через р.Вятку. В XVIII в. обыватели перебирались на другой берег реки при помощи парома и лодок. Но перевоз был неудобен для перегона скота на выгонные земли, большая часть которых находилась за рекой. Там же располагались городские сенокосы и мельницы. Кроме того, постройка моста была необходима с точки зрения пожарной безопасности заречной Дымковской слободы. Ее

жители не имели пожарных инструментов. Перевоз располагался от нее в отдалении, поэтому в случае пожара город не мог ей помочь²¹.

По ходатайству общества и предложению отдельных горожан мост через Вятку выстраивался неоднократно: в 1793 г., 1798 г., 1806-10 гг., 1823-26 гг., 1839-45 гг. Он, как правило, был сборно-разборными, на паузках. Мост отдавался в содержание строителям моста за плату. Но выстроенные мосты действовали не больше 5 лет. Не случайно дума, сознавая всю пользу моста, зачастую отвечала отказом на настойчивые предложения общества, желавшего соединить город с Дымковской слободкой.

Причины были не только в отсутствии необходимых денег и желающих произвести постройку²². Все содержатели оказались несостоятельны²³, из-за беспечного отношения строителей-содержателей мосты вскоре приходили в негодность²⁴. Кроме того, с учетом рельефа, сооружение моста технически было чрезвычайно сложно²⁵. По заключению Строительной комиссии, «судя по местности какой бы конструкции мост не был, он всегда потребует весьма значительных издержек, так что цена его далеко не будет соответствовать пользе самага устройства». Один из берегов был совершенно плоским, за ним располагалась низменное место, которое весной затоплялось на 3 версты, что значительно удлиняло мост и сокращало время его эксплуатации в весенне-осенний период²⁶.

После 1845 г. дума вообще отказалась от идеи строительства моста через Вятку, поскольку он приносил больше убытков, чем доходов и общественной пользы²⁷. Учитывая все неблагоприятные факторы, губернатор согласился с мнением думы о «невозможности и бесполезности» его постройки. В 1865 г. вопрос вновь был поднят думой, поскольку в базарные дни крестьянам приходилось ожидать очереди на переправе «весьма долгое время». Но город не имел для этого средств, а земство отказалось взять расходы на себя²⁸.

Неудачи с устройством моста отчасти были компенсированы открытием в 1837 г. по разрешению МВД вольного перевоза через Вятку²⁹. В условиях отсутствия моста он поддерживал движение по старой сибирской дороге и на г.Слободской³⁰. Инициатором его устройства стал мещанин С.Огородников. По указанию губернского правления в 1839 г. казенный перевоз был передан в содержание думы с правом открытия вольного перевоза в других местах³¹.

С 1850 г. переправа через р.Вятку, как расположенная на почтовом тракте, перешла в ведение земства вследствие высочайше утвержденного положения Комитета Министров 1848 г. и стала содержаться за счет земских сумм (на больших почтовых трактах). В ведение земства перешли мосты, расположенные в слободках³².

Таким образом, по причине затопляемости противоположного берега Вятки, сложности рельефа, постоянно действующий мост через реку в первой половине XIX в. так и не был построен. В свою очередь, эти причины остановили развитие города за рекой. Тем не менее, существование перевозов позволяло содержать в заречных выгонных землях городские пастбища и сенокосы, которые поддерживали сельские занятия горожан, а также развивать городскую торговлю.

Помимо мостов, важнейшим вопросом благоустройства города стали городские улицы. Устройство улиц в конце XVIII - первой половине XIX в. определялось преимущественно указаниями правительства и местных властей. Наиболее существенные изменения в расположении улиц произошли по плану Вятки, утвержденному в 1784 г. В соответствии с ним было необходимо вместо радиальных улиц проложить перпендикулярные.

До появления думы жители города сами ремонтировали и делали мостовые перед своими домами, в зависимости от своего достатка. Но при этом способе благоустройства состояние улиц оставалось неудовлетворительным. В 1809 г. губернатор Ф.И. фон-Брадке указывал,

что «мостовые во многих местах так испорчены, что чрез оные проезжать нельзя». Он потребовал, чтобы домохозяева отремонтировали свои участки улиц, а общественные были бы исправлены от общества³³.

В 1818 г. вновь назначенный губернатор П.М.Добринский распорядился прорезать все улицы, указанные по плану 1812 г., оградить их заборами и снести ветхие дома. В этом же году из первой части города был перенесен во вторую Хлебный рынок. С этого времени вторая часть начала застраиваться быстрее³⁴.

Ориентируясь на Высочайше утвержденные Правила к устройству городов 1817 г., губернатор распорядился вымостить заново все улицы в центре города бревнами, а остальные – закрыть жердями и засыпать песком. В 1821 г. по его указанию полиция потребовала от думы устроить мостовые и тротуары на Нижней площади и поправить их на Верхней площади³⁵.

Мощение деревом имело место до назначения в 1834 г. вятским губернатором К.Я.Тюфяева. Новый начальник губернии имел богатый опыт благоустройства, который приобрел еще в 1820-е гг., являясь пермским губернатором. По воспоминаниям современника, накануне посещения Перми Александром I «площади и улицы немедленно были спланированы, очищены и снабжены ... доселе неизвестным у нас тротуаром». Успех тогда был обеспечен тесным сотрудничеством местной администрации и городского головы³⁶.

Прибыв в Вятку, он посчитал, что «способ мощения улиц деревом, здесь употребляемый, дорог, ... вреден для людей, скота и экипажей, а при случае пожара гибелен для целого города, ибо невозможно подать помощи, когда мостовая загорится». Поэтому указал губернскому архитектору «... вместо деревянных мостовых устроить улицы из насыпи мытым речным хрящом вроде шоссе, а для пешеходов сделать тротуары»³⁷.

Инициатива мощения улиц исходила не столько от губернатора, сколько от правительства. Еще указами 1785 г. и 1805 г. было запрещено

мостить улицы бревнами³⁸. Но только в 1830-е гг. в губернских городах стали создаваться комитеты для устройства мостовых³⁹. Их деятельность регламентировалась указом Сената от 8 февраля 1835 г. В соответствии с ним в Вятке также был учрежден временный комитет под председательством губернатора для составления правил мощения улиц в городе⁴⁰.

В первую очередь было решено вымостить 8 центральных улиц города: Московскую, Преображенскую, Спасскую, Владимирскую, Никитскую, Царевоконстантиновскую, Вознесенскую, Казанскую. Что же касается средств на строительство, комитет, исходя из экономического положения города, возложил мощение улиц на самих обывателей, а для наиболее бедных предоставил пособие из городских доходов. Однако это была временная помощь: деньги необходимо было возвратить в городскую казну в течение нескольких лет. Дума по указанию комитета выявила несостоятельных домовладельцев, вычислила необходимые издержки и определила время отдачи пособий⁴¹.

Первую мостовую нового типа дума сделала на Спасской улице перед домом губернатора осенью 1834 г. Было построено 60 саженей тротуара, выровнена улица и устроена насыпь щебнем и галькой на протяжении 55 сажен против дома⁴².

В 1835 г. губернатор через полицию обязал всех домохозяев с началом строительного сезона сделать против своих домов тротуары по установленному образцу. В связи с началом строительства мостовых дума должна была из городских средств изготовить тротуары напротив общественных домов, засыпать улицы галькой, а также поправить дорогу на Хлебной площади, «которая от разбития так худа, что может проезжающим в экипажах причинять немалый вред»⁴³.

Скорость и качество строительства во многом определялись активностью губернских властей. В июле 1836 г. губернатор возмущался, что «несмотря на многократныя ... настояния градской полиции о

понуждении домохозяев», мостовые и тротуары во многих местах даже не начинали строиться. Поэтому он предписал думе «в случае упорства» некоторых горожан в устройстве дорог и тротуаров «выстроить оныя нынеже на счет городских доходов, и все издержки употребленные на сие взыскать с домохозяев»⁴⁴. Устройство мостовых на шести центральных улицах из восьми в целом завершилось в течении двух лет, к августу 1836 г.⁴⁵.

Однако оказалось, что некоторые дороги мостятся не как следовало глиной и землей, а только сверху «слегка покрывают разбитым кирпичом и песком из чего будет одна только грязь и самая дорога по непрочности непрерывно будет избиваться». Губернатор предписал думе «уничтожить ... подобное шоссирование» и завершить все работы осенью того же года⁴⁶.

Некачественная постройка мостовых была связана с тем, что одна часть домовладельцев, как и предполагалось, оказалась несостоятельна для строительства, а другая не имела желания этим заниматься. По указанию губернатора постройка мостовых против указанных домов была возложена на думу. В сентябре 1835 г. министр внутренних дел разрешил выдать бедным в пособие для мощения 5575 руб. 35 коп. с возвращением в городские доходы в течение 7 лет⁴⁷. В 1836 г. Комитет по устройству мостовых постановил сделать в городе мостовые и тротуары против домов 26 несостоятельных граждан. В случае же их отказа платить за мощение, было решено поставить у них постой «впредь до совершенного очищения городской недоимки»⁴⁸.

Но состояние дорог при новом устройстве улиц скорее не улучшилось, а ухудшилось. По причине глинистой почвы улицы весной и осенью становились практически непроходимыми⁴⁹. В своих письмах Г.Каменьский жаловался сестре, что от дождя «вятские улицы развезло, и их нельзя было пройти, не провалившись по икры в грязь» (1847 г.)⁵⁰.

Кардинально решить проблему могло только устройство бульжных мостовых. В 1852 г. новый губернатор Н.Н.Семенов по инициативе

меленковского мещанина предложил градской думе замостить улицы и площади бутовым камнем. По закону обыватели должны были собирать средства на мощение или самостоятельно мостить улицы против своих домов и дворов. Однако дума посчитала, что доходы города для этого мероприятия недостаточны, а мощение за счет горожан очень обременительно⁵¹. Для вымощения города дума предложила «производить для сего сбор камня с проходящих по реке Вятке судов и плотов, с лесом, как это дозволено некоторым городам, например в Таганроге, Симбирске, Архангельске и Ростове». Тем более что булыжный камень находился в достаточном количестве в Слободском и Глазовском уезде. Поскольку от губернатора разрешения не пришло, а ближе ста верст от города пригодного для мощения камня не нашлось, в 1857 г. разговоры о мощении улиц прекратились⁵². Решили замостить только Раздерихинский спуск, да и то не камнем, а деревом – по старому образцу, а улицы привести в порядок с помощью гальки или щебня⁵³. В результате, губернскому начальству поневоле приходилось равнодушно смотреть, «как на грязное положение улиц, так и на безобразное содержание площадей и дурное устройство тротуар»⁵⁴.

Следует заметить, что подобная картина была характерна и для других российских городов середины XIX в., не исключая столиц⁵⁵. Так, в Москве в тот период на улицах грязи и навозу было столько, «что пешеходы теряли в грязи калоши, а иной раз нанимали извозчика специально для переправы на другую сторону площади»⁵⁶.

К вопросу об устройстве улиц примыкал вопрос городских трактов. В соответствии с Правилами о дорогах и деревнях от 13 декабря 1817 г. губернатор приказал построить на въездах по Московскому, Казанскому и Сибирскому трактам будки со шлагбаумами. Кроме того, на городской выгонной земле требовалось построить мосты, вдоль дорог высадить березки в два ряда, а также произвести все необходимые работы внутри города⁵⁷. В том же году мещанским старостой было высажено по

Московскому тракту на выгонной земле 1458 березок. Но без надлежащего надзора часть деревьев вскоре была сломана⁵⁸. В следующем году вместо сломанных и посохших было посажено 1200 новых березок⁵⁹.

В 1821 г. городничий потребовал немедленно распорядиться о ремонте дорог по Московскому и Казанскому тракту: исправить рытвины, по сторонам вырыть каналы, заменить сломанные березки по Московскому тракту. Все это было предписано думой для исполнения мешанскому старшине⁶⁰.

Но положение тракта все равно оставалось неудовлетворительным. В 1837 г. городской голова Михаил Рязанцев объявил, что губернатор «при личном обозрении пролегающего в градской выгонной земле Московского тракта с крайним неудовольствием заметить ему изволил, что означенный тракт по сие время не устроен». Поскольку ожидали прибытия наследника престола, гласному было указано все сделать без замедления «под опасением за медленность, бездействие и непечность законной ответственности»⁶¹.

Еще одним серьезным вопросом благоустройства города в первой половине XIX в. стала планировка Нижней площади, которая являлась одним из центральных торговых мест в городе⁶². Топкость места поставила вопрос о необходимости засыпать его песком на общественный счет и настлать мост. Всего за 1805-15 гг. городское общество потратило около 3 тыс. руб. на распланировку, очистку от мусора и снятие земли с Нижней площади⁶³. В 1818 г. на этой площади при участии общества частными лицами было построены торговые ряды, в которых разместилось до 189 торговых лавок⁶⁴.

В 1823 г. встал вопрос о постройке на площади новой мостовой, которую снова должны были устроить владельцы лавок. Торговцы решили не обременять себя, и, собрав необходимую сумму, поручили постройку думе. Всего через полтора месяца хозяйственным распоряжением гласного думы мостовая была устроена⁶⁵.

К планировочным работам вернулись в 1834 г., когда губернатор К.Я.Тюфяев приказал губернскому архитектору «сделать предположение о уравнивании площади», поскольку «нижняя торговая площадь, что против собора, по неровности своей и топким местам неудобна для торгов, затруднительна для проездов и делает городу безобразие». Для планировки площади, где следовало срезать около 1150 куб. сажень земли, были наняты полицейские служители. После выравнивания Нижняя площадь была замощена камнем и гравием⁶⁶.

По своему внешнему виду города должны были отличаться от сел не только правильной планировкой с обширными площадями, многочисленными мостами и прямыми улицами, но и соблюдением в них чистоты. Поэтому помимо решения периодически возникающих проблем дума должна была содержать в чистоте и исправности все места, принадлежащие городскому обществу: напротив магистрата, полиции, а также по Московской, Преображенской и Спасской улице⁶⁷. В первой четверти XIX в. дума переадресовала эти заботы мещанскому старшине. Он должен был иметь «бдительное смотрение» за городскими объектами⁶⁸, строго следить, чтобы в городе сохранялась «чистота и опрятность»⁶⁹.

Во второй четверти XIX в. дума взяла указанные заботы на свое хозяйственное распоряжение. С 1826 г. с торгов стала отдаваться чистка находящихся в городе площадей и других общественных мест, дорог и трактов «впредь до ... стояния снегов»⁷⁰. Но, несмотря на предпринимаемые думой и местными властями действия, город оставался грязным. Вятский губернатор В.Н.Струков писал в своем отчете за 1863 г., что «грязь на улицах по причине глинистой почвы весной и осенью бывает непроходима»⁷¹.

Причиной этого была не только недостаточная ответственность выборных и подрядчиков, но и особый менталитет горожан, близкий к сельскому. В Вятке обыватели должны были содержать в чистоте участки

дорог и улиц, расположенных напротив их домов. По мнению В.Н.Струкова, «причина таковой нечистоты улиц заключается в том, что домовладельцы имеют обыкновение выбрасывать из дворов на оныя разный мусор и всякаго рода хлам, часто случалось мне видеть на улицах мертвых собак и кошек, и, несмотря на постоянныя мои настояния об устранении этаго безобразия и употребление полицейских мер по взысканию с виновных, отсутствие дворников не дает возможности к приведению улиц в должный порядок и чистоту», «о метении улиц и площадей решительно не имеет никто даже понятия»⁷².

Если летом общественные участки площадей и улиц все же время от времени убирались, то зимой они сильно заметались снегом. Так, в 1836 г. полицмейстер жаловался, что «у Перваго корпуса присудственных мест, и около гоубвахты навалено снегу столько, что не видать совсем из-за онаго на Плац-форме часоваго»⁷³. Положение не улучшилось и через 10 лет. Польский ссыльный Г.Каменьский писал в 1847 г.: «здесь, из-за огромного количества снега, намного изнурительней ходить, чем у нас по лесу: ямы-выбоины посреди улицы иногда достигают в глубину до 1½ локтя!», местами приходится «идти по пояс в снегу»⁷⁴.

Чистота улиц в летнее время во многом зависела от содержания горожанами скота. Практически всех губернаторов раздражал бродящий без присмотра по улицам скот. Он становился причиной неопрятности улиц и придавал городу деревенский вид. В 1810 г. горожане, по подсчетам полиции, содержали 272 коровы, 67 телят, 19 лошадей, 4 жеребят, 23 козы⁷⁵. Их численность постоянно росла и к 1858 г. в городе уже находилось 4222 единицы скота (из них 1900 лошадей)⁷⁶.

Поэтому актуальным вопросом благоустройства города стало создание городского выгона. На протяжении 1800-1816 гг. губернаторы неоднократно обращались с «предложением» к обществу об учреждении городского пастбища и нанятии пастухов, которые не позволяли бы скоту «шататься в городе». Обыватели настойчиво отказывались от этого под

предлогом отсутствия у города утвержденной выгонной земли и отсутствия желающих пасти скот «по не введению здесь обычая таковых людей»⁷⁷.

В 1816 г. губернатор был вынужден прибегнуть к радикальному решению вопроса. Он указал думе, «если нет возможности учредить содержать скот жителей за пастухами, то всем ... жителям подтвердить оной со двора не выпускать и держать в таких местах, чтобы по городу не шатался; если же после сего будут они выпускать тогда скот, таковой будет забираем и поступит в пользу Приказа общественного призрения»⁷⁸. С владельцев скота была взята подписка о соблюдении этих правил⁷⁹.

Но ситуация значительно не улучшилась. Только в 1825 г. после личного приглашения губернатором членов думы и ряда купцов через торги были наняты пастухи с платой по 6 коп. за рубль со стоимости скотины⁸⁰. Но горожане платили очень неохотно. Так, за 1825 г. оказалось не выплачено 490 руб.⁸¹. Да и в самой пастьбе были обнаружены беспорядки. В ходе осмотра гласным общественных выгонов, на которых пасся обывательский скот, было обнаружено, что на них совершенно нет травы. Отмечалась и беспечность пастухов, у которых городские коровы разбрелись по округе, а на городском пастбище паслись, кроме того, коровы из близ лежащих деревень⁸².

Но переломить ситуацию губернаторам так и не удалось. Как писал в своем отчете за 1863 г. губернатор В.Струков, «рогатый скот, лошади и в особенности козы ежедневно разгуливают по улицам, а площади служат для них постоянною стоянкою и ночевкою. Забирание этих животных в полицию и взыскание установленного штрафа не приносит успеха к прекращению этаго беспорядка по вкоренившейся между местными жителями привычке содержать в беспорядке скот и домашния принадлежности»⁸³. Причина опять же коренилась в особом менталитете горожан, характерном для сельских жителей. Подобные проблемы

существовали и в других российских городах, где обывателям за хождение скота по городу также приходилось платить штраф⁸⁴.

Еще одним важным элементом городского быта являлось освещение улиц. После превращения Вятки в губернский город на его центральных улицах появились первые фонари с сальными свечами. С появлением думы на нее было возложено изготовление фонарей. Так, в 1821 г. был утвержден первый официальный проект уличного освещения на основании образцов, существующих в столичным городах. В 1823 г. подрядчик купец А.С.Суятин сделал 160 фонарей и установил их по улицам: Преображенской, Московской, Спасской, Казанской, от Присутственных мест до Хлебной площади, а также в двух кварталах Никитской и Царевской улиц. Изготовление фонарей обошлась думе в 2952 руб. В них ставились уже не свечи, а масляные светильники⁸⁵.

В 1848 г. было утверждено положение Комитета министров о производстве в Петербурге и Москве опытов уличного освещения спиртным газом⁸⁶. Менее чем через 5 лет подобные фонари со спирто-скипидарной смесью появились на улицах Вятки, которая хотела идти в ногу со временем⁸⁷. Для сравнения: в Западной Сибири подобное освещение впервые появилось только в 1857 г. в Тобольске⁸⁸. Оно давало минимум света при относительной дешевизне. Но это нововведение касалось только центра города. Характерно, что в условиях крайне недостаточного городского бюджета, устройство освещения и его содержание производились главным образом за счет благотворителей. При введении спирто-скипидарного освещения из 150 фонарей 140 было подарено городу чиновником Базилевским⁸⁹. Он же обязался ежегодно жертвовать городу 1000 ведер спирта, а слободской купец коммерции советник Гусев обещал каждый год передавать на освещение 1500 руб. и 100 ведер осветительной жидкости⁹⁰. В 1863 г. было введено более дешевое освещение улиц керосиновыми фонарями⁹¹.

Город был деревянным, что придавало особое значение пожарной безопасности. Даже в 1830 г. на 87 каменных домов в Вятке приходилось 593 деревянных⁹². Поэтому была велика опасность возникновения пожаров. Обычно в городе происходило по 6-9 пожаров в год с общим ущербом от нескольких сот до 10 тыс. руб.⁹³. До середины XVIII в. в российских городах заботы о противопожарных мероприятиях и борьба с огнем были уделом самих горожан. С появлением полиции эта задача была возложена на городничих, а позднее на брандмейстеров. Важнейшим условием пожарной безопасности в городе было существование подготовленной пожарной команды. Дума отвечала за обеспечение существовавшей при полиции пожарной части. Если в 1820-е гг. на содержание пожарной части тратилось в среднем по 2,5 тыс. руб. в год, то к 1870 г. ее обеспечение обходилось городу более чем в 14 тыс. руб. асс.⁹⁴. Но на нее влияли и многие другие факторы.

Эффективность борьбы с огнем во многом зависела от состояния пожарных инструментов. Важнейшей задачей думы стало создание в городе пожарного обоза. Первоначально инициатива в этом вопросе принадлежала местной администрации. В 1815 г. губернское правление предписало принадлежащие полиции пожарные инструменты привести в исправность, сделать недостающие⁹⁵. Необходимо было приобрести для города 15 одноручных заливных машин. Поскольку в городе они не продавались и не производились, на Макарьевскую ярмарку был командирован гласный Пупырев, который заключил договор на изготовление машин на Невьянском заводе⁹⁶.

К 1870 г. в составе пожарных инструментов состояли: больших труб 6, средних 3, ручных 1, к ним заливных рукавов 18, бочек с ходами 14, парусов 10, щитов 13, ведер 38, багров 16, подхватов 8, крюков с веревками 20, кошек с веревками 8, ломов 24, топоров 60, лопат 20, лестниц 10, чанов 1, выездные фонари, фуры и багровые ходы летних 8, зимних 8⁹⁷.

В каком состоянии они находились? До середины 1820-х гг. состояние пожарного инвентаря «было в самом дурном положении»⁹⁸. В связи с сенатской ревизией 1824 г. пожарные инструменты стали активно приводиться по количеству и качеству в соответствие с утвержденным штатом. По замечанию губернатора, в 1837 г. пожарные инструменты находились уже «в довольно порядочном виде»⁹⁹. В таком состоянии они сохранились и в дальнейшем¹⁰⁰. Более того, в 1853 г. после присылки из столицы нового штата выяснилось, что по сравнению с ним находящиеся в городе пожарные инструменты «против нормальной табели имеются в излишестве»¹⁰¹.

Но положение пожарных частей в большинстве городов в это время оставалось неудовлетворительным. Для решения этой проблемы правительство установило особый сбор с застрахованных имуществ. Образовавшийся страховой фонд был предназначен для улучшения полиции и пожарных частей в городах. В 1852 г. страховой сбор утратил значение местного налога и был направлен государством на развитие пожарных частей в губернских и торговых городах. Из его сумм были устроены пожарные части в 54 городах и содержалась в 32 городах.

Вятке предполагалось отпустить 2935 руб. Но после дополнительного обследования пожарных инструментов, из столицы было выслано только 1723 руб. 90 к.¹⁰². Для соседних губернских городов были назначены гораздо большие суммы: Н.Новгород – 35100 руб., Владимир – 8685 руб., Архангельск – 6080 руб., Вологда – 4200 руб., Пермь – 3460 руб. Притом, что средняя сумма с учетом других городов составляла 9360 руб.¹⁰³ Это говорило о достаточно удовлетворительном состоянии пожарной части Вятки, поскольку правительство исходило из конкретных потребностей городов.

Сил пожарной команды не хватало для сохранения города от пожаров. Поэтому каждые полгода пожарные инструменты распределялись между горожанами, которые должны были в случае пожара доставить их на место

возгорания. В случае пожара при ударах набатного колокола каждый, включенный в пожарную повинность, спешил на место пожара «с теми самыми инструментами с какими каждой назначен, на каковой предмет на воротах каждого обывательского дома имеются железные дощечки, с обозначением на оных красками в натуре инструмента, с коим должен хозяин дома или работник его явиться для утушения пожара». Распределение происходило в полиции с участием двух гласных, хотя этот вопрос и не относился к компетенции думы¹⁰⁴. Более того, с конца 1820-х гг. списки обывателей на пожарную повинность стали составляться непосредственно в думе, куда приглашался городничий и депутат от дворянства¹⁰⁵. В этой повинности ежегодно участвовало до 38 человек¹⁰⁶. В середине XIX в. их число выросло до 50-52 человек¹⁰⁷.

Но и выборных для тушения было недостаточно. Поэтому с 1824 г. думой стали проводиться торги «для всегдашнего бытия со своими лошадьми и работниками для подвоза на пожары огнегасительных инструментов»¹⁰⁸. Содержатели обязаны были в случае пожара доставить 12 лошадей с работниками для подвозки пожарных инструментов. Подобный подряд, например, в 1826 г. взял крестьянин Шитов за 199 руб. в год¹⁰⁹. Таким образом, пожарное устройство в городе не являлось исключительно полицейским, сочетая в себе государственные и общественные элементы.

Также дума совместно с полицией следила за ветхими зданиями в городе, которые могли угрожать пожаром. По просьбам общества, дума неоднократно выходила к местным властям с требованиями о сносе или переносе ветхих зданий, особенно находящихся около торговых площадей¹¹⁰. Но дума не всегда добивалась успеха в этом вопросе. Так, в 1851-57 гг. общество также ходатайствовало о сносе или переносе в безопасное место нового двухэтажного здания, выстроенного купцом Моргали для спиртового склада. В результате губернатор приказал купцу

перестроить здание согласно плану или снести его. Но из-за беспечности полиции, это решение не было реализовано¹¹¹.

В 1826, 1835 и 1862 гг. от губернатора поступили предложения застраховать дома в городе. Но общество отказалось от них, объяснив это тем, что подобной традиции в городе нет, полагая это ненужным и обременительным¹¹². Сама дума только в 1855 г. застраховала городские строения во Втором российском страховом от огня обществе¹¹³. Кроме того, в 1854-1856 гг. по указу губернского правления на городских зданиях были построены предохранительные от пожаров снаряды¹¹⁴.

При тушении пожаров успех во многом зависел от наличия в районе возгорания открытых водных источников. Они имели немаловажное значение и в снабжении жителей водой, по крайней мере, для хозяйственных нужд. Первыми думой были устроены в 1817 г. ключевые прудки около Кафедрального собора¹¹⁵. Но для тушения пожаров их явно было недостаточно. Поэтому в 1828 г. городской голова Гусев предложил поставить под вытекающий из горы ключ деревянный чан объемом не менее 200 ведер, чтобы возить из него воду для домашних нужд и для пожаров¹¹⁶. В 1835 г. был устроен бассейн около собора на Нижней площади¹¹⁷.

В 1854 г. дума предложила построить еще 4 бассейна и 1 колодец. По смете их устройство требовало 383 руб. 90 к. Благодаря торгам цена на постройку снизилась до 300 руб., которую предложил крестьянин Клабуков. В течение трех месяцев бассейны с колодцем были выстроены и освидетельствованы членами думы, полицмейстером и уездным стряпчим, после чего условленная сумма была выдана подрядчику¹¹⁸. В 1858 г. было закончено сооружение пятого бассейна на месте рва, некогда окружающего кремль. Воду из него развозили по городу бочками¹¹⁹. Но поскольку они находились преимущественно в центральной части города, в случае пожара было затруднительно возить из них воду на окраины. Кроме того, достаточно мелкие, зимой они иногда промерзали. Вода там была грязная,

что вынуждало горожан ходить за питьевой водой на реку или покупать воду. Чтобы решить этот вопрос, в 1865 г. губернатором был поставлен вопрос о постройке дополнительных бассейнов. Однако дело приостановилось из-за отсутствия средств¹²⁰.

Проблему могло решить проложение в городе водопровода. В середине XIX в. их устройство в губернских городах приняло достаточно массовый характер. В 1847 г. водопровод был открыт в соседнем Н.Новгороде¹²¹. Однако в Вятке из-за нехватки средств вопрос долгое время даже не поднимался. Только в конце 1860-х гг. водопровод был устроен и в Вятке, позднее многих других губернских городов. При этом на его устройство губернскому правлению пришлось даже выделить думе 660 руб.¹²².

Что касается других водных источников, с 1810 г. на основании предписания министра внутренних дел дума стала избирать на зимнее время мещан для очищения и содержания в надлежащем виде прорубей. С этого времени должность ежегодно отдавалась с торгов по минимально предложенной цене¹²³.

Рассматривая коммунальное хозяйство в дореформенный период, следует отметить слабое развитие в российских городах банно-прачечного сектора. Так, в 1825 г. в 686 городах существовало 538 городских бань. В Вятке в указанный период действовали 3 общественные бани¹²⁴. Их немногочисленность объяснялась тем, что в городах преобладали частные бани.

Дума занималась не только насущными вопросами благоустройства, но и организацией и содержанием зеленых зон. Сады являлись важнейшим элементом городской культуры и общественного быта. Они обладали эстетическими и рекреационными функциями. В Правилах 1817 г. Александр I выразил пожелание, «чтобы каждый губернский город (подобно некоторым малороссийским) имел таковой у себя сад».

Не желая, видимо, отставать от прочих губернских городов, в 1821 г. Вятка завела у себя первый публичный сад, названный по местоположению Загородным. В черном еловом лесу было проложено несколько дорожек, вдоль которых посажены березки. «Дабы время не было причиной запустения сего сада», губернатор предложил принять думе его в свое ведение, «с тем, чтоб и доходы какия по распоряжению думы будет сей сад приносить обращаемы были на поддержание его»¹²⁵. Дума, в свою очередь, указала мещанскому старшине принять сад в свое ведение, а для присмотра за ним отрядить необходимое число людей из богадельни и провести торги на взятие его в содержание¹²⁶. По мнению приезжего чиновника П.Яковлева, Загородный сад был устроен «как нельзя лучше»¹²⁷.

Поскольку Загородный сад находился в отдалении от города, в 1825 г. губернатор обратился в МВД с просьбой о разрешении устроить публичный сад непосредственно в самом городе. Место для него было выбрано около присутственных мест, где по подтвержденному плану 1812 г. предполагалось устроить площадь¹²⁸. Управляющий делами министерства ответил согласием. Той же осенью на месте будущего сада высадили березку, рябину, черемуху и липу. Устроен он был на пожертвования горожан, в частности изготовление ворот и чугунной решетки произошло на счет купцов Герасимова и Гусева¹²⁹. Открытие его для публики состоялось через 10 лет, в 1835 г. По ходатайству губернатора К.Я.Тюфяева, сад был наименован в память приезда императора Александровским¹³⁰. В 1838-39 гг. была установлена литая железная решетка. По чертежам А.Л.Витберга были построены каменный арочный мостик с чугунной решеткой, ротонда, вход в сад и ограды. Закончились работы по устройству входа в сад в 1840 г.¹³¹.

Но дума, занятая первоочередными нуждами города, недостаточно следила за состоянием садов. Эти функции были всецело переданы нанимаемым ежегодно смотрителям. В результате в середине XIX в. сады пришли в запустение. В 1851 г. губернатор сообщал думе, что «деревья в

них клонятся, не подчищались несколько лет, аллеи заросли по большей частью травой и не усыпаются песком, ... беседки и проч. от времени и неремонтирования пришли в совершенную ветхость». От думы требовалось принять «немедленные и действенные меры». В это же лето сады были приведены в порядок гласным Чарушным. По свидетельству в Загородном саду были заменены столбы и жерди, исправлена лестница, произведен ремонт загородного дома, очищены площади и аллеи¹³².

Сложнее обстояло дело с Александровским садом. В 1854 г. комиссар по надзору за городскими имуществами докладывал, что решетка в нем совсем развалилась. Дума составила смету на ее ремонт, но из-за отсутствия средств, ремонт затянулся на годы¹³³. Одним из серьезных препятствий в решении этого вопроса стала неэффективная работа Строительной и дорожной комиссии, а также усилившиеся процессы бюрократизации, которые значительно удлиннили делопроизводство¹³⁴.

Потребность в зеленых насаждениях была вызвана не только эстетическими, но и прагматическими целями. Для многих российских городов были характерны «пылевые бури»¹³⁵. Г.Каменьский, глядя на вятские улицы, удивленно восклицал: «вообразите себе немощеный (камнем – Е.К.) город, в котором и речи нет о поливе улиц, а движение подвод и дрожек достаточно интенсивное» (1847 г.)¹³⁶.

Для дальнейшего озеленения города в 1863 г. губернатор предложил думе на пустующей площади, расположенной по Московской улице, устроить сквер. До этого времени она имела неприглядный вид: «не вымощенная, наполняется от дождей грязью, особенно в весеннее и осеннее время, затрудняя сообщение и обезображивая одну из лучших улиц города». Сквер, по его мнению, «украсит площадь и очистит воздух»¹³⁷.

Высочайшее разрешение на устройство сквера пришло в 1864 г., а следующей весной дума приняла практическое решение об устройстве

первого в городе сквера. Он имел форму кругового сегмента и располагался на южной стороне Московской ул.¹³⁸.

Сложнее обстояло дело с заведением в городе «всего потребного». Общество не раз просило думу выстроить для него те или иные помещения или заведения, как правило, из сумм добровольных вкладок. Если же с подобными требованиями выступали администрация и полиция, деньги приходилось уже брать из городских доходов или казенных средств. Так, дума выстроила важную для весов, лавки, многие военные заведения, будки, казармы, городские скотобойни и др.¹³⁹. В то же время некоторые планы (новые ряды торговых лавок, пристань) не были реализованы из-за ограниченности средств¹⁴⁰.

Насколько широка и эффективна оказалась деятельность думы в сфере благоустройства? Каковы были общие итоги работы думы в этом направлении? В XVIII в. вопросы благоустройства решались обществом, личными силами и средствами горожан. Ко времени учреждения в городе думы, состояние городского хозяйства было плачевным: мосты обветшали, город по новому плану 1784 г. отстраивался медленно. Появление думы придало процессу благоустройства больше организованности, что позволило значительно улучшить состояние города. В первой половине XIX в. началось активное формирование коммунального хозяйства Вятки. Были отремонтированы мосты, спланированы площади, замощены улицы, выстроены городские бассейны, появилось освещение, водопровод, сады и пр. В этом случае трудно согласиться с мнением И.Дитяткина, который полагал, что думы ведали только сбором денежных средств и в отношении благоустройства не делали «почти ничего, если вовсе ничего»¹⁴¹.

По оценке некоторых исследователей, в начале XIX в. Вятка превосходила по своему устройству некоторые губернские города, например, соседнюю Пермь¹⁴². Изменения, произошедшие в первой четверти XIX в. были настолько заметны, что прибывший в 1824 г. в Вятку

император Александр I охарактеризовал внешний вид Вятки как «одного из лучших губернских городов»¹⁴³. В том же году чиновник П.Яковлев отмечал: «все вообще обманываются, думая, что Вятка маленький бедный городок - ... но я желал бы всегда так приятно обманываться. Вятка выстроена правильно: улицы прямы и широки; везде тротуары для пешеходов ...»¹⁴⁴.

Но благоустройство коснулось преимущественно только центральной части города, что было характерно и для других российских городов, не исключая и столичных. Так, в С.-Петербурге при всем благоустройстве центра города, его окраины оставались грязными, застроенными трущобами¹⁴⁵. Далеко не все инициативы и проекты оказались реализованы. В чем заключались главные препятствия и каковы были пути их преодоления?

Трудности начинались уже с географического положения Вятки, имевшей сложный холмистый рельеф с многочисленными возвышениями, оврагами, топкими болотистыми местами. Также плоскость берега и низменность противоположной стороны р.Вятки создала серьезные проблемы для строительства моста и развития города за рекой.

Однако главные причины лежали в экономической сфере, что отмечалось не только но и губернаторами¹⁴⁶. Недостаточность городского бюджета не позволяла развивать городское хозяйство, ограничиваясь преимущественно ремонтом старых зданий, очисткою дорог и площадей¹⁴⁷. Это было характерно почти для всей российской провинции. По мнению П.Рындзюнского, казна среднего русского города не могла обеспечить решение этой задачи даже в скромных размерах¹⁴⁸.

Постоянный дефицит бюджета тормозил инициативу думы. Недостающие суммы «разводились» между обывателями, занимались в приказе общественного призрения, брались из запасного капитала¹⁴⁹. В середине XIX в. существенная помощь стала оказываться из земских сборов¹⁵⁰. Подобная ситуация была и в соседних губерниях¹⁵¹.

Приходилось прибегать к всемерной экономии, которая, порой, отражалась на качестве построек. В то же время следует отметить, что члены думы нередко проявляли бережливость и рачительность. Строительные работы, которые производились хозяйственным распоряжением гласных, были выполнены, за редким исключением, качественно. Старые материалы и строения не бросались, а продавались с аукционов¹⁵². Определенная экономия происходила и от отдачи подрядов на строительство с торгов, через привлечение колодников и должников к городским работам. Существенная помощь в некоторых вопросах оказывалась благотворителями. Им принадлежит устройство городского сада, моста через Вятку, изготовление фонарей, освещение города в середине XIX в.

Положительную роль в условиях ограниченности средств играло и административное давление. В конце XVIII – начале XIX в. инициативы по благоустройству города исходили, как правило, от местных органов управления, что было характерно, например, для сибирских городов¹⁵³. Губернаторы предложили немало способов к улучшению благосостояния города.

В то же время, взаимодействие с местными административно-полицейскими органами имело свое негативное воздействие. В первой четверти XIX в. сложилась крайне неэффективная схема решения вопросов благоустройства. Существование многочисленных инстанций, от которых зависело утверждение смет и планов (архитектор, Строительная комиссия, губернское правление, Хозяйственный департамент МВД, Главное управление путей сообщения и публичных зданий), значительно затягивало решение дел¹⁵⁴. Так, губернаторы неоднократно отмечали плохую работу Строительной и дорожной комиссии, критикуя архитектора за «безпримерную медлительность в составлении поручаемых ему проектов и смет»¹⁵⁵.

Исполняя, в целом, установленный порядок делопроизводства, дума, в то же время, не стремилась полностью следовать букве закона. Она самостоятельно производила все небольшие и экстренные поправки, не обращаясь к высшим инстанциям за разрешением. Ожидание же смет и разрешений, по мнению выборных, привело бы многие здания «к совершенному разрушению»¹⁵⁶.

Проблемы развития городского хозяйства лежали не только в сфере географического, экономического и административного, но и социокультурного порядка. Существенную роль сыграл особый традиционный менталитет обывателей, близкий к сельскому. На рубеже XVIII-XIX вв. Вятка представляла собой город полуаграрного типа, в котором число каменных домов не превышало 4% от общего числа¹⁵⁷, практически отсутствовала промышленность.

Подобная картина была характерна для большинства российских городов. Так, в 1825 г. в российских городах число каменных домов в среднем было менее 10%. В том же году этот показатель в Вятке составлял 13%. Не лучше обстояло дело в крупных соседних городах (2% в Архангельске и 6% в Н.Новгороде)¹⁵⁸. В результате по своему облику провинциальные города нередко имели сельский вид¹⁵⁹. Сенатор И.В.Лопухин, ревизовавший в 1800 г. Вятку, отмечал, что город был похож «больше на богатое село, нежели на губернский город»¹⁶⁰. Разряженная постройка домов и дворов «усадебного» типа являлась как одним из средств противопожарной безопасности, так и отражением особого эстетического восприятия архитектурного пространства, характерного для села (чтобы здания не мешали воспринимать объемные сооружения).

Для активного благоустройства города необходимо было формирование особого городского мировоззрения, «появление у средних слоев и верхов горожан представлений о городе как о месте, где люди не только работают и живут, но и проводят досуг»¹⁶¹. Существование города предполагало массовое создание общественных мест (площадей, садов и

пр.), в отличие от сельской местности или городов аграрного типа, жители которых были ориентированы только на самообслуживание.

У вятских обывателей представления о городском образе жизни в дореформенный период только еще начинал формироваться. По своей ментальности они недалеко ушли от сельских жителей. Не случайно многие горожане занимались в городе огородничеством и скотоводством, что было характерно для большинства средних и малых российских городов¹⁶². В этих условиях катализатором процесса благоустройства в Вятке зачастую выступала администрация. Причем это касалось, как правило, именно «городских» элементов благоустройства – заведения садов, скверов, бассейнов, прудков, освещения города и пр.

Более того, горожане не всегда понимали и принимали инициативы «сверху». Например, на протяжении нескольких лет они отказывались от предложений губернатора по заведению общественного выгона и страхованию домов, объясняя это тем, что в городе не существует «подобного обычая». Не случайно, что и благотворителями «городских» элементов выступали зачастую чиновники, более близкие по менталитету к городскому типу культуры. Так, горожане отказались использовать городские средства на устройство предложенного губернатором сквера, предлагая использовать для этих целей пожертвования¹⁶³. От мещан и купцов исходили, как правило, инициативы, касающиеся практических интересов. Так, многократные просьбы обывателей о строительстве моста через Вятку, который не действовал более трех-пяти лет, были связаны с необходимостью перегонки скота на противоположный берег реки, где располагался городской выгон.

В быту и ментальности различие между городом и деревней в первой половине XIX в. были незначительны. Можно согласиться с мнением Е.И.Сазановой, что городской образ жизни в российской провинции утверждается только с началом буржуазных реформ¹⁶⁴. Тем не менее, он начал формироваться еще в дореформенный период. Через культурные

каналы (библиотеки, систему образования) и пр., шел процесс «остоличивания» провинции, ее постепенной европеизации¹⁶⁵.

С утверждением идеи регулярности в городе (правильная планировка, образцовые фасады, определенные цвета домов и пр.) и по мере проникновения городского образа жизни в сознание обывателей, дума все активнее начинает заниматься вопросами городского хозяйства. Это проявилось, в частности, в некотором увеличении средств, выделяемых на благоустройство города. Если в начале XIX в. суммы на эти предметы были менее 6% от городских расходов (для сравнения: расходы Московской думы в первые годы своей работы на благоустройство колебались около 8%¹⁶⁶), то, начиная с 1820-х гг., они составляли от 6 до 26% (см. Прил. 14). Горожане более активно стали строить каменные дома. В начале XIX в. их число не превышало 4% от общего числа, в 1830 г. они составляли уже 13%, а к 1870 г. 22,8% от общей численности домов в городе¹⁶⁷.

Значительное влияние на благоустройство города оказал также субъективный фактор. Эффективность деятельности в этой сфере зачастую была обусловлена активностью городского головы, губернатора, а также обывателей, предлагавших произвести крупные строительные работы в городе.

По закону дума получила широкие возможности в области благоустройства, которые ей удалось реализовать достаточно полно. В дореформенный период ее деятельность затрагивала почти все сферы городского хозяйства: благоустройство улиц и площадей, освещение улиц, контроль над частной застройкой города, пожарную безопасность, вопросы городского водоснабжения, содержание рекреационных зон и пр. Стало проводиться постоянное наблюдение за состоянием городских объектов и их своевременный ремонт. Но, несмотря на серьезное преобразование Вятки в дореформенный период, следует отметить, что она по-прежнему имела сельский вид.

В то же время самостоятельность думы, особенно в расходовании городских средств, была существенно ограничена. Это было следствием усиления контроля над ее деятельностью со стороны правительства и местной администрации. Серьезными препятствиями также стали финансовые трудности, бюрократизация, недостаточная активность думы и несформированность городского образа жизни обывателей. Вкус к городскому образу жизни прививался «сверху», преимущественно указами и предложениями правительства и местной администрации, которые ратовали за приведение городов в опрятный вид. Для удовлетворения интересов местного общества и придания городам современного, цивилизованного вида губернские власти неоднократно обращали внимание думы на проблемы благоустройства.

Нередко и сами обыватели выходили с предложениями о заведении новых городских объектов, но они касались, как правило, их практических интересов. Сама дума редко предлагала крупные постройки, понимая недостаточность городских средств даже для первоочередных нужд.

В целом, развитие благоустройства в Вятке соответствовало общероссийской ситуации.

2.2. Вятская дума и проблемы социально-экономического развития города

При проведении своей экономической политики государство в XVIII в. активно использовало как методы государственного принуждения, так и стимулирования экономики посредством предоставления широких торговых и промышленных прав.

Петр I для мобилизации страны в сжатые сроки избрал преимущественно административно-принудительные методы воздействия на экономику. Завершив процесс «закрепощения» сословий, он заставил общество служить государству. Созданные им городские корпорации были призваны улучшить сбор налогов и обеспечить исполнение государственных служб и повинностей.

Городские выборные органы в первой половине XVIII в. играли скромную роль в экономической жизни города. Основной их функцией являлись разнообразные сборы с торговцев, подрядчиков и промышленников. При этом собранные деньги отсылались в столицу¹⁶⁸. Кроме того, ларечные, находящиеся при таможнях, осуществляли наблюдение за правильным производством торговли. Таким образом, городские учреждения обладали преимущественно исполнительными функциями, действуя почти исключительно в интересах государства.

Екатерина II избрала иную политику. По ее мнению, необходимо было, в первую очередь, создать благоприятные условия для развития экономики. Главными из них она считала свободу торговли и промышленности. В «Наказе» Уложенной комиссии она писала: «торговля оттуда удаляется, где ей делают притеснения, и водворяется тамо, где ее спокойствие не нарушают»¹⁶⁹. Следуя идеям просветителей, еще в 1762-63 гг. Екатерина II отменила монополию на ряд производств. Указом 1767 г. была объявлена свобода городских промыслов¹⁷⁰.

Расширение торговли и промышленности в России в XVIII в. требовало дальнейшего укрепления нарождающейся буржуазии. Важным шагом в реализации этой задачи стали манифесты 1775 г. Они заложили основы свободного предпринимательства, ослабили государственный контроль над ним, создав новый статус российского купечества¹⁷¹. Правительство создало институциональные и правовые предпосылки для экономической и юридической консолидации граждан в среднее сословие. Граждане получили гарантированное законом право на собственность и личную свободу, а также ряд экономических и социальных привилегий¹⁷².

Указы 1775 г. впервые утвердили купечество в качестве полупривилегированного сословия. В отличие от мещан и крестьян купцы получили исключительное право на ведение крупной торговли. Для них отменялась подушная подать, а также предоставлялась возможность избавиться от рекрутской повинности. Для вступления в гильдию необходимо было обладать достаточно высокими капиталами, сумма и отчисления от которых постоянно увеличивались. Законодатель сознательно стремился подтолкнуть городское сословие к повышению своего статуса, что, в конечном счете, должно было содействовать развитию экономики.

Городовое положение 1785 г. должно было создать в городах дополнительные условия для развития промышленности и торговли. Оно предоставило городским думам широкие возможности в решении социально-экономических вопросов жизни города.

Во-первых, думе предписывалось доставлять жителям города «нужное пособие к их прокормлению или содержанию». Во-вторых, она должна была регулировать отношения между сословиями внутри города, а также отношения города с округой и соседними городами: «сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие», «разрешать сомнения и недоумения по ремеслам и гильдиям», наблюдать за правильностью

исполнения Городового и Ремесленного положения, «сохранять город от ссор и тяжб с окрестными городами или селениями».

В-третьих, она была призвана создать необходимые условия для экономического развития города: «всякими дозволенными способами поощрять привоз в город и продажу всего, что ко благу и выгодам жителей служить может», «стараться о построении всего потребнаго, о заведении площадей, для стечения народа по торгу, пристаней, анбаров, магазейнов и тому подобнаго что может быть для города потребно, выгодно и полезно»¹⁷³.

Таким образом, думе предоставлялись контролирующие, распорядительные и исполнительные функции. Она должна была действовать в интересах городских корпораций, способствовать развитию ремесла и торговли в городе, регулировать меж- и внутрисословные отношения. Но реализация закона определялась конкретными условиями городов.

Вятка уже в последней четверти XVIII в. являлась центром хозяйственной жизни Западного Приуралья. Основу ее экономики составляла транзитная торговля. Она играла большую роль в снабжении северных городов хлебом, салом, маслом и другими продуктами сельского хозяйства. Вятские купцы отправляли крупные партии товаров в Поволжье, за Урал, а также в Архангельск, С.-Петербург, Ригу для экспорта в Западную Европу. В городе развивались различные ремесла: кожевенное, кузнечное, столярное, портняжное и др.¹⁷⁴.

Ремесла и мелочная торговля составляли главные занятия горожан, от которых зависело благосостояние основного населения города. Поэтому жители Вятки, как и других российских городов, в первую очередь, были заинтересованы в монополии торговой и ремесленной деятельности. Эти требования звучали еще в XVII в., но массовый характер они приобрели в XVIII в., в Наказах в Уложенную комиссию 1767 г.¹⁷⁵.

Особенно остро данная проблема встала в последней четверти XVIII в. Благоприятные условия на мировом рынке для продажи российского хлеба вызвали в России «революцию цен». Она имела негативное влияние на развитие городов, значительно замедлив темпы урбанизации в стране. Под натиском деревни происходило потеснение города, падение его относительной роли в промышленно-торговом потенциале страны¹⁷⁶.

Промышленная функция городов вследствие конкуренции со стороны Западной Европы промышленных товаров и сельской дворянской промышленности совершенствовалась слабо. Что же касается торговой функции городов, ее развитие существенно тормозилось конкуренцией со стороны сельских центров и соперничеством горожан с помещиками и крестьянами. В результате торговая сеть на селе развивалась быстрее, чем в городе. Экспорт хлеба происходил часто в обход городов. Быстрый рост цен на сельские товары по сравнению с промышленными и общее отставание роста прибыли горожан от роста цен отрицательно сказывалось на жизненном уровне городских жителей, занятых в промышленности и ремесле¹⁷⁷.

Поскольку дворянские хозяйства в Вятской губернии практически отсутствовали, основную конкуренцию горожанам составляли крестьяне, как в ремесле, так и в торговле¹⁷⁸. Для улучшения своего положения обыватели Вятки, как и других российских городов, ходатайствовали об исключительном праве ремесла и торговли. Эти требования имели общероссийский характер и сохранялись неизменными на протяжении всего дореформенного периода¹⁷⁹.

При этом они ратовали не только о запрещении крестьянской торговли внутри города, но и ее ограничении в городской округе. Так, в 1826 г. горожане предлагали губернатору для «усиления коренных начал городского существования» пресекать силами земской полиции чрезмерный развоз разных товаров по селениям¹⁸⁰.

В этих условиях главное значение думы в экономической сфере заключалось в контроле над производством ремесла и торговли в городе. Еще в XVIII в. город избирал смотрителей за неуказной торговлей. Они должны были пресекать различные нарушения и собирать деньги с иногородних купцов за право торговли. Так, в 1745 г. ларечный Хлыновской таможни Петр Филимонов привел в провинциальный магистрат татар с необъявленными в таможне товарами. Последние лишь удивленно отвечали, что никаких законов об уплате пошлин за привозимые товары не знают¹⁸¹.

После образования в 1793 г. думы, функции наблюдения за торговлей перешли в ее ведение. Но на рубеже XVIII – XIX вв. действенный контроль так и не был налажен. Смотрители, особенно избираемые из мещанства, плохо ориентировались в торговых правах тех или иных сословий¹⁸². Несмотря на то, что в конце XVIII в. сборы с иногородних торговцев были практически единственным источником городского бюджета, в начале XIX в. эта статья доходов исчезла, вплоть до 1825 г.

Дума, осознавая некомпетентность смотрителей, подробно описала им права торговли разных сословий. Кроме того, она просила их выслать подробную опись, кто чем торгует в лавках, вероятно надеясь самостоятельно разобраться в правомерности их торга¹⁸³. Определенную помощь в контроле над торговлей оказывала также полиция¹⁸⁴.

Основные нарушения были связаны со стремлением крестьянства произвести продажу товара в обход купцов. В частности, в 1800 г. в думе обсуждалось дело о прямой скупке хлеба у крестьян расположенными около города винокурными заводами¹⁸⁵. В том же году вятские обыватели обратились к прибывшему в город сенатору с просьбой запретить крестьянам перекупать хлеб¹⁸⁶.

Нарушения происходили и во внутригородской торговле. В 1804 г. смотрители обнаружили крестьян, продававших красный солод в розницу,

тогда как должны были оптом сдавать его купцам¹⁸⁷. Но в целом подобные случаи в работе думы в первой четверти XIX в. встречаются редко.

Несмотря на противоречия в отношениях между городом и деревней, государство в течение XIX в. постепенно расширяло возможности крестьян для участия в городской торговле. Это было обусловлено объективными условиями развития города и деревни в тот период. В первой половине XIX в. усиливались процессы проникновения денежных отношений в деревню и расслоения крестьянства. Они ежегодно выталкивали в города значительное количество сельских жителей. В результате сословный состав мелкой буржуазии в городах становился достаточно пестрым. Крестьянство стало главным источником роста городского населения¹⁸⁸. В Вятке, например, в 1861 г. находилось более 2000 крестьян, что составляло около 13% от общего числа, проживавших в городе¹⁸⁹.

Враждебное отношение городских сословий к торгующим крестьянам не остановило их приток в город. До начала XIX в. крестьянам было запрещено брать подряды и откупа, заниматься торговлей за пределами своего уезда, открывать промышленные предприятия и пр.¹⁹⁰.

Но правительство понимало, что широкое развитие крестьянской торговли соответствует потребностям времени, а ее запрещение «остановило бы движение разных частей промышленности». Оно полагало, что малочисленное и экономически слабое купечество не могло охватить растущую торговлю и держать ее исключительно в своих руках¹⁹¹. Поэтому в начале XIX в. правительство пошло на нарушение существующей запретительной системы, расширив и укрепив права крестьянства в городской торговле.

Так, в манифестах 1812 г. подтверждалось право крестьян производить в городах мелочную торговлю, а при условии покупки особых свидетельств и купеческую, вплоть до оптовой внешней торговли с оборотом более 50 тыс. руб.¹⁹². Разрешение на торговлю предоставлялось только крестьянской буржуазии, торговавшей более чем на 2 тыс. руб.

Мелкая торговля крестьян оставалась под запретом, хотя на практике она имела широкое распространение.

В исполнении этих законов думам по-прежнему отводилась контролирующая роль. Они должны были следить, чтобы крестьяне не производили торг на сумму, превышающую 2000 руб. без приобретения соответствующих свидетельств. В качестве санкций за нарушения торговли выступали крупные штрафы и даже запрещение производить торговлю в будущем¹⁹³.

Неточности в законе, а также стремление горожан пресекать крупную крестьянскую торговлю, приводили порой к столкновениям с приезжими торговцами. 1814 год ознаменовался серьезным конфликтом с прибывшими из Владимирской губернии крестьянами. По сообщению смотрителя над неуказной торговлей они производили «потаенную разными товарами торговлю разваживая товары по домам». По просьбе думы полиция произвела обыск, описала товар, а крестьян отправила в уездный суд. В 1815 г. из Сената пришло разъяснение, что крестьянам по свидетельствам 3 и 4 рода предоставляется право вести розничную торговлю не только в рамках своей губернии, но и «посторонней»¹⁹⁴.

Гильдейская реформа 1824 г. еще больше расширила права крестьян на производство торговли и ремесла в черте города¹⁹⁵. Через приобретение свидетельств шести родов они могли приобрести права на торговлю купцов трех гильдий, торгующих мещан и крестьян. Купцы получили возможность обеспечивать кредитными доверенностями своих приказчиков.

В результате реформы мелочная крестьянская торговля, запрещенная законом, но реально производившаяся в городе, оказалась под контролем думы. Вероятно, именно по этой причине Гильдейское положение получило высокую оценку вятского городского общества¹⁹⁶.

Балансируя между интересами крестьянства и горожан, государство одновременно значительно расширило контролирующие функции думы в

сфере торговли и ремесла. Дума собирала пошлины за выданные свидетельства на торговлю или промысел, которые поступали в городской доход. Обладатели свидетельств записывались в особую книгу, которая становилась основой для проверки торговли и ремесла в городе.

Для наблюдения за правильным производством торговли и промышленности в больших торговых городах, сверх городских старост и гласных, при думах учреждались особые торговые депутации. Они состояли от трех до семи человек, которые избирались из купцов, заслуживших особое доверие общества. В январе проводилась генеральная проверка торговли, которая повторялась в течение года по мере надобности. По закону депутаты имели свободный доступ во все лавки, торговые заведения и дома, где производился торг. Все сомнения относительно правильности торговли разрешались депутатами большинством голосов. В самой проверке торговли принимал участие гласный думы¹⁹⁷. Дума, по отчетам депутации, принимала окончательное решение по делу: запрещала торговлю, высылала домой, принуждала брать свидетельства, вступать в цеха, производить торг только указанными товарами¹⁹⁸. Также она рассматривала спорные вопросы и жалобы граждан на действия депутации¹⁹⁹. Определенную помощь для наблюдения за ними оказывала полиция²⁰⁰.

Основными нарушениями была торговля без свидетельств, продажа товаров, не соответствующих взятому свидетельству, отсутствие билета на лавку. За проверку выявлялось обычно до 15 нарушений²⁰¹. Как показала работа депутации, в отличие от предшествующих смотрителей ее члены четко знали права всех категорий торговцев. Депутаты лучше ориентировались в торговом законодательстве чем, например, чиновники Казенной палаты²⁰². Кроме того, они имели представление обо всем ассортименте продаваемого в городе товара²⁰³.

Помимо крестьянства, значительную конкуренцию составляли горожане некоторых уездных городов, в частности Слободского.

Слобожане неоднократно предпринимали попытки добиться права свободной торговли на вятском рынке. В 1794 г. городская дума г.Слободского предложила Вятской городской думе организовать еженедельный взаимный торг. Вятские ремесленники и мещане по-разному отреагировали на это. Только два цеха, вероятно не опасавшиеся конкуренции со стороны слободчан, дали свое согласие. Большинство же ремесленных управ согласилось только на проведение двух общих ярмарок в год. Против еженедельного взаимного торга высказалось также мещанское общество. Но Вятская городская дума, призванная «сохранять город от ссор и тяжб с окрестными городами», разрешила на 1795 г. взаимную торговлю граждан двух городов по воскресным дням²⁰⁴. Правда, когда подобное предложение от Слободской думы повторилось в 1799 г., дума передала решение этого вопроса непосредственно обществу²⁰⁵.

В дальнейшем условия торга в Слободском стали гораздо невыгоднее вятских. В 1838 г. дума заметила, что приезжающие в Вятку граждане г.Слободского и крестьяне Слободского уезда производят в здешнем городе «значительную торговлю» мехами, юфтью, медными и железными изделиями, «в явный подрыв местным городским гражданам без всякого платежа в пользу городских доходов акциза», тогда как вятчане, торгующие в Слободском, по распоряжению тамошней думы, «подвергаются чувствительному взысканию в пользу городской казны акциза без взносу коего и торговать им не дозволяется». Поэтому дума просила губернатора по примеру г.Слободского, а также высочайше утвержденного положения о доходах и расходах г.Калуги, во время ярмарок и воскресных базаров разрешить взимать с приезжающих особый сбор за место, отводимое под временные лавочки, шалаши, палатки, столы - с каждой квадратной сажени от 1 до 2 руб. «под смотрением думы»²⁰⁶. Решение об этом было утверждено только в 1855 г.²⁰⁷.

Противостояние существовало и иногда прорывалось наружу также между вятскими мещанами и купцами. В частности, в 1808 г. гласный

думы Алексей Прозоров обратился с просьбой от выбравшего его купечества «в защищении принадлежащих купечеству прав», поскольку «многия здешния мещане производят здесь в городе торг разными товарами, а другие занимаютца хлебною торговлею». Купечество просило его «пред обидством защитить» и незаконный мещанский торг прекратить. Вместе с докладом прилагался реестр мещан, которые, по мнению гласного, производили неуказную торговлю. В «черном списке» среди прочих имен значился даже гласный думы от мещан Захар Собачкин. Поскольку мнение думы по этому вопросу разделилось, решение дела было передано в магистрат. Последний не согласился с обвинением мещан в «подрыве купеческих прав», поскольку, как выяснилось, они занимались мелким торгом, преимущественно съестными припасами, тканями и сбруей, что разрешалось не только мещанам, но и крестьянам по ст. 20, 141 и 144 Городового положения²⁰⁸. В 1810 г. купеческое общество подало апелляцию. На сей раз уже мещане обвинили думу в том, что она хочет ограничить их торговлю. Дело перешло в палату уголовного суда, которая, в целом, подтвердила решение магистрата. В результате некоторым мещанам за незначительные нарушения в торговле был сделан выговор, остальные от следствия были освобождены²⁰⁹. Но подобные ситуации в работе думы были единичны.

Дума также контролировала производство в городе *ремесла*. Цеховая система была создана в России при Петре I для мобилизации в нужный момент людей определенной специальности. Кроме того, она имела фискальный характер. Основанные на круговой поруке, цехи должны были обеспечивать исправное поступление налогов. Государству их существование помогало контролировать производство ремесла в городе, сбор податей и несение повинностей. В то же время, нельзя согласиться с И. де Мадариагой, что они не выполняли характерных для западных гильдий и цехов задач профессиональной подготовки ремесленников и ограничения конкуренции²¹⁰.

Тем не менее, вполне понятно было стремление городских ремесленников не объединяться в цеха, которые усиливали контроль над мастерами определенной специальности, требовали дополнительных расходов на содержание цеховой организации, а также заставляли участвовать в цеховом самоуправлении²¹¹.

По Гильдейскому положению крестьяне, занимающиеся ремеслом, должны были записаться в цеха. Но они отреагировали на указания думы очень пассивно, вынудив думу обратиться за помощью к полиции²¹². Проблемой стало для думы создание по указу 1839 г. в городе цеха трубочистов, поскольку печные мастера «решительно отказались» от вступления в цех²¹³. Только в 1850 г. под нажимом администрации цех удалось организовать²¹⁴.

Особое положение в городе занимали не только крестьяне, но и евреи. К ним в Вятке отношение всегда было настороженным, а порой и негативным²¹⁵. В соответствии с Гильдейским положением они теряли право торговать и заниматься промышленностью. Так, в 1826 г. в городе были обнаружены евреи Смерка, Аршан и Израиль, которые занимались ремеслом и торгом галантерейными вещами. Дума запретила их деятельность, установив за ними «должное наблюдение»²¹⁶.

Дума обладала не только контролирующими, но и распорядительными функциями. В соответствии с Городовым положением она отвечала за устройство городских объектов и заведений, которые могли бы расширить экономические возможности города. Само общество в 1826 г. полагало полезным иметь общественный салотопенный завод, торговую баню с мытней и мельницу, однако средств у города на их постройку не было²¹⁷. В дореформенный период, несмотря на скудость городских и общественных средств, удалось устроить торговые площади, каменные и деревянные торговые лавки, харчевни, скотобойни, загородный дом. Ежегодно воздвигались ярмарочные помещения²¹⁸. В 1850-е гг. для наблюдения и организации городских ярмарок при думе был создан особый ярмарочный

комитет, которой отвечал за устройство передвижных лавок и, обеспечивая сбор денег за торговые помещения²¹⁹. Но из-за финансовых затруднений приостановилось решение вопросов о постройке пристани и новых рядов каменных торговых лавок²²⁰.

Участвуя в формировании *ценовой политики* государства, дума реализовала свои исполнительные функции. Для предотвращения голода в неблагоприятные годы необходимо было удержать цены на одном уровне, а в случае их резкого увеличения – обеспечить хлебом неимущих.

В целом, в Вятской губернии ситуация была благоприятной. В течение XVIII-XIX вв. она не только обеспечивала себя хлебом, но и вывозила его в соседние губернии. Вследствие отдаленности от главных торговых рынков и соседства Западной Сибири, отличавшейся крайней дешевизной, цены в Вятке, находились на сравнительно низком уровне. Тем не менее, временами происходило значительное увеличение цен (см. Прил.19), которое, в целом, соответствовало общероссийским тенденциям. Оно было связано, в первую очередь, с изменением экономической конъюнктуры и периодическими неурожаями²²¹.

Еще в 1797 г. Павел I, «в отвращение отягощения, претерпеваемого жителями городов от неумеренности цен» издал указ о составлении по окончании полевых работ таксы на все съестные припасы. Выше установленных цен продавать продукты запрещалось. В соответствии с указом такса по Вятской губернии была составлена в апреле 1798 г.²²²

По причине резкого удорожания хлеба в 1802 г. правительство пришло к выводу о необходимости более жесткого контроля над уровнем цен. По указу I департамента Сената от 5 мая 1802 г. губернии должны были ежемесячно доставлять в столицу информацию о ценах на хлеб и фураж. Сведения должны были отбираться предводителем дворянского собрания (поуездно), полицией и думой (городским головой и гласными от гильдий)²²³.

В соответствии с указом в Вятке ежемесячно стали устанавливаться максимальные и минимальные цены на каждый из видов продуктов. В составлении таксы принимали участие представители губернского правления, полиции, «лучшие купцы г.Вятки» и заседатели думы (из купцов). Непосредственно за ценами на рынке следил хлебный староста, который ежедневно записывал сведения о продаваемом хлебе в специально заведенную книгу. За самим хлебным старостой и покупателями поочередно следили гласные думы²²⁴. Также с 1802 г. стали контролироваться цены на сплав хлеба и фуража на баржах от Ношульской пристани до Архангельска²²⁵. Контроль над ценами (с сентября по май) продолжался на протяжении всего дореформенного периода²²⁶.

Дума принимала участие не только в формировании цен, но и в организации хлебной лавки. 1805 год ознаменовался недородом хлеба. Чтобы не допустить голода, губернатор в личной беседе с городским главой просил его для малоимущих слоев населения закупить необходимое количество хлеба для продажи его по умеренным ценам. Члены думы откликнулись на это предложение, закупив хлеб на свои личные средства, поскольку городская казна оказалась пуста. Позднее губернатор разрешил компенсировать затраты, заняв для этой цели 2000 руб. под проценты на год в Приказе общественного призрения.

Процесс продажи хлеба находился под пристальным вниманием начальника губернии, который ежемесячно получал от думы отчеты о проданном и оставшемся хлебе, а также о вырученных деньгах. Продажей занимался непосредственно один из гласных думы и два выбранных от общества помощника. Лавка работала в течение 1805-1806 гг. Ее открытие оправдало себя: в течение двух лет было продано 2600 пудов муки и 2000 пудов зерна на сумму 3910 руб. Чтобы предотвратить возможные неурожаи в будущем, в 1807 г. губернатор предложил организовать вместо временной хлебной лавки магазины с хлебными запасами²²⁷.

В 1840 г. в связи с резким ростом цен на хлеб дума по предложению губернатора вновь через купцов организовала продажу бедным жителям г.Вятки ржаной муки с понижением против существующих цен по 50 коп. за пуд медью. Всего было заготовлено 5000 пудов. Мука отпускалась по выдаваемым в думе удостоверениям о бедности два раза в неделю по цене 1 руб. 40 коп. за пуд асс.²²⁸. В голодные годы дума также внимательно следила за тем, чтобы не было незаконных перекупок или продажи крупных партий хлеба²²⁹.

Важным условием стабильного экономического развития являлась организация дешевого кредита. Из-за его практического отсутствия, в Вятке нередкими были случаи разорения купцов²³⁰. Правительство предпринимало некоторые шаги по решению этой проблемы, возлагая при этом на думу чисто исполнительные функции. В частности, указом Сената с 1809 г. ¼-процентный сбор с купеческих капиталов передавался на хранение в думу, которая могла раздавать его в ссуду за узаконенные проценты. В 1808-1809 гг. указанные сборы составили около 3 тыс. руб.²³¹. Несмотря на то, что дума без залогов и поручительств деньги не выдавала, в течение двух недель после объявления нового узаконения практически вся сумма была роздана купцам²³². Правда, кредитная деятельность думы продолжалась недолго: с 1817 г. ¼-процентные деньги были переданы в Казенную палату²³³.

Кредитные функции в городе на протяжении первой половины XIX в. исполняла касса, находящаяся при Приказе общественного призрения. Но она не позволяла одновременно брать крупные суммы. Поэтому настойчиво требовалось введение более крупного финансового учреждения – банка.

В уездном г.Слободском еще в 1809 г. был учрежден второй в России городской общественный банк Анфилатова. Открытие его в губернском городе задержалось на полстолетия. Только в 1848 г. мануфактур советник Ф.Веретенников предложил создать в Вятке общественный банк «с целью

дать способы среднему классу людей улучшить быт своего состояния и промыслы». Для реализации этой идеи он пожертвовал 10000 руб. Более 10 лет пришлось ожидать разрешения от высших инстанций²³⁴. Его открытие состоялось в 1862 г., одновременно с банком в г.Котельниче.

По инициативе Сената в 1862 г. обществу было предложено создать вместо кассы, действующей при Приказе общественного призрения, городскую сберкассу при думе. Но после открытия общественного банка необходимость в ней, по мнению горожан, отпала. Несмотря на настояния местного начальства, дума отказалась открыть ее. Не имея существенной пользы, она требовала от думы дополнительного времени, а также избрания от общества членов совета. Списавшись с Государственным банком, дума договорилась об открытии сберкассы при Вятском отделении Госбанка²³⁵.

В целом и горожане, и центральная власть в дореформенный период не проявляли в этом вопросе необходимой активности.

Закон предполагал участие думы не только в экономической деятельности, но и в регулировании сословных вопросов. В частности, в начале XIX в. под ее контролем находились приходно-расходные книги ремесленных управ, а также денежные средства и деятельность купеческого и мещанского общества²³⁶. Подобный контроль думы над ремесленной управой возобновился в середине XIX в. Но в целом сословные вопросы уже в начале столетия перешли в ведение городского магистрата. Обращения в думу по этому поводу были единичны. Так, в 1800 г. в думу поступила жалоба мещанина Редникова на ремесленную управу, которая не хотела принимать его в цех. Причиной этого была, якобы его молодость – ремесленнику было 22 года, хотя ремеслом он занимался «с ранних лет». По ст.90 Городового положения мещане могли производить любое рукоделие, закон не вносил возрастных ограничений. В

результате управа по распоряжению думы была вынуждена разрешить мещанину заниматься портным делом и содержать одного работника²³⁷.

Также дума отвечала за выдачу временных паспортов. Городское сословие не имело важнейшей для себя свободы передвижения, которая была особенно важна в условиях развития внутреннего рынка. Для получения паспорта, разрешающего временное отбытие из города, горожанин должен был заплатить все государственные подати и местные сборы. При этом для исполняющих общественные должности срок выезда с 1820-х гг. стал ограничиваться 29 днями. Поэтому для выдачи паспорта думе приходилось предварительно собрать необходимую информацию²³⁸.

Несмотря на то, что дума рассматривала некоторые сословные вопросы, для окончательного решения она передавала их в городской магистрат или городским собраниям. Эти тенденции проявились в решении вопросов о принятии и увольнении из городского общества. Так, в 1800 г. мещанин Исупов подал в думу прошение об увольнении в Чистопольское мещанство. Но поскольку он задолжал различным лицам около 100 руб., дума сообщала, что уволить его «смелости не имеет»²³⁹. Пока он расплачивался с долгами, наступил 1804 г., и мещанское общество отказало ему в увольнении уже по другой причине: в 1805 г. подошла его очередь по городскому служению. Дума вновь отказала Исупову в увольнении, ссылаясь на то, что без согласия общества не может этого сделать²⁴⁰.

Деятельность думы в социально-экономической сфере определялась, в первую очередь, политикой центральной власти. В первой половине XIX в. правительство значительно расширило компетенцию думы в этих вопросах, что отражало как интересы горожан, так и государства.

Распорядительные функции думы заключались в заведении в городе «всего потребного». На протяжении дореформенного периода обществом были выстроены деревянные и каменные лавки, спланированы торговые

площади, построены общественные весы с важней, скотобойни и пр. Однако так и не были решены вопросы устройства пристани, новых торговых рядов, что было связано как с нехваткой денег в городском бюджете, так и с административными проволочками.

Совместно с другими органами самоуправления она заботилась об обеспечении малоимущих горожан пропитанием (продажа дешевого хлеба в голодные годы, помещение в богадельню и т.д.). Участвуя в ценовой политике государства дума играла преимущественно исполнительную роль.

Но преобладающими в ее деятельности являлись контролирующие функции. Для наблюдения за правильностью торговли на протяжении всего дореформенного периода выбирались подотчетные думе смотрители, а позднее торговые депутаты. Они защищали интересы горожан, пресекая незаконную торговлю, особенно со стороны приезжих. Но из-за широкого распространения крестьянских промыслов и торговли проблема не была решена. Также дума следила за производством ремесла в городе. Но этот контроль был непостоянен и менее эффективен, чем в отношении торговли.

Усиление контролирующих функций думы вызвало некоторые негативные тенденции. Возложенная на думу по Гильдейскому положению 1824 г. выдача свидетельств на производство торговли и ремесла отнимала у нее много времени, значительно увеличивая ее делопроизводство.

Деятельность Вятской городской думы была направлена главным образом не на расширение торговли и ремесла, а на контроль за их правильным производством. Это способствовало ее превращению в инструмент давления государства на ремесленное и мещанское общество. Она действовала в рамках отведенной ей законом компетенции, оказывая в основном косвенное влияние на экономику города.

Дума не смогла значительно улучшить экономическое состояние города. По оценкам горожан и местных властей Вятки, в указанный период

наблюдался упадок городского ремесла и торговли²⁴¹. Причем данное положение было характерно для большинства российских городов того времени. Хотя, как показал в развернувшейся дискуссии о прогрессе и регрессе русского дореформенного города Б.Н.Миронов, регресс был относителен.

Причины отставания лежали как в общероссийских тенденциях экономического развития, так и в местных условиях. Что касается общих для российских городов причин, то в этот период под влиянием «революции цен» крестьянские промыслы и торговля развивались динамичнее, чем в городах²⁴². Городообразовательные процессы серьезно тормозились правительственной политикой²⁴³.

Сдерживающим фактором для развития города являлось долгое время сохранение сельских черт в городском хозяйстве и быту. По мнению исследователей, эта была характерная черта всех доиндустриальных городов, не только восточных, но и западных²⁴⁴.

Существовали и серьезные причины, связанные с местными условиями. Являясь в XVIII в. центром транзитной торговли с Архангельском, в первой половине XIX в. Вятка неуклонно стала терять свое прежнее значение²⁴⁵. Решающим моментом стало появление в 1850-х гг. регулярного пароходного сообщения по р.Вятке и р.Каме. Оно удешевило отправку товаров к портам Балтийского моря. Подобные причины привели к упадку городов и в других регионах²⁴⁶.

Сложившаяся ситуация привела к ограниченности бюджета для заведения в городе «всего потребного». Дума была вынуждена ввести высокие налоги на содержание трактирных заведений, увеличить сборы с извозчиков и пр. Но попытка наложить особый сбор с разносчиков товаров не увенчалась успехом: мещанское общество категорически отказалось²⁴⁷.

В историографии утвердилась точка зрения, что значительное влияние на решение думой социально-экономических задач оказывали личные интересы купечества. Эти выводы не лишены оснований и

подтверждаются примерами из жизни российских городов²⁴⁸. Так, например, в сибирских городах, крупное купечество, благодаря работе в думе нередко захватывало в свои руки выгодные контракты, подряды, откупа²⁴⁹. Но в деятельности Вятской городской думы не удалось обнаружить сколько-нибудь значительных подобных примеров. Городские подряды брали, как правило, крестьяне. Причем торги приходилось проводить многократно, из-за отсутствия желающих. Безусловно, контроль над торговлей был в интересах городских слоев, но он был в рамках закона.

Правительству приходилось балансировать между задачами экономического развития государства, реализацией интересов дворянства, развитием крестьянской торговли и необходимостью укреплять городское сословие. Попытка сочетать общественные и государственные интересы дала противоречивые результаты. Екатерина II не только предоставила горожанам привилегии в торговой и промышленной деятельности, но и право относительно самостоятельно регулировать различные вопросы социально-экономической жизни города. Но города, не обладавшие выгодными местными условиями, не имели достаточного экономического потенциала для развития своей экономической базы. В результате образовался замкнутый круг. Богатые города развивались, а бедные сохраняли свои прежние позиции, что еще более усугублялось на фоне бурно развивавшихся крестьянской торговли и промыслов.

Процессы, происходящие в Вятке, были объективными и характерными для большинства российских городов. Правда, к середине XIX в. экономическое положение Вятки ухудшилось по сравнению с соседними губернскими городами, расположенными на Волге или у портов. Об этом, в частности, свидетельствуют цифры относительного роста бюджета и его удельного веса на душу населения (см. Прил. 15, 16). Наряду с другими факторами, в частности, с усилением конкуренции со стороны крестьянства, это затормозило экономическое развитие города.

В целом, дума в социально-экономической жизни города занималась преимущественно контролирующими функциями, что отражало как интересы горожан, так и государства. Она показала свою эффективность в вопросах контроля над увеличением цен, обеспечении малоимущих в голодные годы, разрешении споров, наблюдении над законностью торговли. В то же время, ее деятельность оказалась ограничена законом, средствами и администрацией. Не менее важными были трудности, связанные с экономическим развитием России и Вятского региона, изменением экономической конъюнктуры. В результате дума не сумела кардинально улучшить состояние ремесла и торговли в городе, что предполагалось Городовым положением 1785 г., но не имело в Вятке реальных условий для своей реализации.

2.3. Роль городской думы в развитии образования и здравоохранения

В конце XVIII в. правительство предприняло первую серьезную попытку сформировать государственную систему социальной защиты. В соответствии с Учреждениями для управления Губерний (1775) на местах создавались приказы общественного призрения. В их компетенцию входило «попечение и надзирание» о народных школах, госпиталях, больницах, богадельнях. Также в их ведении находились многочисленные «дома»: сиротские, работные, смирительные, для неизлечимых больных, сумасшедших. На деятельность новых учреждений государство отводило значительные по тем временам суммы: 15 тыс. руб. из доходов губернии, которые Приказ мог отдавать в узаконенные проценты²⁵⁰.

Одним из ведущих направлений политики правительства в социальной сфере стало развитие системы народного образования. Актуальность этой задачи была продиктована реформами местного управления 1775-1785 гг. Новые учреждения требовали широкого слоя квалифицированных кадров на местах, причем не только среди чиновников, но и податных сословий, которые должны были принять активное участие в местном самоуправлении.

Серьезным шагом в решении этой проблемы стала реформа 1786 г., которая создавала в России первую систему народного образования. При этом верховная власть исходила из того, что городские общества примут активное участие в финансировании новых учебных заведений. В том же году по предложению генерал-губернатора кн. Мещерского в Вятке открылось Главное народное училище с пятилетним курсом обучения. Эта была первая светская школа в городе.

По новому Уставу учебных заведений, утвержденному 5 ноября 1804 г., вместо главных народных училищ предполагалось открыть приходские и уездные училища, а также гимназии. В 1811 г. в Вятке

появилась гимназия, в 1812 г. было создано уездное училище, в 1817 и 1821 гг. – два приходских училища²⁵¹.

Социальная сфера по закону не затрагивала деятельности думы. Только в 152 ст. Городового положения (1785) указывалось, что существующие в городе казенные школы должны содержаться из городских доходов. Уставы учебных заведений 1804 г. и 1828 г. конкретизировали это положение, передав обществу содержание приходских училищ. По закону дума могла играть только косвенную роль в этом вопросе: выдавать деньги учебным заведениям, понуждать общество к исполнению указаний и предложений высшего начальства, а также ходатайствовать от лица общества перед властями. Поэтому деятельность думы в этом направлении изначально определялась не ее личными инициативами, а постановлениями местной администрации и правительства, а также активностью городского общества.

Обыватели относились к образованию очень прагматично, поэтому встретили нововведения без особого энтузиазма. В Вятке, как и в большинстве других городов в конце XVIII – начале XIX в., горожане получали преимущественно домашнее образование. По мнению В.П.Бойко, это был своеобразный, но достаточно эффективный способ обучения базовым знаниям²⁵². В Вятке в 1812 г. обучали у себя на дому чтению и письму 9 человек²⁵³.

Горожане охотно отдавали своих детей домашним учителям, поскольку грамотность была необходима для ведения хозяйства и торговли. Почему же ими не приветствовались новые учебные заведения? Вятские обыватели не отрицали ценность обучения, но только при условии его практической пользы и нравственного воспитания. В государственных же школах учебные программы были сложны, оторваны от жизни. Основными методами обучения были зубрежка и порка. Они были неоднозначны и в нравственном отношении. Причем последний фактор нередко играл ведущую роль. С.И.Сычугов, обучавшийся в 1840-50-е гг. в

вятском духовном училище, ярко показал в своих воспоминаниях, как во время обучения происходило его «нравственное и умственное падение», разрушалось «всякое благонравие»²⁵⁴. Все это отпугивало от обучения в училищах, как в Вятке, так и в других городах²⁵⁵. Не случайно один из современников отмечал, что вятский мужик «страшится училищ; желая иметь грамотного, он условливается с двумя, тремя зажиточными соседями нанять какого-либо грамотея, но всегда хорошей нравственности, обучать сына дома»²⁵⁶.

В результате в конце XVIII – начале XIX в. при условии немногочисленности учащихся полный курс Главного народного училища оканчивали не более 10-11%²⁵⁷. Училище бедствовало, существуя преимущественно на пожертвования граждан²⁵⁸. Не имея собственного дома, нанимало в городе различные квартиры. Правда, в 1791 г., еще до открытия думы, градское общество пожертвовало народной школе верхний этаж общественного дома, который освободился от переехавшего в другое место губернского магистрата²⁵⁹. Подобное отношение было и в других городах. Так, в Перми городская дума поддержала материально Главное народное училище под сильным нажимом со стороны генерал-губернатора А.Волкова²⁶⁰.

Слабая заинтересованность граждан в новых учебных заведениях была характерна в целом для России. Как свидетельствовали ревизии начала XIX в., «в разных местах градския думы уклоняются под разными предлогами от взноса определенных на уездныя училища сумм». Это вынудило министра внутренних дел предписать городам 21 мая 1808 г. оказывать училищам необходимые пособия. Но вятчане не проявили к исполнению этого указания особого рвения. Приговор купеческого и мещанского общества гласил: «как в здешнем городе городовых доходов в градскую думу поступает весьма в малом количестве, как и употребляются на самонужнейшие городские строения, а потому из оных к

вспомоществованию училищу не более можем, как ста рублей», которые дума и обещала предоставлять, начиная с 1809 г.²⁶¹.

Также по финансовым соображениям было отказано в 1805 г. архангельской городской думе в сборе средств на открытие и содержание в г.Архангельске мореходной школы. Вятские купцы решили, что особой потребности в ней не имеют, а если кто и пожелает учить там своих детей, найдет для этого средства. Лишних же денег у города для реализации подобных проектов не было²⁶².

Тем не менее, идея общего образования постепенно проникала в сознание горожан, росло количество учеников. В 1820 г. директор вятских училищ предложил думе по причине увеличения числа учащихся до 116 человек и по тесноте существующего дома открыть во второй части города Второе приходское училище. При этом он просил увеличить средства на их содержание, а также выделить деньги для заведения необходимых вещей (мебели и пр.)²⁶³. Общество откликнулось на предложение, согласившись собирать на два училища по 800 руб. в год, а также предоставлять новому училищу наемную квартиру²⁶⁴.

На думу было возложено обеспечение училищ деньгами и помещениями. Бедность Вятского приходского училища вынуждала градское общество неоднократно увеличивать средства на его содержание²⁶⁵. В 1836 г. расходы на два училища возросли до 1700 руб. асс.²⁶⁶, но и этих сумм было недостаточно.

Тем более, что городское общество не всегда показывало рвение к сбору дополнительных средств на содержание училищ. Так, в 1856 г. губернское правление обвинило городское общество в накоплении за 1846-1855 гг. недоимки за содержание приходских училищ, всего 1260 руб. 28 ½ к., что составляло около половины назначенной складочной суммы. Правда дума, чтобы не создавать перебоев в работе училища, заранее вносила за городское общество необходимую сумму из городского

бюджета, а впоследствии гасила ее по мере поступления денег от общества, поэтому финансовых проблем для училища не возникало²⁶⁷.

Что же касается размещения училищ, дума нанимала для них в городе квартиры. При этом она стремилась к «всемерной экономии», отчего состояние снимаемых помещений не всегда было удовлетворительным. Учебные классы нередко оказывались «тесны, темны и безобразны»²⁶⁸. Так, в 1852 г. в квартире Второго приходского училища во время занятий «неожиданно отвалилась от потолка штукатурка, ранив нескольких учеников», т.к. хозяин дома не отремонтировал вовремя прогнившую крышу. Гласному было поручено или заставить мещанина произвести ремонт квартиры, или сделать это самому из денег, платимых за наем указанного дома²⁶⁹.

Осознавая неудовлетворительное состояние наемных квартир, общество несколько раз предпринимало попытки приобрести для училищ подходящие дома. Средств на строительство не было, а разводить деньги между обывателями было крайне обременительно. Поэтому дума в 1823 г. предложила обществу суммы за 1808-21 гг. (около 30 тыс. руб.), оставшиеся от раздачи квартирных денег, истратить на постройку домов для училищ²⁷⁰.

Рассмотрение вопроса в столице затянулось на 10 лет. К 1833 г. квартирная сумма была истрачена на содержание полиции, строительство здания больницы, ее содержание и прочие городские расходы, всего более 31 тыс. руб. К этому времени первое училище размещалось в приобретенном думой доме, а для второго училища нанималась квартира за умеренную плату, что вполне устраивало горожан. Учитывая сложившуюся ситуацию, общество отказалось от идеи постройки училищных домов²⁷¹.

На предложение директора вятских училищ выстроить особый дом для училищ общество в 1846 г. вновь ответило отказом. Причина была

прежней – нехватка городских средств²⁷². В результате состояние училищных домов долгое время оставалось неудовлетворительным²⁷³.

Способствуя развитию приходских училищ, горожане, особенно из мещанского сословия, в то же время прохладно относились к помощи другим учебным заведениям города. В 1811 г. по предложению министра просвещения в Вятке была открыта гимназия. Губернское правление предписало думе, чтобы та «старалась всевозможным образом приглашать желающих к умножению пожертвования на покупку приличного для гимназии дому»²⁷⁴. Собрание градское решило собрать с купцов I гильдии по 125 руб., II гильдии по 50 руб., III гильдии – по 20 руб. Через месяц городской староста представил в думу 1640 руб., из которых мещанским обществом было собрано только 500 руб.²⁷⁵.

Длительное время существовала серьезная проблема размещения гимназии. В 1816 г. губернатор предложил обществу уступить для постройки флигелей при доме гимназии около 10 сажень земли. Место принадлежало дому мещанского общества, но оно отказалось от пожертвования²⁷⁶.

В 1835 г. губернатор по просьбе директора вятских училищ вновь обратился к мещанскому обществу, чтобы оно уступило общественный каменный дом на ул.Спасской с местом для постройки нового дома гимназии. Губернатор предписал «созвать немедленно общество и убедить его к удовлетворению означенного представления». Однако дом представлял для мещанского общества большую выгоду: на верхнем этаже размещались квартирная комиссия и ремесленная управа, а нижний этаж отдавался в содержание и приносил обществу немалый доход. Поэтому продажа его была признана невыгодной²⁷⁷.

В 1848 г. в думу обратился директор вятских училищ с «покорнейшей просьбой» отвести место для постройки дома уездного училища. Но указанное им место уже было спланировано обществом для постройки казарм. Горожане согласились передать его, если директор продаст дом,

где располагалось на тот момент уездное училище. В следующем году уже сам губернатор «покорнейше просил»(!) думу «склонить вятское общество» к передаче места. При этом он предложил в новом здании уездного училища разместить одно из приходских училищ, для которого обществом нанималась квартира. Однако горожане стояли на своем. Они согласилось только через добровольные пожертвования купить для училища другое место, а для приходского училища при наличии свободных средств в бюджете выстроить отдельное здание²⁷⁸.

Поскольку, как уже отмечалось, в отношении к образованию горожан отличал прагматизм, во многих городах предложение о создании женских школ вызвало явное недоумение, или, по крайней мере, отсутствие должного сочувствия²⁷⁹. В 1837 г. смотритель вятских училищ предложил открыть в городе женское приходское училище с изучением чтения, письма, арифметики, Закона Божьего. Предполагалось обучать до 30 девиц с платой по 65 руб. в год. Кроме того, от общества требовалось ежегодное пособие на его содержание по 1800 руб. в год, не считая найма квартиры и закупки необходимых материалов (мебели и др.). Общество отказалось от «столь достойного и общепольного» дела, объясняя это, по традиции, нехваткой городских средств²⁸⁰.

Тем не менее, в 1842 г. в Вятке открылись два частных женских пансиона²⁸¹. Но они не имели широкого распространения из-за высокой стоимости. Это было характерно не только для Вятки, но и для других губернских городов, в частности, в Сибири. Реально там могли обучаться дочери крупных чиновников и купцов первых двух гильдий. Отдавая девиц в подобные заведения, родители предполагали в дальнейшем найти для них хорошую партию. В высшем свете она должна была стать хозяйкой приема, украшением общества. Поскольку это образование не имело практической выгоды, этот шаг означал отход от прагматического взгляда на образование. Но в целом сознание оставалось патриархальным: считалось, что дело женщины - знать хозяйство²⁸². Поэтому большинство

девочек, как в Вятке, так и в других крупных городах, получали домашнее образование.

В 1856 г. губернатор вновь предложил обществу оказать помощь в создании женского училища в Вятке. Дума, трезво оценив состояние городской казны и реальные потребности горожан, ответила категоричным отказом: «город Вятка не может уделять никакой суммы на содержание женской школы, ибо по недостатку ... средств пользуется сам пособиями от земства, казны и от страхового сбора»²⁸³.

Наблюдая подобное отношение горожан, в 1858 г. один из активных сторонников введения в Вятке женского училища с горечью отмечал, что в то время как женские учебные заведения открываются даже в уездных городах, «в Вятке и Вятском крае нет и тени такого благородного сочувствия к такому полезному и необходимому заведению»²⁸⁴.

Под влиянием различных факторов, купеческое общество все-таки согласилось оказать пособие новому училищу. В 1858 г. купеческое общество обязалось на протяжении 12 лет жертвовать на учреждение и содержание в Вятке женской школы ежегодно по 1% с объявляемого капитала²⁸⁵. Но желание это не отличалось искренностью: на предписание думы прислать обещанные деньги, купцы один за другим ответили отказом. В результате в 1859 г. было собрано чуть больше половины намеченной суммы, что поставило только что открытое училище на грань закрытия²⁸⁶.

Тем не менее, в вятском обществе существовал неподдельный интерес к развитию учебных заведений в городе. Не случайно штатный смотритель вятских училищ отмечал в 1837 г., «что расположение граждан к образованию детей своих возрастает ... и Почтенное Градское общество всеми от него зависящими средствами содействует развитию ... будущих своих граждан, предоставляя на поддержание существующих ныне училищ часть своей собственности»²⁸⁷.

Об этих настроениях вятского общества свидетельствовали и те инициативы, которые поступили от горожан по изменению и улучшению системы образования. В 1845 г. градское общество, ссылаясь на опыт Архангельской гимназии, обратилось с ходатайством об учреждении при губернской гимназии реального отделения. Отмечая, что курс вятской гимназии оканчивают немногие, собрание указало в качестве главной причины оторванность учебных предметов от жизни. Существование же реального отделения, по мнению горожан, значительно бы увеличило число желающих получить образование, в результате чего «умножился бы класс образованных полезных граждан». В частности, в реальном отделении Архангельской гимназии велись такие необходимые для торговли курсы как товароведение, бухгалтерия, коммерческая арифметика, наука о торговле, российское коммерческое законоведение, статистика. При этом вятчане выступали против изучения английского языка, не видя в нем практической пользы²⁸⁸.

Около 10 лет предложение пролежало на столе директора вятских училищ. Не получив ответа, общество в 1854 г. обратилось со своей просьбой к губернатору. Тот отослал дело для решения в высшие инстанции. Но в столице предложение вятского общества не было одобрено. Поскольку гимназия обеспечивалась из государственного бюджета, министерство финансов отказалось предоставить дополнительные средства на устройство нового отделения²⁸⁹.

В 1865 г. на предложение попечителя Казанского округа о преобразовании гимназии в реальную или классическую, общество вновь выступило за сохранение гимназии в прежнем виде с введением при ней реального отделения, как это было предложено еще в 1845 г.²⁹⁰.

Для расширения возможностей к образованию бедных горожан, общество ходатайствовало об уменьшении платы за обучение. Но из Казани также пришел отрицательный ответ²⁹¹.

Дума, осознавая необходимость практического обучения, предложила в 1865 г. создать в городе ремесленное училище. К этому времени ее члены ясно представляли ценность подобного обучения. В частности, они полагали, что дети сироты или из бедных семей не могут получить образования, отчего «ведут жизнь праздную, нищенскую и неминуемо влекутся к разврату», а ремесленная промышленность находится «без всякого развития»²⁹². Подобное заведение с постоянным пансионом для бедных позволило бы, по мнению думы, улучшить как нравственное, так и экономическое состояние города. Но эта инициатива не была реализована в связи с передачей в 1868 г. содержания училищ на финансирование земств²⁹³.

Каковы были итоги развития образования в дореформенный период в Вятке? К 1870 г. в Вятке существовало 2 гимназии (женская и мужская), 1 уездное училище, 8 народных школ, 2 приходских училища, 1 духовная семинария, 1 духовное уездное училище. Обозревая это, губернатор отмечал, что среди вятчан «видимо и быстро проявляется сознание пользы грамотности и ныне родители усердно заботятся о помещении своих сыновей и дочерей в школы и училища»²⁹⁴.

Насколько велики были расходы города на образование? По расчетам МВД в середине 1860-х гг. в 43 важнейших городах Европейской России (куда Вятка не вошла) средняя сумма на содержание учебных заведений равнялась 1,6% от общего расхода городов. При этом ее удельный вес составлял в среднем по 7 коп. на человека²⁹⁵. Как выглядела на этом фоне Вятка? В 1865 г. расходы на учебные заведения составили здесь 3,7% общегородских расходов, что превышало средние показатели. Но с учетом значения удельного веса – результат был тот же – 7 коп. на человека²⁹⁶. Это говорило о том, что в условиях более ограниченного бюджета, по сравнению с крупными городами, она сумела обеспечить развитие образования на том же уровне.

Первоначально учебные заведения не встретили должной поддержки у горожан. Они не хотели отдавать в них своих детей и выделять для них средства из городского или семейного бюджета, что было характерно, в частности, и для сибирских городов²⁹⁷. Это было обусловлено не только практическим взглядом обывателей на образование, но и низким уровнем благосостояния большинства горожан. Средств на развитие городского образования на протяжении всего периода было недостаточно. Кроме того, долгое время было достаточными считались знания, полученные при домашнем образовании. Из-за преобладания прагматических взглядов на 20 лет отодвинулось решение вопроса об открытии в городе женского училища.

Но представления горожан о ценности школьного образования постепенно менялись. Главную роль играл опять же материальный фактор, в частности возможность получить в будущем хорошую должность. Как заметил А.И.Куприянов, изучая западносибирские города, «для детей мещан, разночинцев, чиновников низших рангов образование открывало возможность сменить свой социальный статус, подняться вверх по сословной лестнице»²⁹⁸. Однако для вятчан главное значение образования заключалось в получении специально-экономических знаний в области торговли и ремесла. Не случайно именно от общества и думы исходили предложения о создании в городе реального отделения гимназии и ремесленного училища.

Наиболее заинтересованным сословием в области образования оказалось купечество, которое неоднократно оказывало благотворительную помощь учебным заведениям Вятки. Более того, во второй четверти XIX в. немало купцов посылали своих сыновей учиться в высшие учебные заведения (Казанский университет, С.-Петербургское и Московское коммерческие училища). Это требовало существования в городе хорошей школьной базы. Поэтому усиление интереса вятского общества к образованию неоднократно отмечалось губернаторами во

второй четверти XIX в.²⁹⁹. Так, во Всеподданнейшем отчете вятского губернатора за 1843 г. указывалось, что «в сословиях Дворян, Чиновников, купцов и даже мещан весьма заметна здесь склонность к образованию своих детей, которых большею частию стараются они отправлять в высшие учебные заведения»³⁰⁰.

Дума, в соответствии с законодательством, играла в развитии образования только косвенную роль. Она присылала средства на содержание приходских училищ и на «вспомоществование» уездному училищу, передавала инициативы общества на рассмотрение высшему начальству, а предложения и указания властей общественному собранию. В целом, она не предпринимала в этой области активных шагов. Развитие образования в дореформенный период зависело не столько от думы, сколько от государственных учреждений, наличия городских средств и мнения общества.

Если в области образования дума играла только косвенную роль, то в заведении городской больницы ей пришлось принять непосредственное участие. По указу Анны Иоановны 1737 г. предписывалось в городах иметь лекаря. Поэтому еще в 1760-х гг. в Вятку был послан врач Эрнст Август Гофман. Жалование для него собиралось со всех уездных городов³⁰¹. Врачебная управа возникла в городе только 1797 г., но также была в лице единственного врача – акушера Пфейлера³⁰². Больниц в городе не было, за исключением лазаретного дома ротной команды. С прибытием в город батальона (1804 г.) в Вятке вновь был создан воинский лазарет. Он состоял в распоряжении командира батальона, и, подобно другим военным учреждениям, отапливался и освещался сбором со всех жителей губернии³⁰³.

В 1811 г., не объясняя причин, губернское правление преобразовало существующий в городе батальонный лазарет в городскую больницу на 60 человек, создав для общества дополнительную статью расходов и штат

выборных должностей (в качестве смотрителей больницы). В нее переводились все нижние чины батальона. При этом местная администрация вопреки существующему законодательству передала больницу в ведение не приказа общественного призрения, а городской думы, что было характерно и для других городов³⁰⁴. В своих действиях губернское правление ссылалось на § 35 указа 3 июля 1811 г. «О внутренней страже», в соответствии с которым закрывались полковые лазареты, существующие при губернских батальонах и городских командах. Солдаты переводились для лечения в городские больницы, куда поступала половина их жалованья и провиант³⁰⁵.

Общество обратилось к губернатору с просьбой освободить его от принятия больницы, поскольку по ст. 386 Учреждений об управлении губерний (1775) больница должна была находиться в ведении приказа общественного призрения. Губернатор, желая оттянуть дело, послал вопрос на рассмотрение в Министерство полиции, указав вплоть до его решения отпускать на содержание больницы до 500 руб. в год из городских доходов. Общество просило хотя бы избавить его от выбора смотрителей и перевода в больницу нижних чинов. В ответ губернатор потребовал «неукоснительно устроить лазарет на 60 человек» и избрать для него служителей³⁰⁶. Ситуации, когда военные лазареты преобразовывались в городские больницы, находящиеся на содержании думы, были характерны и для других городов³⁰⁷.

В том же 1812 г. из столицы пришел ответ, который, казалось бы, расставил все на свои места. Министр отвечал, что устройство лазаретов и снабжение их вещами нельзя возлагать ни на город, ни на обывателей, т.к. это стало бы для них новой повинностью. Указывалось, что на заведение в городах лазаретов необходимо использовать средства приказа общественного призрения, а за пользование собирать с больных небольшую плату, которая покрывала бы издержки.

Опираясь на решение правительства, дума неоднократно просила губернатора избавить ее от содержания больницы и компенсировать израсходованные деньги городского бюджета из средств приказа общественного призрения. Но разрешения так и не было получено³⁰⁸. Не было удовлетворено и прошение думы о снабжении больницы необходимыми вещами, продуктами, а также о погашении ее долгов из казны или из земского сбора³⁰⁹.

Чтобы избавиться от назойливых требований думы, губернатор, не обращая внимания на постановление министра полиции, отослал дело на рассмотрение главнокомандующего С.-Петербурга. Чтобы добиться справедливости, городской голова, полагая, что «его Превосходительство Г. здешний гражданский губернатор учинил ... представление не обо всем», послал в С.-Петербург свое представление с просьбой избавить город от содержания больницы³¹⁰.

Ожидая ответов из столицы, дума в начале 1812 г. вступила в заведование больницы, и сразу же столкнулась с тремя основными проблемами: средств, штата и помещения. Первой была решена задача обеспечения обслуживающим персоналом. По предложению губернатора для заведования больницей был назначен гласный думы. На него были возложены финансово-хозяйственные функции. Он отвечал за обеспечение больницы необходимыми вещами (одеждой, бельем, кроватями, посудой) и продовольствием³¹¹. Также он должен был вести приходно-расходные книги. Несмотря на отсутствие у больницы средств, к 1821 г. все необходимые вещи для больницы были заведены сполна³¹².

Тяжелое положение с заготовкой вещей усугублялось особо страждущими больными. Так, крестьянин Крутиков, провел 2,5 месяца в мучениях от полученных ожогов. За это время от изорвал и испачкал мазью немало больничных вещей: 13 рубах, халат, 11 одеял, 15 наволочек, 4 тюфяка, 9 пар чулок, 21 колпак, 13 простынь, всего на сумму 213 руб. 54 к. Поскольку вещи были не новы, земский суд поставил вопрос о

взыскании половины из указанной суммы с мирского общества, к которому принадлежал крестьянин³¹³.

В 1812 г. были избраны 7 надзирателей для присмотра за больными и 2 повара³¹⁴. С 1815 г. для заведования больницей в помощь гласному думы стал избираться помощник от общества³¹⁵. В 1818 г. у больницы появились свои кашевар, хлебопекарь, квасник³¹⁶. Облегчением для думы стало нанятие с 1825 г. вместо гласных на должность заведующего больницей военных или чиновников, связанных с военно-медицинской службой³¹⁷. С 1829 г. для наблюдения за больными стали назначаться инвалиды из батальона³¹⁸ или отставные солдаты «хорошего поведения и нравственности»³¹⁹. Таким образом, общество постепенно избавилось от непосредственного участия в заведовании больницей.

Второй серьезной проблемой стала нехватка больничных средств. По первоначальной смете ежегодное содержание больницы должно было обходиться городу в 3320 руб. Кроме того, необходимо было одновременно выделить на заведение больничных вещей 6554 р. 93 к. Всего на первый год требовалось 9854 р. 93 к., что соответствовало годовому бюджету Вятки. Часть необходимых средств дума взяла из городских доходов. Основная же сумма была занята, в том числе и лично у городского головы³²⁰. Поскольку в больнице преимущественно лечились не горожане, а нижние чины батальона, полиции, проходящих воинских команд, рекруты, члены межевой конторы и пр., дума предложила разводить суммы на содержание больницы на всю губернию³²¹. Так, в 1835 г. в больнице находились 62 солдата и 3 полицейских служителя³²². Но губернское правление не разрешило использовать на ее содержание земские суммы, объясняя, что они предназначаются для других целей.

Главной причиной дефицита средств являлась задержка оплаты больными своего содержания в больнице. Положение осложнилось в 1813-14 гг. в связи с увеличением числа больных, в частности, за счет помещения в нее пленных французов. Не хватало белья, хлеба и прочих

продуктов, долги больницы ежедневно увеличивались, в том числе и по причине роста цен на продовольствие³²³. Кроме того, в первые годы работы больницы только частично поступали деньги за содержание военных. Так, за 1818-20 гг. за пользование больницей военных казна не заплатила думе 5900 руб., при том, что к этому времени долг думы за больницу составлял уже 5800 руб.³²⁴. Только после настойчивых требований думы необходимые суммы были присланы из Казанского комиссариатского депо³²⁵.

Не менее острой проблемой стало обеспечение больницы удобными помещениями. В 1813 г. в больнице были размещены пленные французы, которые также содержались на казенный счет³²⁶. Резкое увеличение больных привело к тому, что существующего помещения стало не хватать. В 1814 г. гласный думы, заведовавший больницей, сообщал, что в больнице, рассчитанной на 60 человек, располагается уже более 100 человек³²⁷. В этих условиях губернатор предложил освободить находящиеся близ больницы комнаты и сделать в них нары или кровати для размещения больных из больницы³²⁸. В 1815 г. командир батальона и городской голова осмотрели общественный дом, в котором располагалась больница. Состояние было столь плачевным, что его ремонт был признан нецелесообразным. Необходимо было или покупать другой дом, или строить новое здание. Архитектор предложил выстроить каменный дом в два отделения. Но общая сумма по проекту составляла более 90 тыс. руб. Городу с годовым бюджетом менее 15 тыс. руб. одному выстроить больничный дом было не под силу. Дума просила губернатора в сложившейся ситуации развести эти деньги на всю губернию, на что разрешения не было получено³²⁹.

В связи с критическим состоянием помещений, в 1819 г. больница была переведена в частный дом. В 1820 г. в ней располагалось около 50 человек. По мнению врача «таковое число в означенной больнице не вмещается, почему больные даже по два лежат на одной кровати, что

совсем противно больничным заведениям, да и для самих болящих вредно». Поэтому он требовал «в скорейшем времени» отыскать дополнительный дом для размещения минимум 25 человек. Положение осложнялось тем, что среди больных размещалось 15 малолетних солдатских детей, больных оспой. В срочном порядке 20 человек были временно переведены в дом губернской секретарши Шубниковой³³⁰.

В 1820 г. дума вновь просила хотя бы временно передать больницу в ведение приказа общественно призрения для размещения больных в другом месте, поскольку не имела свободного общественного дома для этих целей. Губернское правление лишь приказным тоном отвечало, «чтоб сия дума оставила все отговорки в рассуждении градской больницы», поместив ее в общественном доме или еще где-нибудь³³¹.

Критическое состояние больницы вынудило общество в 1821 г. согласиться на предложение думы о постройке для больницы деревянного дома на каменном фундаменте³³². Новый проект был значительно скромнее предшествующего, зато и требовал уже не 90 тыс., а около 17 тыс. руб. Основная сумма была занята из квартирных денег, с условием погашения по 2 тыс. руб. в год³³³. Благодаря хозяйственному распоряжению думы за полтора года дом был выстроен. В том же году туда были переведены больные³³⁴. После этого состояние больницы стало вполне удовлетворительным, так что побывавший в ней в 1824 г. император даже «оную похвалил»³³⁵.

В 1825 г. инспектор врачебной управы предложил дополнительно выстроить у больничного дома флигели. Но поскольку эта потребность была второстепенная, а город не мог рассчитаться еще за основное здание больницы, дума ответила отказом. Губернское правление с пониманием отнеслось к ее ответу и закрыло дело³³⁶.

В 1829 г., когда больница в целом пришла в устройство, вследствие предписания МВД ее было предложено перевести в ведение приказа общественного призрения. Дума, впрочем, не освободилась от заведования

больницей. Она ежемесячно доставляла в приказ сведения о находящихся в больнице больных, а также о ее расходах-доходах с расчетом содержания одного больного в день, превратившись на время в исполнительный орган приказа общественного призрения³³⁷.

В это время в больнице появляются особые отделения. Так, в 1829 г. по распоряжению губернатора дума завела отдельную комнату для арестантов с железными решетками³³⁸. А в 1834 г. при больнице думой была выстроена каменная лаборатория³³⁹. В середине 1830-х гг. в больнице лечилось в год более чем 600 человек³⁴⁰.

Только в 1837 г. больница была окончательно передана в ведение приказа общественного призрения³⁴¹.

Заведование богадельней также по закону не входило в компетенцию думы. В 1809 г. приказ общественного призрения передал думе общественный дом, в котором раньше располагалась богадельня³⁴². Поскольку он требовал починки, то до конца ремонта по приказанию городского головы для богадельни была приспособлена изба при мещанском доме. Однако после ремонта он не получил прежнего назначения, а стал сдаваться в наем под харчевню³⁴³.

В 1810 г. в богадельне бездомных, престарелых и увечных мещан состояло 6 человек. Общество сделало для них в новом доме нары и полаты, обеспечивало их продовольствием³⁴⁴. С 1829 г. содержание богадельни от мещанского старшины перешло думе³⁴⁵. Основные функции заведующего богадельней составляли: заготовка продовольствия, одежды, обуви, а также отопление, освещение и ремонт помещений³⁴⁶. Так, в 1834 г. на эти нужды по смете было назначено 1200 руб.³⁴⁷. Стремясь к экономии, дума заготовливала продукты через торги или хозяйственным образом. Хозяйственный подход проявлялся и в других случаях. В 1840 г. на прошение мещанина Попова по старости лет поместить его в богадельню, городской голова определил его как человека грамотного и хорошего поведения на должность смотрителя. В результате он заменил наемного

безграмотного отставного солдата Мотова, жалование которого было обращено на содержание всей богадельни³⁴⁸.

В 1832 г. для призрения неимущих и престарелых вместо мещанской богадельни, располагавшейся на разных квартирах, была учреждена общественная богадельня на 20 человек. Правда, содержалось в ней всегда больше, обычно 24–28 человек. Она обеспечивалась из городских доходов и из подаянных кружечных сумм. Кроме того, купечество единовременно собрало на ее учреждение 480 руб. Дом для нее был пожертвован купцом 3 гильдии Иваном Ермолиным, а посуда, обувь, одежда, постели и кровати заготовлены на личные средства купца 2 гильдии Якова Караваева³⁴⁹.

Значение богадельни возросло в связи с усилением во второй четверти XIX в. надзора за нищими. В 1827 г. из губернского правления прибыло предписание МВД с повелением Его императорского Величества относительно прекращения бродяжничества нищих. В связи с этим мещанскому старшине было вменено в обязанность «иметь смотрение, чтобы из мещан из бедного состояния для испрошения милостыни отнюдь никто не шатался», а в случае отсутствия средств к существованию, сообщать об этом думе³⁵⁰.

После этих указаний полиция стала периодически присылать в думу «взятых в праздности», «шетающихся по городу для собирания милостыни» бедных мещан, которые «состояния ... пропитания ... и родственников» не имели. Дума через мещанского старшину проверяла их действительное положение. Если у них находились родственники, бедствующие передавались им на содержание под опасением законных взысканий. Если родственников не было, мещанин определялся в богадельню³⁵¹. Иногда и сами бедные обыватели, особенно вдовы, обращались в думу для помещения их в богадельню³⁵². Так, в 1829 г. в думу обратилась вдова Марфа Тупасова, объявив, что «по старости своих лет и слабости здоровья» нигде не может пропитаться, а родственников не имеет³⁵³.

Богадельня была рассчитана на 20 человек. Но указанного числа мест не хватало. Поэтому городское общество в 1851 г. выступило с инициативой об увеличении призреваемых в богадельне на 10 человек. При этом горожане обязались на содержание дополнительных лиц ежегодно вносить в думу купцы I гильдии по 10 руб., II гильдии – по 5 руб., III гильдии по 2 руб., мещане - по 3 коп. сер. с души. Всего в год получалось около 300 руб. Остаточные суммы должны были тратиться на развитие богадельни. Например, в случае тесноты дома они предназначались на наем дополнительного помещения³⁵⁴.

Кроме того, бывший городской глава почетный гражданин Яков Прозоров для призрения престарелых и неимущих граждан в 1863 г. пожертвовал для богадельни каменный двухэтажный дом³⁵⁵. Она содержалась сбором с горожан, а также 500 руб., жертвуемых ежегодно Прозоровым в течение 10 лет, начиная с 1865 г.

Таким образом, к 1870 г. в городе существовало 3 богадельни: общественная на 40 человек в каменном двухэтажном доме, общественная на 24 человека в каменном одноэтажном доме, и земская в двухэтажном полукаменном доме на 65 человек³⁵⁶.

Деятельность думы в области призрения бедных не ограничивалась богадельней. В 1834 г. в Вятке из-за неурожая установились самые высокие в первой половине XIX в. цены на хлеб, удерживаясь на этом уровне около трех лет (см. Прил. 19). В результате, «от каковой неограниченной и можно сказать, в здешнем месте никогда не бывалой и неслыханной дороговизне» многие оказались на грани голода. Положение осложнялось тем, что полиция запрещала просить милостыню, что создавало еще более «горестную и жалостную картину» в городе. В думу и лично к городскому голове поступали многочисленные просьбы о помощи. Общественная богадельня не могла решить возникающих проблем. Мещанское общество согласилось собрать для помощи нуждающимся 370 руб. По приговору общества 1834 г., утвержденного министром внутренних дел, с мещан и

цеховых стало собираться по 6 коп. сер. с души в год для раздачи бедным, причем данный сбор сохранился и в дальнейшем³⁵⁷. Но сумма на общем фоне бедствия была незначительна. В сложившихся условиях дума предложила купечеству помимо денег на богадельню и мещанского сбора сделать сбор из добровольных пожертвований с капитала купцов³⁵⁸. Подобные события повторились и в 1840 г., когда по договоренности думы с купечеством последние обязались продать бедным мещанам 3600 пудов муки с уменьшением цены по сравнению с существующей в 4 раза³⁵⁹. Дума могла оказать непосредственную помощь бедным мещанам, но в целом эти вопросы остались за мещанским обществом³⁶⁰.

В 1860-е гг. усилился контроль думы в вопросах призрения бедных горожан. Несмотря на то, что непосредственной раздачей денег неимущим по-прежнему занимался мещанский староста, для выдачи денежных пособий и оказания помощи требовалось разрешение думы. Кроме того, дума ежегодно в присутствии мещанского общества проверяла приходно-расходную книгу по раздаче денег бедным. Всего на эти нужды тратилось около 100 руб. сер. в год. Так, в 1863 г. было роздано 80 руб. мещанским обществом и 28 руб. ремесленным³⁶¹.

Закон отводил думе косвенную роль в социальной сфере. В решении вопросов образования дума могла лишь передавать обществу распоряжения и предложения администрации, ходатайствуя за горожан перед начальством, а также обеспечивать содержание ряда учебных заведений из городских средств.

Но ее компетенция в этой области оказалась более широкой. В первой трети XIX в. она заведовала больницей, а во второй четверти XIX в. богадельней, что не предполагалось законом. Это было отражением процесса постепенной передачи социальных функций от общества и государства городскому самоуправлению, что было закреплено Городовым положением 1870 г. Правда, подобное расширение своей компетенции,

особенно в отношении больницы, дума не приветствовала, справедливо полагая это очередной повинностью.

Но, несмотря на то, что ее компетенция в социальной сфере оказалась гораздо шире, чем предполагалось для нее законом, степень инициативности думы была невелика, а ее роль ограничивалась, как правило, исполнительными функциями.

Многие предложения думы и общества не были реализованы по финансовым причинам. Так, если в Москве в начале XIX в. на социальные нужды расходовалось 4,5% городского бюджета³⁶², то в Вятке 1,4%. Впоследствии расходы на эти предметы выросли и в 1820-50-е гг. составляли 6-8%, но по прежнему оставались недостаточными (см. Прил. 14). Серьезной негативной причиной были волокита и отказы со стороны местных и центральных властей. В области образования серьезными сдерживающими факторами стали прагматичность и бедность горожан.

В то же время, оказавшись в критической ситуации, особенно с содержанием больницы, дума показала свою хозяйственность и распорядительность, умение изыскивать необходимые средства. Хотя содержание больницы и богадельни не входило по закону в ее обязанности, она достаточно хорошо справилась с возложенными на нее задачами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России традиционно развивался государственный тип самоуправления, для которого были характерны контроль высших властей и исполнение различных государственных функций. Городовое положение 1785 г. определило принципиально новый тип городского самоуправления. Закон значительно расширил понимание городской общины, что предполагало создание практически всеобщих органов общественного управления. В отличие от предшествующих выборных учреждений, думам предоставлялась достаточно широкая компетенция и самостоятельность. Если раньше выборные органы исполняли преимущественно государственные задачи, то в центре деятельности екатерининских органов самоуправления находились местные интересы. Для их реализации города получили необходимую экономическую и правовую базу. Так, статус юридического лица позволил им иметь собственность и формировать городской бюджет.

Но на практике некоторые положения «Жалованной грамоты городам» претерпели значительные изменения. В первую очередь, они коснулись организационной структуры городского управления. В Вятке, как и во многих малых и средних городах, не образовалась общей думы, а цензовое собрание общества градского слилось с собранием отдельных городских сословий.

Не менее важные изменения произошли в компетенции думы. В соответствии с законом она решала многие местные задачи. Как выразитель интересов купечества и мещанства, дума ходатайствовала о нуждах общества, а также защищала горожан перед лицом местных властей. Но, несмотря на предоставленное городскому самоуправлению право решать исключительно местные задачи, правительство не могло отказаться от использования городских дум в решении государственных задач, с которыми не в состоянии был справиться местный

административно-полицейский аппарат. Законодательство Александра I значительно скорректировало действие Городового положения, исходя из насущных потребностей страны. Правительство возложило на общество многие государственные повинности, не лишив его при этом возможности самостоятельно решать местные вопросы. Так, дума принимала участие в квартирной, полицейской, пожарной повинности, отвечала за содержание колодников, контролировала сбор податей и пр. Дума более ответственно, чем чиновники, решала возникающие проблемы ремонта и строительства, показав свое хозяйственное отношение к государственному имуществу и общественным средствам. Она стала дополнительным средством воздействия на мещанское общество при сборе податей. В целом, участие думы в государственных повинностях отражало как интересы горожан, так и государства, отвлекая, однако, саму думу и значительную часть городских средств от решения общегородских задач.

В годы правления Николая I правительство предприняло ряд шагов, чтобы облегчить бремя повинностей. Городские общества и думы были освобождены от содержания тюрем и больниц; активно стали разрабатываться проекты отмены натуральной квартирной повинности. Несмотря на тяжесть повинностей, которые поглощали основные городские средства, установился определенный баланс местных и государственных интересов. Так, в 1820-60-е гг. в Вятской городской думе государственные потребности составляли около третьей части дел и 40-50% городских расходов. Усиление государственного начала в тот период не было особенностью России. В первой половине XIX в. эти же тенденции проявились в развитии общественного управления Западной Европы¹.

В результате в дореформенный период произошло постепенное расширение функций думы как за счет возложения на нее государственных повинностей, так и благодаря увеличению ее возможностей в социально-экономической и в социокультурной сфере. Материалы вятской городской думы не подтверждают сложившегося в историографии мнения о

сокращении компетенции думы в дореформенный период. В то же время, необходимо учитывать, что увеличение коснулось преимущественно исполнительных и контролирующих функций думы, тогда как распорядительные сокращались. Дума стала хорошим ходатаем для общества, исполнителем и контролером для государства, но она недостаточно активно инициировала дела в интересах города.

Основными направлениями деятельности думы стали благоустройство, исполнение государственных повинностей, разрешение социально-экономических вопросов и участие в социокультурной сфере. Наибольших успехов дума добилась в области улучшения городского хозяйства и в несении государственных повинностей. В социально-экономической сфере она исполняла в основном контролирующие функции, что положительно оценивалось как горожанами, так и правительством. Но ей не удалось сделать реальных шагов для подъема городской экономики. Наименьшее значение деятельность думы имела в решении задач образования, здравоохранения и социальной защиты, где она играла преимущественно исполнительную роль. В то же время, по сравнению с законом, ее функции в этой области оказались значительно шире. Если содержание думой училищ предполагалось законом, то вопросы городской больницы и богадельни выходили за рамки ее компетенции. В первой половине XIX в. думой в среднем решалось две три от общего числа дел, что, с учетом неблагоприятных факторов, следует признать неплохим результатом.

На реализацию нового законодательства повлияли различные факторы, связанные как с конкретными социально-экономическими, административными и социокультурными условиями города, так и с политикой правительства.

В первую очередь, важное значение имела готовность самих горожан к работе в выборных учреждениях. В XVIII-XIX вв. в сознании горожан постепенно складывались представления о власти, самостоятельности и

законности как ценностях, что создавало предпосылки для формирования активного гражданства и дальнейшего развития общественной жизни города. Обыватели положительно относились к новым органам самоуправления. Кроме того, материалы думы свидетельствуют, что ее члены, как правило, были грамотны, имели опыт управленческой деятельности, а также необходимые деловые и личностные качества. На работу органов городского самоуправления оказали серьезное влияние традиционность сознания вятчан, по существу их сельский менталитет, прагматичность в решении вопросов.

Исследование не подтвердило характерное для советской историографии утверждение о преобладании в деятельности городских дум интересов крупного купечества, которое отрицательно сказывалось на ее работе. В то же время, недостаточная активность и бедность основной массы городского населения негативно отражалась на работе думы. Горожане нередко стремились избежать непосредственного участия в выборных должностях, которые не оплачивались и отнимали много времени, что наносило ущерб их собственным делам.

Вторым важным фактором развития городской думы стало экономическое положение города. Несмотря на широкие законодательные возможности формирования городских доходов, в конце XVIII – первой четверти XIX в. основу городского бюджета составляли добровольные складки горожан и поземельный сбор, предназначенный для содержания полиции. На протяжении первой половины XIX в. круг источников городских доходов постепенно расширялся. В результате, во второй трети XIX в. происходит изменение структуры бюджета, где основную роль стали играть доходы с городской собственности, акцизы с промышленности и разнообразные пособия. Это свидетельствовало о тенденции уменьшения прямых городских сборов с общества и увеличения косвенных налогов.

За период 1802-1868 гг. городские доходы выросли в 28 раз. Но в 1850-60-х гг. темпы роста городского бюджета Вятки стали отставать от общероссийских показателей, равно как и от увеличения городских потребностей. Недостаточность городских средств являлась общей чертой российской провинции, где исключение составляли крупные портовые и торговые города. Финансовые трудности стали основными в деятельности Вятской городской думы. Одной из главных причин недостаточности городских средств была экономическая слабость города, обусловленная изменением экономической конъюнктуры и усилением конкуренции со стороны крестьянства. В Вятке не было крупных торгов и фабрик, которые могли бы увеличить городские доходы. Кроме того, невосполнимый урон нанес длительный процесс отмежевания городу выгонных земель, которые должны были превратиться в один из основных источников городских доходов. Негативную роль сыграла также традиционность сознания, привычка действовать по старым правилам и обычаям. Дума не проявила большой активности в поиске новых источников доходов и в максимально полном использовании существующих, что было характерно и для других российских городов. В свою очередь, недостаточное финансирование сдерживало инициативу «снизу». Дума, фактически лишенная средств, и общество, обремененное податями и сборами, не могли в полной мере реализовать возможности городского управления. В результате деятельность думы оказалась направлена преимущественно на решение текущих вопросов городского хозяйства и управления, в ущерб перспективного развития города.

Третьим важнейшим фактором развития городской думы стало взаимодействие органов городского управления и самоуправления, которое имело для нее различные последствия. Благодаря тесным отношениям с государственными структурами дума приобрела бюрократический опыт работы, который помогал ей справляться с постоянно возрастающим объемом дел. Также в условиях отсутствия ответственности думы перед

обществом контроль местной администрации предупреждал возможные нарушения и злоупотребления со стороны выборных. Участие думы в различных государственных повинностях позволяло ей защищать интересы горожан перед лицом государственных органов. Тесная связь с губернатором давала возможность более эффективно воздействовать на пассивных чиновников, ускорять решение дел. От губернатора же и полиции исходили предложения, касающиеся не только интересов государства, но и города. За исключением первых лет работы думы, около половины предложений стабильно исходило от государственных учреждений. В этом случае, финансовые затруднения думы и недостаточная активность со стороны горожан отчасти компенсировались административным вмешательством. Хотя в деятельности думы и встречались нарушения закона со стороны местного управления, но в целом, она сумела сохранить ту степень самостоятельности, которая предполагалась законодательством.

Но тесное взаимодействие городского самоуправления с местным аппаратом власти привело к серьезным негативным последствиям, в частности, к огосударствлению думы. Политика правительства в конце XVIII - первой половине XIX в. была направлена на планомерную централизацию управления, которая до предела была доведена в годы правления Николая I. Она парализовала работу многих учреждений, снизив эффективность работы думы.

Расширение исполнительных и контролирующих функций дум, сокращение распорядительных возможностей, привели к сужению ее самостоятельности. Следствием огосударствления самоуправления стало усиление процессов бюрократизации думы, что выразилось в увеличении делопроизводства, замедлении процесса решения дел, раздувании канцелярии, в усилении формализма в работе. В свою очередь, это привело к определенному падению интереса общества к городскому самоуправлению. Процессы огосударствления и бюрократизации были

характерны в целом для России, как для государственных, так и для общественных органов, являясь следствием политики централизации управления в стране. Ответной реакцией на нее стали реформы Александра II, направленные на децентрализацию управления и усиление общественного начала.

Перечисленные выше факторы действовали и в других российских провинциальных городах. Процессы, протекавшие в Вятке были более типичны для страны в целом, чем аналогичные процессы и явления, имевшие место в Москве и С.-Петербурге. Своеобразие социального состава Вятки, где на фоне достаточно образованного купечества практически отсутствовало дворянство, а чиновничество было слабым, способствовало созданию более самостоятельных органов самоуправления.

В целом, несмотря на многие негативные факторы, городская дума позволила существенно улучшить решение широкого круга местных и государственных задач. Кроме того, она способствовала формированию более зрелого городского сословия. В то же время ограниченность городского бюджета, апатия основной массы населения, бюрократизация и огосударствление самоуправления, слабая инициатива снизу – все это говорило о необходимости реформирования городского общественного управления.

Исследование позволяет существенно скорректировать традиционную для отечественной и зарубежной историографии отрицательную оценку городского дореформенного самоуправления. Вятская городская дума, несмотря на серьезные негативные факторы, сумела реализовать значительный потенциал, заложенный екатерининскими реформами. Кроме того, деятельность дореформенного самоуправления с его достоинствами и недостатками дала богатый опыт для дальнейших преобразований и, в частности, для создания нового Городового положения 1870 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. – Л., 1926; Кустова Е.В. Школа «Градоведения» и проблемы методологии локальных исторических исследований // Актуальные проблемы истории. – Киров, 2000. – С. 83-86; Размустова Т.О. Аспект целостности в феномене провинциального города // Провинциальный город: культурные традиции, история и современность. – М., 2000. – С. 28-33.

² Исключение здесь составляют брошюра В.П.Юрьева «Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II» (Вятка, 1885) и краткий очерк в книге П.Н.Луппова «История города Вятки» (Киров, 1958).

³ Лохвицкий А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. – СПб., 1864; Муллов П.А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского управления. – СПб., 1864; Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. – СПб., 1852; Пригара А. Опыт истории состояний городских обывателей в Восточной России. – Ч.I,II. – СПб., 1868.

⁴ Градовский А.Д. Собрание сочинений в 9-ти тт. – Т.2. История местного управления в России. – СПб., 1899; Т.9. Начала русского государственного права. - Ч.III. Органы местного управления. – СПб., 1903.

⁵ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. – Т.1.- СПб, 1875; Т.2. - Ярославль, 1877.

⁶ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. – М., 1909; Он же. Городовое положение Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. – В 6 тт. – Т.3-4. XVIII в. – М., 1992. – С.535-560; Он же. Местное самоуправление России IX-XIX столетий. Исторический очерк. – М., 1910.

⁷ Градовский А.Д. – Ук. соч. - Т.2. - С.16.

⁸ Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история Русского города второй половины XVIII в. – М., 1967; Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863-1917. – М., 1998; Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. – Новосибирск, 1984; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958; Hittle M. The Service City. State and Townsmen in Russia, 1600-1800. – London, 1979; Jones R.E. Provincial Development in Russia: Catherine II and Jakob Sievers. – New Brunswick, 1984; Le Donne J. Ruling Russia. Politics and Administration in the Age

Absolutism. 1762-1796. Princeton; New Jersey, 1984; Madariaga I.de. Russia in the Age of Catherine the Great. – New Haven, 1981 и др.

⁹ Шефер А. Органы «самоуправления» царской России. – Куйбышев, 1939 – С.6-7; Окунь С.Б. История СССР. Лекции. Ч.I. Конец XVIII – начало XIX в. – Л., 1974. – С.47-49; Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800 – 1860 гг.): Учеб. пос. – М., 1985 – С.70-72.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 24. – С.147.

¹¹ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство в России. – М., 1958; Он же. Городское население // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. – М., 1959.

¹² Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х - начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. – Л., 1984. – С.14.

¹³ Дитятин И. Устройство и управление городов России. – Т.1.- СПб,1875; Т.2. - Ярославль, 1877; Он же. Из истории «Жалованных грамот» // Статьи по истории русского права. – СПб., 1895 и др.

¹⁴ Кафенгауз Б.Б. Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. – М., 1956. – С.162-164; Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. – М., 1967. – 119-120.

¹⁵ Рабцевич В.В. Социальный состав органов городского самоуправления в Западной Сибири в 80-х гг. XVIII - первой четверти XIX в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). – Новосибирск, 1977. – С. 80-96; Она же. Сибирский город в дореформенной системе управления. – Новосибирск, 1984.

¹⁶ Лебедев С.К., Миронов Б.Н. Новая концепция русского доиндустриального города. Манфред Хильдермайер о русском дореформенном городе // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII-XX вв. в зарубежной историографии. – СПб., 1994. – С. 32-33.

¹⁷ Пушкарев С. Россия в XIX в. – Нью-Йорк, 1956. – С. 92; Миронов Б.Н. Спорные и малоизученные вопросы русского позднефеодального города в современной историографии // Генезис и развитие феодализма в России. – Л., 1983. – С. 168.

¹⁸ Madariaga I.de. Russia in the Age of Catherine the Great. – New Haven, 1981. - P.295-304.

¹⁹ Шанский Д.Н. Русский город периода феодализма (IX-XVIII вв.) во французской историографии XVIII-XIX вв. // Русский город. – Вып.7. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С.103.

-
- ²⁰ Jones R.E. Op. cit. – P.104-108.
- ²¹ Лебедев С.К. Указ соч. – С. 37.
- ²² Дубровский А.М. русский феодальный город в современной англо-американской историографии // РГ. - Вып.8. – М., 1986. – С. 167.
- ²³ Институты самоуправления: Историко-правовое исследование. – М.,1995. – С. 268, 270, 272.
- ²⁴ Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история: От Екатерины Великой до Александра II. – М., 1994. – С.105.
- ²⁵ Еремян В.В., Федоров М.В. Местное самоуправление в России (XII- начало XX вв.). Учеб. пос. – М., 1998. – С.138.
- ²⁶ Козляков В. «Золотой век» русской провинции // Волга. – 1995. - №5-6. – С.12; Галкин В.Я., Иванов Н.С. Из истории Московской городской думы // СПЖ. – 1997. - №4. – С.45.
- ²⁷ Лебедев С. Миронов Б. Указ. соч. – С. 46, 49.
- ²⁸ Миронов Б.Н. Спорные и малоизученные вопросы русского позднефеодального города в современной историографии // Генезис и развитие феодализма в России. – Л., 1983. – С. 168-169.
- ²⁹ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863-1917. – М., 1998. – С. 9, 11-12; Она же. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // ОИ. – 2001. – №3. – С.31-32, 35-36.
- ³⁰ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М., 2001. – С. 452-453.
- ³¹ Бердников Л.П. Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления (1822-1916). Факты, события, люди. – Красноярск, 1995; Евдокимова С.В. Некоторые вопросы управления городов Забайкалья в конце XVIII - первой половине XIX в. // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Сб. ст. – Иркутск, 1987. – С.34-50; Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX в. Общественный быт и культура. – М., 1995; Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. – Иркутск, 2001.
- ³² Куприянов А.И. Указ. соч. – М., 1995. – С. 29, 32.
- ³³ Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII – XIX веков. – Томск, 1996. – С. 210-211, 218, 223, 240; Куприянов А.И. Указ. соч. – С. 33-35, 150; Рабцевич В.В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII – первой половины XIX в. // Сибирские

города XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1981. – С. 155-173; Шахеров В. Указ. соч. – С. 158-159.

³⁴ Бойко В. Указ. соч. – С. 198, 220-224, 265; Куприянов А.И. Правовая культура горожан Сибири первой половины XIX // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII – первой половины XIX в. - Новосиб., 1990. – С.81-101; Он же. Представления о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // Менталитет и культура предпринимателей России XVII - XIX вв. Сб. ст. – М., 1996. – С. 83-107; Он же. Русский горожанин в поисках социальной идентичности // История. Приложение к газете «Первое сентября». – 2000. – №24. – С. 14-16; №25. – С.11-12.

³⁵ Амплеева Т.Ю. Реформа местного управления последней четверти XVIII в. – М., 1997; Белова М.Ю. О создании и развитии системы местного самоуправления в конце XVIII – начале XX в. (на примере Ярославля) // Власть и город. – Ярославль, 2001. – С. 9; Беркович А.В. Из истории городского самоуправления на Урале (на примере борьбы вокруг бюджета Екатеринбурга в первой половине XIX в.) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. – Пермь, 1999. – С.123-129; Маркова Ю.Н. Деятельность городских дум в городах Тверской губернии в конце XVIII – начале XIX в. // Дни славянской письменности и культуры. Сб. докладов и сообщений. – Тверь, 1999. – Вып.5 – С.57-66; Савельев А. Столетие городского самоуправления в Н.Новгороде. 1785-1885. – Н.Новг., 1885; Смирнов Ю.А. Белозерская городская дума // Белозерье. – Вып.2. – Вологда, 1998. – С.393-412; Пульхеров А. Великолуцкое городское общественное управление. 1785-1891. – Псков, 1892.

³⁶ Юрьев В.П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. – Вятка, 1885.

³⁷ Тинский А.Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII-XIX веках. Киров, 1976; Он же. Улицы. Площади. Дома. Вятка. Страницы истории. – Киров, 1999.

³⁸ Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1839-41. – Т.1-2; Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 г. Издано при МВД. – СПб., 1834; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении совета МВД. – СПб., 1840; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении совета МВД. – СПб, 1852; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел статистическим отделом Центрального статкомитета. – СПб., 1858; Статистический Временник Российской империи. – Т.1. – СПб., 1866; Статистический Временник Российской

империи. – СПб., 1871; Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г. – СПб., 1829; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. – Ч.1-2. – СПб., 1863.

³⁹ Записки сенатора И.В.Лопухина. – М., 1990; Хитрово Н.З. Отрывок из моего журнала, писанного в Вятке 1811 года // Исторический, статистический и географический журнал. – 1825. – Ч.1. – Кн.1. – С.154-155.

⁴⁰ Яковлев П. Поездка в Вятку // Календарь муз на 1826 год. – СПб., 1826. – С.146-171.

⁴¹ Клепиков К.И. Сборник статей вятского сторожила. – Вятка, 1899-1901. – Вып. 1-4.

⁴² Косарев М.С. Воспоминание о посещении Вятки Государем Императором Александром Благословенным в 1824 году // ТВУАК. – 1913. – Вып. I-II. – Отд. III. – С. 33-46.

⁴³ Сычугов С.И. Записки бурсака. – М.-Л.,1933.

⁴⁴ Из мемуаров А.А.Прозорова. О купце Я.А.Прозорове и его семье 1764-1884 гг. // ЭЗВ. – Т.4.История. – Киров, 1995. – С. 257-260.

Глава I

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. – М., 1986. – Т.1. – С. 544; Рутенбург В. Город и городская культура // Городская культура. – Л., 1986. – С. 3-5; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М., 1998. – С. 235.

² Юрганов А.Л. Ук. соч. – С. 236.

³ Каменский А. Российская империя в XVIII в.: традиция и модернизация. – М., 1999. – С.36.

⁴ Миронов Б.Н. Американская буржуазная историография русского феодального города // ВИ. – 1984. - № 7. - С. 33.

⁵ Там же. - С. 32, 34.

⁶ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // ОИ. – 2001. - № 2. – С. 18.

⁷ Институты самоуправления: Историко-правовое исследование. – М.,1995. – С. 259.

⁸ История местного самоуправления на Урале в XVIII – начале XX в.: город, село, деревня. – Екатеринбург, 1999. – С. 9.

⁹ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления ... № 2. – С. 19.

¹⁰ История местного самоуправления ... – С. 10-12.

¹¹ Полный свод законов. – СПб., 1830 (далее – ПСЗ-I). - Т. VI. 1720-1722. - Ст. 3708.

¹² История местного самоуправления ... - С. 12-13.

-
- ¹³ См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 18, 30.
- ¹⁴ См.: РГАДА. – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 1, 2а, 4, 36, 57, 411, 512, 521, 557, 721, 732, 942 и др.
- ¹⁵ См.: РГАДА. – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 235, 270, 327, 399, 488, 433, 505, 774-776, 898 и др.
- ¹⁶ См.: РГАДА. – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 158, 724.
- ¹⁷ См.: РГАДА. – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 34, 65, 122, 268, 391, 504, 508, 541, 668, 727; Оп. 2. – Д. 39 и др.
- ¹⁸ Институты самоуправления ... – С.264.
- ¹⁹ История местного самоуправления ... - С.14.
- ²⁰ Столетие Вятской губернии. 1780-1880. – Вятка, 1881. - Т.1. – С.71-72.
- ²¹ См.: РГАДА. – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 168-170, 184, 447-449, 571, 949, 1106 и др.
- ²² Хохолев Д.Е. Екатеринбургский городской магистрат в системе управления Пермским наместничеством (1781-1796 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVII – XX веков. Новосибирск, 1999; Серeda Н.В. Городовые магистраты последней четверти XVIII в.: источниковедческое исследование по материалам Тверской губ. – Автореферат дисс. – М., 1994.
- ²³ Институты самоуправления ... – С.263.
- ²⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, малой семьи, гражданского общества и правового государства. – В 2-х тт. – СПб., 2000. – Т.1. – С.295.
- ²⁵ Институты самоуправления ... – С.262.
- ²⁶ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления ... - №2. – С.20.
- ²⁷ Институты самоуправления ... – С.265; Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. - М., 1967. – С.53.
- ²⁸ Цит. по: Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Очерки социально-экономической и культурной жизни. – Иркутск, 2001.. – С. 139.
- ²⁹ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления... - №3. – С.27.
- ³⁰ Лавринович М.Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762-1796 гг.). – Автореферат дисс. ... к.и.н. - М., 2001. – С. 17.
- ³¹ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления ... - №3. – С.26.
- ³² Юрьев В.П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории городского общественного управления. – Вятка, 1885. – С.11.
- ³³ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления ... - №3. – С.27.

-
- ³⁴ ПСЗ-I. – Т. XXII. - №16188.
- ³⁵ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления ... - №3. – С.27.
- ³⁶ Лавринович М.Б. Указ. соч. – С. 15.
- ³⁷ В первой половине XIX в. в соответствии с новыми узаконениями думе пришлось заниматься вопросами податей и повинностей.
- ³⁸ Юрьев В.П. Указ. соч. – С.142.
- ³⁹ Кизеветтер А.А. Городовое положение ... - С. 329.
- ⁴⁰ См.: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 3. – Д. 6, 8; Оп. 8. – Д. 99, 106, 121, 136, 200, 225, 265, 327, 387, 483, 560, 612, 796.
- ⁴¹ Юрьев В.П. Указ.соч. – С. 76-77.
- ⁴² В обывательской книге за 1802-1804 гг. впервые появляется часть для именитых граждан (см.: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 2. – Л. 69-70), Машковцев Степан Яковлевич, надворный советник, купец. I гильдии по троекратному служению с похвальным отзывом.
- ⁴³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 16. – Л. 21.
- ⁴⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 21. – Л. 69.
- ⁴⁵ Институты самоуправления ... - С. 277; Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления ... - № 3. – С. 32.
- ⁴⁶ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления ... - № 3. – С. 31.
- ⁴⁷ Дитятин И. Устройство и управление городов России. – Т.2. – Ярославль, 1877. – С. 294-296, 354-355; Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. – Пг., б.г. – С.15-20; Семенов Д.Д. Городское самоуправление. – СПб., 1901. – С.33; Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. – Л., 1984. – С.14; Лебедев С.К., Миронов Б.Н. Новая концепция русского доиндустриального города // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII-XX вв. в зарубежной историографии. – СПб., 1994; Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления ... - № 2. – С. 28 и др.
- ⁴⁸ Дитятин И. Устройство и управление городов России. – Т.2. - Ярославль, 1877. - С. 246, 291, 294-295, 355.
- ⁴⁹ Голикова Н.Б. К вопросу о правовом положении городского населения России конца XVI-XVII века // Русский город. – Вып. 9. – М, 1990. – С. 202-227.
- ⁵⁰ Юрьев В.П. Указ. соч. – С. 13-27.
- ⁵¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 56 об.-57 об.; Оп. 8. – Д. 153. – Л. 31.
- ⁵² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 270. – Л. 1-2, 9-10 об.

-
- ⁵³ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958. – С.407; Куприянов А.И. Русский горожанин в поисках социальной идентичности (Представления рядовых горожан об обществе в первой половине XIX в.) // История. Приложение к газете «Первое сентября». – 2000. – №24. – С. 14-16.
- ⁵⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 327. – Л. 70-71 об.
- ⁵⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 77. – Л. 2-2об.
- ⁵⁶ Евдокимова С.В. Некоторые вопросы управления городов Забайкалья в конце XVIII - первой половине XIX в. // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Сб. ст. – Иркутск, 1987. – С.47 и др.
- ⁵⁷ Рындзюнский П.Г. Городское население // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. – М., 1959. – С. 304.
- ⁵⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 39. – Л. 83 об.-85 об.
- ⁵⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 322, 432 об.
- ⁶⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 297.
- ⁶¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 92. – Л. 30-33 об.
- ⁶² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д.16. – Л. 232, 563; Д.18. – Л. 293-294; 349 об; 337; Д.21. – Л. 100-104, 166 об.
- ⁶³ Здесь мы опускаем деятельность в интересах государства.
- ⁶⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 47 об., 78, 99.
- ⁶⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 14. – Л. 360; Д. 19. – Л. 337.
- ⁶⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 600-601 об.
- ⁶⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 55. – Л. 246-246 об.
- ⁶⁸ Каменьский Г. Письма из ссылки. – Киров, 1989. – С. 156.
- ⁶⁹ Лебедев С. Указ. соч. – С. 46.
- ⁷⁰ Юрьев В.П. Указ. соч. – С. 26, 56.
- ⁷¹ Дитятин И. Указ.соч. – С. 284.
- ⁷² Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // ОИ. – 2001. – № 3 – С. 28; Куприянов А.И. Русский горожанин в поисках социальной идентичности (Представления рядовых горожан об обществе в первой половине XIX в.) // История. Приложение к газете «Первое сентября». – 2000. – № 25. – С. 11.
- ⁷³ Лаптева Л.Е. Государственное управление и местное самоуправление в России // Городское самоуправление и государственная власть: история, политика, экономика, право. – М., 1995. – С. 11.

⁷⁴ Герцен А.И. Былое и думы. – М., 1973. – С. 106, 228, 234; Гомаюнов С.А. Из истории местной администрации Вятской губернии в конце XVIII- начале XIX века (по материалам сенатских ревизий) // Вятская земля в прошлом и настоящем. – Киров, 1992. – Т. 1. – С. 83-85; Из записок преосвященного Никодима Казанского // ТВУАК. – 1913. – Вып. I-II. – Отд. III. – С. 79; Каменьский Г. Письма ... – Киров, 1989. – С. 114, 116; Фоменкова В.М. Вятка 40-х годов XIX века в письмах Генриха Каменьского // Вопросы истории Кировской области. – Киров, 1974. – С. 67-68.

⁷⁵ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901-1913. – М., 1994. – С.93; Портен А. «Затерянный уголок России». Воспоминания артиста. – Париж, 1883. – С.3; Семибратов В.В. В Москву и Питер за один вечер // Кировская правда. – 1995. – №13. – С.2.

⁷⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): Генезис личности, малой семьи, гражданского общества и правового государства. – В 2-х тт. – СПб., 2000. – Т.1. – С.330-331.

⁷⁷ Каменьский Г. Указ. соч. – С.70.

⁷⁸ Цит. по: Фоменкова В.М. Вятка 40-х годов XIX века ... – С. 68.

⁷⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 488; Оп. 8. – Д. 12. – Л. 29, 33; Д. 29. – Л. 5 об.

⁸⁰ Амплеева Т.Ю. Реформа местного управления последней четверти XVIII в. – М., 1997. – С. 96; Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. ... – С. 358; Рабцевич В.В. Социальный состав органов городского самоуправления в Западной Сибири в 80-х гг. XVIII - первой четверти XIX в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). – Новосибирск, 1977. – С. 87; Семенов Д. – С.33.

⁸¹ Савельев А. Столетие городского самоуправления в Н.Новгороде. 1785-1885. – Н.Новг., 1885. – С.10.

⁸² ПСЗ-I. - Т. XXXIX. - №30115. - §30.

⁸³ Брянцев М.В. Дворянство и купечество (правовые аспекты отношений) // Право: история, теория, практика. – Брянск, 1998. – С.108-122.

⁸⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 7. – Л. 400 об. – 401.

⁸⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 9, 15, 25 об.; Д. 11. – Л. 449 об.; Д. 16. – Л. 436.

⁸⁶ Соколова Е.С. Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития на примере привилегированного и полупривилегированного сословий (середина XVII – середина XIX вв.). – Автореферат дисс. – Екатеринбург, 1995. – С. 4.

-
- ⁸⁷ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М., 1998. – С. 117-215.
- ⁸⁸ Голикова Н.Б. Указ. соч. – С.225-226.
- ⁸⁹ Захаров А.В. Народные образы власти // ПОЛИС. – 1998. - №1. – С.24.
- ⁹⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 9. – Л. 1-3; Д. 274. – Л.136.
- ⁹¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д.14. – Л. 9-9 об., Д.15. – Л.179 и др.
- ⁹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 20. – Л. 1-2 об., 6, 18.
- ⁹³ Юрьев В.П. Указ. соч. – С. 21.
- ⁹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 62 об, 240 об. – 241.
- ⁹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 36. – Л. 38-39.
- ⁹⁶ Лебедев С.К., Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 32-33.
- ⁹⁷ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. – М., 1909. – С. 429.
- ⁹⁸ РГИА. – Ф. 18. – Оп. 4. – Д. 111. - Л.7.
- ⁹⁹ Там же. - Л. 11-12, 65.
- ¹⁰⁰ Гомаюнов С.А. Из истории местной администрации Вятской губернии в конце XVIII- начале XIX века (по материалам сенатских ревизий) // Вятская земля в прошлом и настоящем. – Киров, 1992. – Т.1. – С.84.
- ¹⁰¹ Беркович А.В. Из истории самоуправления на Урале // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. – Пермь, 1994. – С. 123-129; Куприянов А. Правовая культура ... - С. 87-90; Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. – Иркутск, 2001. - С. 126, 136, 140-141.
- ¹⁰² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 7. – Л. 36-36 об., 55-55 об., 78 об.
- ¹⁰³ Там же. – Л. 96 об.
- ¹⁰⁴ Дитятин И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 244-245, 250, 292, 296, 355.
- ¹⁰⁵ Юрьев В.П. Указ. соч. – С. 24, 46, 48-50.
- ¹⁰⁶ Клепиков К. Указ. соч. – С. 37-38.
- ¹⁰⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 106. – Л. 7, 9, 12; Д. 121. – Л. 6, 9, 12, 22; Д. 136 - Л. 16, 99.
- ¹⁰⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 270. – Л. 10.
- ¹⁰⁹ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1738. – Л. 1087-1087 об.
- ¹¹⁰ Куприянов А.И. Русский горожанин в поисках социальной идентичности (Представления рядовых горожан об обществе в первой половине XIX в.) // История. Приложение к газете «Первое сентября». – 2000. - №24. – С. 15.

-
- ¹¹¹ Куприянов А. Правовая культура горожан первой половины XIX в. // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков. – Новосибирск, 1990. – С. 82-86.
- ¹¹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 46. – Л. 52,53.
- ¹¹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 23. – Л. 174 об.
- ¹¹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21 – Л. 659 об.; Д. 41. – Л. 75, 76, 106, 345.
- ¹¹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 48. – Л. 410.
- ¹¹⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 47. – Л. 216 об.-217, 275 об.
- ¹¹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 23. – Л. 217 об.; Д. 63. – Л.274 об.
- ¹¹⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 386 об.-387.
- ¹¹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 115 об.; Оп. 5. – Д. 49. – Л. 161 и др.
- ¹²⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 70 об.-72 об. и др.
- ¹²¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 564 об.
- ¹²² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 51. – Л. 41 и др.
- ¹²³ ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 28.
- ¹²⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 590. – Л. 51 об.-53 об.
- ¹²⁵ Клепиков К.И. Сборник статей вятского старожила. – Вятка, 1899-1901. – С. 21, 40-41.
- ¹²⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 326-326 об.
- ¹²⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 484. – Л. 146, 173-175.
- ¹²⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 31-31 об., 235.
- ¹²⁹ Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX в. – М., 1995. – С. 26, 29.
- ¹³⁰ См.: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 1. – Д. 66, 97.
- ¹³¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 274. – Л. 76.
- ¹³² В действительности только 7,5 лет, не закончив второго строка службы по причине внезапной смерти. Это еще раз свидетельствует о том значении, которое он приобрел своей деятельностью в городе.
- ¹³³ Клепиков К.И. Указ. соч. – С.37
- ¹³⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 66. – Л. 219 об.; Оп. 8. – Д. 567. – Л. 61 об.
- ¹³⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 52. – Л. 160 об.-161.
- ¹³⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 48. – Л. 22 об.-23 об.; Д. 57. – Л. 35 об.-36.
- ¹³⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 206, 357; Д. 12. – Л. 215; Д. 28. – Л. 347; Д. 29. – Л. 48, 179.
- ¹³⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 602 об.-603, 648-648 об., 690, 755 об
- ¹³⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 25. – Л. 375; Д. 46. – Л. 360 об., 362.

¹⁴⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 47. – Л. 163.

¹⁴¹ Дитятин И. Устройство и управление городов России. – Т.2. - Ярославль, 1877. - С. 354-355.

¹⁴² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 72-73; Д. 4. – Л. 22-22об.; Д. 5. – Л. 266 об.; Д. 6. – Л. 10; Д. 7. – Л. 33; Д. 8. – Л. 426; Д. 11. – Л. 497; Д. 15. – Л. 37-37 об.; Д. 16. – Л. 143; Д. 17. – Л. 36, 166; Д.20. – Л. 64 об., 76, 138; Д. 25. – Л. 104; Д. 30. – Л. 89; Д. 32. – Л. 149; Д. 33. – Л. 142; Оп. 8. – Д. 12. – Л. 27; Д. 106. – Л. 14-15; Д. 136. – Л. 19, 23 об., 30, 51, 95. В таблице не учитывались случаи отказа чиновничества от участия в деятельности думы.

¹⁴³ Белова М.Ю. О создании и развитии системы местного самоуправления в конце XVIII – начале XX в. (на примере Ярославля) // Власть и город. – Ярославль, 2001. – С. 9; Евдокимова С.В. Некоторые вопросы управления городов Забайкалья в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск, 1987. – С.46; Коновалов И.А., Толочко А.П. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. – Омск, 1997. – С.13; Озеров Ю.В. Курское купечество в середине XIX в. – Курск, 2001. – С. 42; Пульхеров А. Великолуцкое городское общественное управление. 1785-1891. – Псков, 1892. – С. 5; Савельев А. Столетие городского самоуправления в Н.Новгороде. 1785-1885. – [Н.Новг., 1885]. – С.12-13; Смирнов Ю.А. Белозерская городская дума // Белозерье. – Вып. 2. – Вологда., 1998. – С. 395.

¹⁴⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 17. – Л. 36.

¹⁴⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 411. – Л. 44 об.-45.

¹⁴⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 24. – Л. 21-22 и др.

¹⁴⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 43. – Л. 109, 110.

¹⁴⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 37-38.

¹⁴⁹ Судовиков М.С. Машковцевы. Купцы и общественные деятели // Купечество вятское. – Киров, 1999. – С. 23.

¹⁵⁰ Там же. – С. 18.

¹⁵¹ Козлова Н. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. – М., 1994. – С. 225; Лебедев С., Миронов Б.Н. Указ. соч. – С. 48.

¹⁵² Здесь мы не рассматриваем важный аспект государственных функций городского самоуправления.

- ¹⁵³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1941. – Л. 605; Шахеров В. Указ. соч. – С.141.
- ¹⁵⁴ Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы. – Л., 1990. – С. 23, 25-26.
- ¹⁵⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 62 об.
- ¹⁵⁶ См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 5. – Д. 906; Оп. 8. – Д. 980, 1107; Оп. 24. – Д. 1384; Оп.37. – Д. 23, 769, 779, 780, 781, 782, 783, 788, 790, 876, 995, 1026, 1171, 1374, 1497, 1929, 2021, 2086, 2136, 2219, 2284, 2285, 2314, 2322, 2346, 2363; Общественное устройство города Риги. – СПб., 1852; Коновалов И. Указ. соч. – С.13.
- ¹⁵⁷ См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 8. – Д. 863; Оп. 31. – Д. 125.
- ¹⁵⁸ Градовский А.Д. Собрание сочинений. – Т.9. - Ч.III. - СПб., 1903. – С. 126-127, 148-150; Дитятин И. Устройство и управление городов России. – Т.1.- СПб,1875. - С. 448, 452-453; Т.2. - Ярославль, 1877. – С. 140, 218-234; Кизеветтер А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. – М., 1909. – С.407-410 и др.
- ¹⁵⁹ Исследования городского дореформенного самоуправления проводились, в первую очередь, И.И. Дитятиным (по С.-Петербургу), А.А.Кизеветтером (по Москве), В.В.Рабцевич и А.И.Куприяновым (по Сибири). Остальные работы были незначительны или повторяли выводы выше указанных.
- ¹⁶⁰ Григорьев В. Рец. на кн.: А.А.Кизеветтер «Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария» (М.,1909) // Журнал министерства народного просвещения. – 1910. - №10. – С.375-384.
- ¹⁶¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 440.
- ¹⁶² ПСЗ-I. – Т. XXIV. – 1796-1798 г. – №18278.
- ¹⁶³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 434 об.-435.
- ¹⁶⁴ Правда, во второй четверти XIX в. эти функции вновь дума стала распределять между своими гласными.
- ¹⁶⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 111.
- ¹⁶⁶ ГАКО. – Ф. 630. - Оп. 5. – Д. 6. – Л. 398, 399 об.
- ¹⁶⁷ ГАКО. – Ф. 630. - Оп. 8. – Д. 20. – Л. 20-20 об., Д.21. – Л.13.
- ¹⁶⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 7. – Л. 188-188 об., 193 об.-195 об.
- ¹⁶⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 223, 225.
- ¹⁷⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 294.
- ¹⁷¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 47. – Л. 193 об.-195, 216 об.-217, 275 об.
- ¹⁷² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 22. – Л. 375-375 об.
- ¹⁷³ ГАКО. – Ф. 630. - Оп. 8. – Д. 21. – Л. 69.

-
- ¹⁷⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 285.
- ¹⁷⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 47. – Л. 82 об.
- ¹⁷⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 408, 421.
- ¹⁷⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 321 об.-322.
- ¹⁷⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 419 об.-420 об.
- ¹⁷⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 44. – Л. 521, 522.
- ¹⁸⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 275 об., 319 и др.
- ¹⁸¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 425-425 об.
- ¹⁸² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 271-271 об.
- ¹⁸³ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1182. – Л. 237 и др.
- ¹⁸⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 36. – Л. 119; Оп. 5. – Д. 6. – Л. 440 об.-441.
- ¹⁸⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 144, 213 об
- ¹⁸⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 16. – Л. 21, 173 об.; Д. 41. – Л. 235 об., 236 об.; Оп. 8. – Д. 384. – Л. 13.
- ¹⁸⁷ В этом случае происходило, отчасти, нарушение закона, поскольку обращались по ряду вопросов, не требующих по закону разрешения губернатора: о постройке общественной бани, строительства моста через Вятку.
- ¹⁸⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 108.
- ¹⁸⁹ РГИА. – Ф. 1357. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 117-118 об. и др.; ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 36. – Л. 39-39 об, 76 и др.
- ¹⁹⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 138 об., 192-192об.; Д. 11. – Л. 314-316; Оп. 8. – Д. 36. – Л. 122, 127 об. и др.
- ¹⁹¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 156, 195, 281, 408, 421.
- ¹⁹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 9. – Л. 345 об.; Д. 12. – Л. 57 и др.
- ¹⁹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 60. – Л. 190.
- ¹⁹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 189 об.-190, 399 об.
- ¹⁹⁵ ГАКО. – Ф.630. – Оп.5. – Д.48. – Л.203 об.
- ¹⁹⁶ История местного самоуправления ... – С.29; Маркова Ю.Н. Деятельность городских дум в городах Тверской губернии в конце XVIII – начале XIX в. // Дни славянской письменности и культуры. Сб. докладов и сообщений. – Вып.5. – Тверь: ТГУ, 1999. – С.57-66; Суворова Н.Г. Методология изучения традиционных институтов самоуправления (по материалам государственной деревни Западной Сибири XIX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XIX вв. – Новосибирск, 1999.– С.206-207; Хохолев Д.Е. Указ. соч. – С. 199.

-
- ¹⁹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 228 об.
- ¹⁹⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 232-233.
- ¹⁹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 24. – Л. 831-832 об.
- ²⁰⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 89.
- ²⁰¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 33. – Л. 258; Д. 34. – Л. 364,463.
- ²⁰² СЗРИ. – Т. XII.
- ²⁰³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 77 об., 78 об.
- ²⁰⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 9. – Л. 116 и др.
- ²⁰⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 48. – Л. 41 об.-43 об.
- ²⁰⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 135 об.-136 об. и др.
- ²⁰⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 12. – Л. 564.
- ²⁰⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 18. – Л. 401-405.
- ²⁰⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 243, 280; Д. 34. – Л. 35; Д. 49. – Л. 48.
- ²¹⁰ Ильин В.И. Бюрократизм как социальный феномен // Бюрократизм и самоуправление – Сыктывкар, 1990. – С.27.
- ²¹¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 17. – Л. 407 об. – 408 об.; Д.18.
- ²¹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28, 29.
- ²¹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 12.
- ²¹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 512 об.
- ²¹⁵ Хотя в первой четверти XIX в. сохранялись и неформальные формы приказаний, например, достаточно частыми были словесные приказания губернатора городскому голове, имевшие силу закона.
- ²¹⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 7. – Л. 172.
- ²¹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 12. – Л. 45.
- ²¹⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 25. – Л. 673 об.-674.
- ²¹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 53-53 об., 70, 97 об.-98 об.
- ²²⁰ Количество дел указано по официальным источникам. ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 484. – Л. 9, 76 об.; Д. 567. – Л. 65 об.; Д. 628. – Л. 47 об.-48; РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 2903. – Л. 663 об.; Д. 3254. – Л. 618.
- ²²¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 51. – Л. 95.
- ²²² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 60. – Л. 342 об.-344 об.; Д. 63. – Л. 45 об.-47 об.; СЗРИ. – Т. XII. Устав строительный. – Ст. 127.
- ²²³ ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 49. – Д. 345. – Л. 11-23.
- ²²⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 648.

-
- ²²⁵ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 979. – Л. 534 об.; Д. 2184. – Л. 272 об. Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 2001 и др.
- ²²⁶ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 34. – Д. 866. – Л. 4-4 об., 6.
- ²²⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 349 об., 364 об.
- ²²⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 29. – Л. 173 об.-174.
- ²²⁹ См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 23, 158, 160, 216, 222, 223, 320, 326, 404, 423, 527, 550, 629, 670, 763, 806, 817, 887, 898, 946, 959, 1125, 1179, 1398, 1540, 1587, 1720, 1832, 1833, 1839, 1926, 2096, 2097, 2216, 2300.
- ²³⁰ См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 89, 358, 520, 565, 804, 853, 1231, 1269, 1657, 2223 и др.
- ²³¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 484. – Л. 6-10.
- ²³² РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 1779. – Л. 1-8; ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 484. – Л. 218 об.
- ²³³ См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 327.
- ²³⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 63. – Л. 290 об.
- ²³⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 326-326 об.
- ²³⁶ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1405. – Л. 437 об.; Д. 1638. – Л. 1071; Д. 1941. – Л. 425-425 об.; Д. 2555 - Л. 261; Д. 2903. – Л. 654 об.; Д. 3254. – Л. 602; ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 809. – Л. 69-76.
- ²³⁷ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 31. – Д. 125. – Л. 3-8 об.; Ф. 1554. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 34, 39-40 об.; ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 66. – Л. 66 об.
- ²³⁸ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 979. – Л. 529, 534 об., 91 об., 982; Д. 1783. – Л. 274; Д. 1941. – Л. 104 об., 222 об.-223, 605; Д. 2184. – Л. 272-272 об.; Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 120. – Л. 1-4 об., 8-9; Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. – Т.1. – СПб., 1877. – С. 4-5.
- ²³⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 30. – Л. 299 об.; Д. 32. – Л. 477; Д. 34. – Л. 24.
- ²⁴⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 57. – Л. 79.
- ²⁴¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 186 об.
- ²⁴² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 63. – Л. 61 об.
- ²⁴³ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 120. – Л. 4-4 об., 8.
- ²⁴⁴ См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 870, 998, 1691, 1707, 1857, 1863, 1892, 1899, 2099, 2203.
- ²⁴⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 176 об.-177 об.
- ²⁴⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 48. – Л. 43 об.

-
- ²⁴⁷ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 71, 1708.
- ²⁴⁸ Суворова Н.Г. Указ соч.– С. 205-207.
- ²⁴⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 16. – Л. 25.
- ²⁵⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 284 об., 285 об.
- ²⁵¹ Суворова Н.Г. Указ соч. – С. 205-207.
- ²⁵² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 400 об.
- ²⁵³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 63. – Л. 307, 308; Оп. 8. – Д. 16. – Л. 14.
- ²⁵⁴ ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 92; ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 18. – Л. 331.
- ²⁵⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 179. – Л. 147.
- ²⁵⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 40. – Л. 333, 334.
- ²⁵⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 183 об., 470 об.
- ²⁵⁸ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 1730. – Л. 1-7.
- ²⁵⁹ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 836, 873; ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 59. – Л. 109,110.
- ²⁶⁰ См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 190.
- ²⁶¹ См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 675.
- ²⁶² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 63. – Л. 278 об.-280 об.
- ²⁶³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 60. – Л. 228; Д. 61. – Л. 35 об., 36 об.; Д. 63. – Л. 280 об.-281 об.;
- ²⁶⁴ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 2184. – Л. 905.
- ²⁶⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 61. – Л. 36 об.
- ²⁶⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 602. – Л. 174 об., 191; СЗРИ. – Т.XV. Уложение о наказаниях. – Ст. 1971.
- ²⁶⁷ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 37. – Д. 226. – Л.1-5.
- ²⁶⁸ Имеется в виду только семьи, объединенные одним капиталом.
- ²⁶⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 12, 863; Юрьев В.П. Указ соч. – С.74.
- ²⁷⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 61. – Л. 165 об.-167.
- ²⁷¹ Морякова О.В. Система местного управления при Николае I. – М., 1998. – С. 88, 194-195.
- ²⁷² Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления ... – С.32.
- ²⁷³ ПСЗ-I. – Т.ХХII. – СПб., 1830. - №16188.
- ²⁷⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 6. – Л. 33 об.
- ²⁷⁵ Вычислено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 6. – Л. 31-33 об.; Д.7. – Л. 15 об.; Д. 30. – Л. 170-174; Юрьев В.П. Указ соч. – С.118.

-
- ²⁷⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 7. – Л. 11-11 об., 13 об., 15 об.
- ²⁷⁷ Юрьев В.П. Указ соч. – С.131-132.
- ²⁷⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 34.
- ²⁷⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 6. – Л. 16-16 об.
- ²⁸⁰ Юрьев В.П. Указ соч. – С. 150-152.
- ²⁸¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 16. – Л. 49; Оп. 5. – Д. 1. – Л. 106.
- ²⁸² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 283 об.
- ²⁸³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 647. – Л. 54.
- ²⁸⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 10; Д. 16 – Л. 5–5 об.
- ²⁸⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 193-194.
- ²⁸⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 586, 633 об.
- ²⁸⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 7. – Л. 19 об.–20 об., 34 -35 об.; Д. 9.
- ²⁸⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 16. – Л. 51-51 об.
- ²⁸⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 564 об.-565 об.
- ²⁹⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 16. – Л. 569-570; Д. 17. – Л. 480, Д. 21. – Л. 564 об.-565.
- ²⁹¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 43. – Л. 307.
- ²⁹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 1. – Л. 141-141 об.
- ²⁹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 51. – Л. 68 об.-70; Д. 58. – Л. 90 об.
- ²⁹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 14. – Л. 360.
- ²⁹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 128. – Л. 7
- ²⁹⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 647. – Л. 53 об.
- ²⁹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 654 и др.
- ²⁹⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 48. – Л. 244 об.
- ²⁹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 647. – Л. 54.
- ³⁰⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 22. – Л. 259-259 об.
- ³⁰¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 40. – Л. 59 об.
- ³⁰² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 19. – Л. 3 об.
- ³⁰³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 76 об.; Оп. 8. – Д. 118.
- ³⁰⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 270.
- ³⁰⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 105-106, 153-154.
- ³⁰⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 91.
- ³⁰⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 333 об., 420 об.
- ³⁰⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 17. – Л. 266.
- ³⁰⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 29. – Л. 404-404 об.

-
- ³¹⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 14. – Л. 336.
- ³¹¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 105. – Л. 12.
- ³¹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 246.
- ³¹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 422.
- ³¹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 51. – Л. 14 об. – 15.
- ³¹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 647. – Л. 47 об.-53.
- ³¹⁶ ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 7. – Д. 1.
- ³¹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 7. – Л. 429.
- ³¹⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 17.
- ³¹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 99, 143 об.
- ³²⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 22. – Л. 2.
- ³²¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 24. – Л. 833 об.
- ³²² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 25. – Л. 198 об., 392-393.
- ³²³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 35. – Л. 461.
- ³²⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 411. – Л. 21 об.
- ³²⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 1. – Д. 208.
- ³²⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 627. – Л. 57 об.
- ³²⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 112, 238, 305.
- ³²⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 291.
- ³²⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 29. – Л. 149.
- ³³⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 33. – Л. 101 об.
- ³³¹ См.: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 412.
- ³³² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 567. – Л. 57 об.-58; Д. 648. – Л. 47 об.-48, 54-56 об., 71, 138, 161.
- ³³³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8 – Д. 4; Д. 16. – Л. 29-30 об.
- ³³⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 178.
- ³³⁵ Кизеветтер А. Городовое положение – С. 456-473.
- ³³⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 178.
- ³³⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 295 об.
- ³³⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 51. – Л. 1 об.
- ³³⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 802. – Л. 73.
- ³⁴⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 217 об, 366 об.
- ³⁴¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 29. – Л. 93 об.-94, 125 об.-126.
- ³⁴² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 58. – Л. 119 об., 120 об.

-
- ³⁴³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 647. – Л. 63 об.
- ³⁴⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 616. – Л. 2-2 об., 8, 91.
- ³⁴⁵ ПСЗ-I. – Т. XXXIX. – 1824 г. – № 30115. – Постановление 14.XI.1824 г. «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний».
- ³⁴⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 3. – Л. 85 - 86 об., 102.
- ³⁴⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 412. – Л. 29,30; Д.647. – Л.65-66.
- ³⁴⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 289 об.-298.
- ³⁴⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 289 об.-290.
- ³⁵⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 39. – Л. 144 об.
- ³⁵¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 290 об. – 291.
- ³⁵² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 291 об. – 293.
- ³⁵³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 57. – Л. 64.
- ³⁵⁴ Юрьев В.П. Указ соч. – С. 153-155.
- ³⁵⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 30. – Л. 90 об.
- ³⁵⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 802. – Л. 72,73.
- ³⁵⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 37.
- ³⁵⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 1. – Л. 112 об.
- ³⁵⁹ История Москвы. – М., 1954. – Т. III. – С.323.
- ³⁶⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 1. – Д. 5.
- ³⁶¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 230, 237.
- ³⁶² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 200 об., 201 об.
- ³⁶³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 35. – Л. 312.
- ³⁶⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 647. – Л. 55.
- ³⁶⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 52. – Л. 136-136 об.
- ³⁶⁶ В данную таблицу не включены деньги занятые думой и отданные в течение года; ¼-процентные деньги с капитала, предназначенные исключительно для предоставления ссуд купцам; квартирные деньги, поскольку дума отвечала только за их сохранность. Составлено по: ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 5. – Д. 171; Оп. 6. – Д. 955; Оп. 44. – Д. 259; Оп. 48. – Д. 41; Ф. 630. – Оп. 1 – Д. 5, 34, 97, 109, 155, 156, 208, 248, 272; Оп. 8. – Д. 59, 161, 248, 412, 533, 627, 647, 749, 802; Ф. 711. – Оп. 1. – Д. 55; ВГВ. – 1838. – № 2. – С. 5-6.
- ³⁶⁷ В данном случае берутся среднегодовые показатели за указанный период.
- ³⁶⁸ Кизеветтер А. Городовое положение ... – С. 456-473.
- ³⁶⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 108, 194-195.
- ³⁷⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 67.

-
- ³⁷¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 57-57 об., 62-63.
- ³⁷² ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 61.
- ³⁷³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 46. – Л. 52,53.
- ³⁷⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 47. – Л. 350,468 и др.
- ³⁷⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 567. – Л. 57-58.
- ³⁷⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 648. – Л. 51.
- ³⁷⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 58. – Л. 90 об.
- ³⁷⁸ Высчитано по: Общественное устройство и хозяйство городов. – Т.1. – СПб., 1859; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи на 1847 г. – СПб., 1852; Статистический Временник Российской империи. – Т. I. – СПб., 1866; Статистический Временник Российской империи. – Вып. I. – Ч. II. – СПб., 1871.
- ³⁷⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 567. – Л. 60-60 об.
- ³⁸⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 46. – Л. 52,53.
- ³⁸¹ Кизеветтер А. Городовое положение ... – С. 464; Общественное устройство города Риги. Исследования ревизионной комиссии. – СПб., 1852. – Т.1 – С. 434-438.
- ³⁸² РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1941. – Л. 223.

Глава II

- ¹ Кириллов В.В. Русское градостроительство на переходе от средневековья к Новому времени // РГ. – Вып. 8. – М., 1986. – С. 3-30.
- ² РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1-3.
- ³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 16. – Л. 26 об., 365 об.; Д. 21. – Л. 571-572.
- ⁴ Хитрово Н.З. Отрывок из моего журнала, писанного в Вятке 1811 года // Исторический, статистический и географический журнал. – 1825. – Ч.1. – Кн.1. – С.154-155.
- ⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 223 об. – 224.
- ⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 63. – Л. 189 об. – 190.
- ⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 60. – Л. 366, 367.
- ⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 6. – Л. 13, 15.
- ⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 7. – Л. 33-33 об., 52; Д. 16. – Л. 92.
- ¹⁰ РГАДА. – Ф. 1289. – Оп. 3. – Д. 58982. – Л. 9.
- ¹¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 7. – Л. 86 об.-87.
- ¹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 290; Оп. 8. – Д. 7. – Л. 87.
- ¹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 18. – Л. 346 об.; Оп. 8. – Д. 6. – Л. 19-20; Д. 7. – Л. 94, 103-103 об.; Д. 15. – Л. 12, 59-59 об., 64, 202 об., 215, 345.

-
- ¹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 24. – Л. 114-115; Д. 35. – Л. 215; Тинский А. Улицы. Площади. Дома. Вятка. Страницы истории. – Киров, 1999. – С. 97.
- ¹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 422 об.
- ¹⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 15. – Л. 203, 215 об.-217 об., 323-324, 345-345 об., 363, 381.
- ¹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 18. – Л. 346 об.; Оп. 8. – Д. 15. – Л. 154-155, 165-172, 177-178, 194-194 об., 329-331; Д. 36. – Л. 138.
- ¹⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 7. – Л. 71-71 об., 83 об.
- ¹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 36. – С. 139 об.-140, 142.
- ²⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 15. – Л. 362.
- ²¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 7. – Л. 130 об. – 131 об., 159, 328 об., 375 об.
- ²² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 493 об.; Д. 14. – Л. 171 об.; Д. 21. – Л. 408 об.-409, 437 об.
- ²³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 23. – Л. 194 об.-195; Д. 24. – Л. 572-573; Д. 27. – Л. 161; Д. 28. – Л. 204-205.
- ²⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 77-83 об.; Д. 8. – Л. 138 об.; Д. 9. – Л. 437; Д. 11. – Л. 375-377, 397-399, 454, 454 об ; Д. 12, 14; Оп. 8 – Д. 16. – Л. 51 об.-52.; Д. 36. – Л. 50 об.-51 об., 94-94 об., 163; РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1783. – Л. 503.
- ²⁵ Тинский А.Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII-XIX веках. Киров, 1976. – С. 123.
- ²⁶ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 31 – Д. 1430. – Л. 16, 18 об., 19 об.
- ²⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 138 об.; Д. 9. – Л. 437; Д. 11. – Л. 375-377, 397-399, 454, 454 об ; Д. 12, 14.
- ²⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 746. – Л. 1-3 об., 30.
- ²⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 46. – Л. 70 об.
- ³⁰ Тинский А.Г. Планировка и застройка ... – С. 124.
- ³¹ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 5. – Д. 1484. – Л. 36.
- ³² РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 2184. – Л. 961 об-962 об.
- ³³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 9. – Л. 417.
- ³⁴ Тинский А.Г. Планировка и застройка ... – С. 119.
- ³⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 22. – Л. 170 об.-171 об.
- ³⁶ История местного самоуправления на Урале в XVIII - начале XX в.: город, село, деревня. – Екатеринбург, 1999. – С.39.
- ³⁷ Цит. по: Тинский А.Г. Планировка и застройка ... - С. 120.

-
- ³⁸ СЗРИ. – Т. XII. – Ст. 285.
- ³⁹ Коновалов И.А. Указ. соч. – С. 24; Пульхеров А. Указ. соч. – С. 24-26 и др.
- ⁴⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 235 об., 251 об.-252.
- ⁴¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 263 об.-264; Оп. 8. – Д. 237. – Л. 1-1 об., 15-15 об.
- ⁴² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 40. – Л. 110 об., 111 об.
- ⁴³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 401 об.-402.
- ⁴⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 237. – Л. 41.
- ⁴⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 237. – Л. 49.
- ⁴⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 237. – Л. 53.
- ⁴⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 237. – Л. 31.
- ⁴⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 43. – Л. 198 об.-199.
- ⁴⁹ ГАРФ. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 34. – Л. 15.
- ⁵⁰ Каменьский Г. Указ соч. - С. 434.
- ⁵¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 474. – Л. 14 об.
- ⁵² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 61. – Л. 256 об. – 257 об.
- ⁵³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 474. – Л. 15 об.; Тинский А.Г. Планировка ... – С. 125.
- ⁵⁴ ГАРФ. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 34. – Л. 15 об.
- ⁵⁵ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1941. – Л. 605 и др.
- ⁵⁶ История Москвы. – М., 1954. - Т. III. – С. 331.
- ⁵⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 18. – Л. 85-86 об.
- ⁵⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 19. – Л. 162 об.
- ⁵⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 173.
- ⁶⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 22. – Л. 160 об. – 161.
- ⁶¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 46. – Л. 360 об., 362.
- ⁶² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 15. – Л. 217 об.
- ⁶³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 326, 327, 356 об.-357 об., 390, 424 об.-425.
- ⁶⁴ История местного самоуправления на Урале ... - С. 38.
- ⁶⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 459; Д. 29. – Л. 97 об.
- ⁶⁶ Тинский А.Г. Планировка и застройка ... – С. 124-125.
- ⁶⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 22. – Л. 170 об.-171 об.
- ⁶⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 23. – Л. 160-161.
- ⁶⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 9. – Л. 417.
- ⁷⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 266.

-
- ⁷¹ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 3254. – Л. 538 об.
- ⁷² ГАРФ. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 34. – Л. 15-15 об.
- ⁷³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 43. – Л. 70 об.
- ⁷⁴ Каменьский Г. Указ соч. – С. 168.
- ⁷⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 271-272.
- ⁷⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 620. – Л. 56 об.
- ⁷⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 73 об.-74, 114-115; Д. 9. – Л. 196; Д. 11. – Л. 144-145; Д. 16. – Л. 307-307 об.; Оп. 8. – Д. 36. – Л. 113
- ⁷⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 16. – Л. 355-355 об.
- ⁷⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 16. – Л. 650.
- ⁸⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 309 об.
- ⁸¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 240 об.
- ⁸² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 514.
- ⁸³ ГАРФ. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 34. – Л. 15 об.
- ⁸⁴ Коновалов И.А. Указ. соч. – С. 26-27 и др.
- ⁸⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 24. – Л. 62-62 об., 104 об.
- ⁸⁶ ПСЗ-П. – Т. XXIII. – №22484.
- ⁸⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 486. – Л. 43, 48, 86.
- ⁸⁸ Куприянов А.И. Городское хозяйство Западной Сибири в первой половине XIX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. – Новосибирск, 1984. – С. 82.
- ⁸⁹ Тинский А.Г. Планировка и застройка ... – С. 134-135.
- ⁹⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 53. – Л. 137-138.
- ⁹¹ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 32. – Д. 872. – Л. 1-3.
- ⁹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 36. – Л. 151 об.-152 об.
- ⁹³ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1941. – Л. 536, Д. 2903. – Л. 683, Д. 3554. – Л. 253.
- ⁹⁴ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 3554. – Л. 253; ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 36. – Л. 151 об.-152 об.
- ⁹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 643-644, 744.
- ⁹⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 16. – Л. 406 об., 636.
- ⁹⁷ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 3554. – Л. 255.
- ⁹⁸ РГИА. – Ф. 1554. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 40 об.
- ⁹⁹ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1182. – Л. 235 об.
- ¹⁰⁰ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1638. – Л. 1061; Д. 1783. – Л. 475; Д. 3254. – Л. 596 об.
- ¹⁰¹ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 34. – Д. 770. – Л. 6 об.

-
- ¹⁰² РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 34. – Д. 770. – Л. 2-2 об., 28.
- ¹⁰³ Милашевич Н. Об общественных пожарных командах. – СПб., 1862. – С. 10-12.
- ¹⁰⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 64.
- ¹⁰⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 201 об.
- ¹⁰⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 369-369 об.
- ¹⁰⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 762. – Л. 1, 3-6.
- ¹⁰⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 25. – Л. 169.
- ¹⁰⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 272, 296 об.
- ¹¹⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 444-446; Д. 14. – Л. 439, 440-440 об.
- ¹¹¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 440. – Л. 1-18.
- ¹¹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 62; Д. 41. – Л. 30 об.; Оп. 8. – Д. 684. – Л. 35.
- ¹¹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 56. – Л. 613 об.; Д. 70. – Л. 175 об.
- ¹¹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 49. – Л. 61.
- ¹¹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 107. – Л. 1-5.
- ¹¹⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 32. – Л. 592 об.
- ¹¹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 41. – Л. 17 об.
- ¹¹⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 61. – Л. 141 об. – 142.
- ¹¹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 53. – Л. 118-119.
- ¹²⁰ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 3254. – Л. 537 об.-538 об.
- ¹²¹ Савельев М. Столетие городского самоуправления в Н.Новгороде. – Н.Новгород, 1885. – С. 24.
- ¹²² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 809. – Л. 37 об.
- ¹²³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 10 об.-11, 31 об.
- ¹²⁴ Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г. – СПб., 1830. – С. 15.
- ¹²⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 131. – Л. 1.
- ¹²⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 131. – Л. 3.
- ¹²⁷ Яковлев П. Поездка в Вятку // Календарь муз на 1826 г. – С. 154-155, 170-171.
- ¹²⁸ РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 3. – Д. 112. – Л. 1-2 об.
- ¹²⁹ См.: РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 8. – Д. 293.
- ¹³⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 43. – Л. 243 об.
- ¹³¹ Тинский А.Г. Планировка и застройка ... – С. 128-129, 131.
- ¹³² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 436. – Л. 1-1 об., 8.
- ¹³³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 53. – Л. 88.

-
- ¹³⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 60. – Л. 344 - 344 об.; Д. 63. – Л. 45 об.- 47 об.
- ¹³⁵ Коновалов И.А. Указ. соч. – С. 24.
- ¹³⁶ Каменьский Г. Указ соч. - С. 282.
- ¹³⁷ ГАРФ. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 34. – Л. 15 об.-16.
- ¹³⁸ Тинский А.Г. Планировка и застройка ... – С. 132; РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 39. – Д. 2291.
- ¹³⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 55. – Л. 494 об.
- ¹⁴⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 66. – Л. 303 об.
- ¹⁴¹ Дитятин И. Устройство и управление городов в России. – Ярославль, 1877. – Т. II - С. 229-230.
- ¹⁴² История местного самоуправления на Урале ... - С. 38.
- ¹⁴³ История местного самоуправления на Урале ... – С. 39.
- ¹⁴⁴ Яковлев П. Поездка в Вятку // Календарь муз на 1826 г. – СПб., 1826. – Л. 154-155, 170-171.
- ¹⁴⁵ Очерки истории Ленинграда. – Т. 1. – М.-Л., 1955. – С. 629.
- ¹⁴⁶ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 2184. – Л. 905 и др.
- ¹⁴⁷ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 3254. – Л. 536 об.-537.
- ¹⁴⁸ Рындзынский П.Г. Городское гражданство ... - С. 395.
- ¹⁴⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 49. – Л. 188-189; Оп. 8. – Д. 567. – Л. 58 об.; Ф. 711. – Оп.1. – Д. 6. – Л. 9 об., 14 об.-15 и др.
- ¹⁵⁰ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 2184. – Л. 961 об.-962 об. и др.
- ¹⁵¹ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 5. – Д. 906. – Л. 1-1 об., 51.
- ¹⁵² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 448. – Л. 76-78, 147-149, 152 и др.
- ¹⁵³ Куприянов А.И. Городское хозяйство ... – С. 84; Туманик Е.Н. Роль А.Н.Муравьева в преобразовании городского хозяйства Иркутска // Проблемы истории местного управления Сибири XVIII-XX вв. – Вып. 2. – Новосибирск, 1997. – С. 35-36.
- ¹⁵⁴ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 2184. – Л. 963; Ф. 1287. – Оп. 5. – Д. 1358, 1374; Оп. 31. – Д. 330, 417, 1430, 1455, 1489, 1600, 2013; Оп. 32. – Д. 232; Оп. 39. – Д. 188, 268 и др.; ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 12. – Л. 57; Д. 21. – Л. 291, 425-426, 484; Д. 34. – Л. 89.
- ¹⁵⁵ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1941. – Л. 530; Д. 2184. – Л. 1026 об.
- ¹⁵⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 441. – Л. 13 об.-14.
- ¹⁵⁷ История местного самоуправления на Урале ... – С. 37.

-
- ¹⁵⁸ Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г. – СПб., 1830. – С. 3, 15, 49 и др.
- ¹⁵⁹ Куприянов А.И. Русский город ... - С. 20.
- ¹⁶⁰ История местного самоуправления на Урале ... – С. 38.
- ¹⁶¹ Куприянов А.И. Городское хозяйство ... – С. 81.
- ¹⁶² Куприянов А.И. Русский город ... - С. 21-22.
- ¹⁶³ ГАКО. - Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 737. – Л. 9.
- ¹⁶⁴ Сазонова Е.И. Материальная культура и быт русского провинциального города конца XVIII- начала XX в. (на примере городов Владимирской и Ярославской губерний). – Ярославль, 2002. - С.17.
- ¹⁶⁵ Карнишина Н.Г. Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (середина 50-х-80-е гг. XIX века). – Автореф. дисс. – М., 2001.
- ¹⁶⁶ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. – М., 1909. – С. 456.
- ¹⁶⁷ Высчитано по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 36. – Л. 151 об.-152 об.; РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 3554. – Л. 270.
- ¹⁶⁸ РГАДА. – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 1-3; Д. 1106. – Л. 8-8 об., 24-58.
- ¹⁶⁹ Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России. – М., 1987. – С. 251.
- ¹⁷⁰ Там же. – С. 252-253.
- ¹⁷¹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I ... – С.418.
- ¹⁷² Брянцев М.В. «Третье сословие» ...- С. 98.
- ¹⁷³ ПСЗ-1. – Т. XXII. - №16188. – Ст. 167, 169.
- ¹⁷⁴ Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. - М.: Наука, 1967. – С. 302; Луппов П.Н. История г.Вятки. – Киров, 1958. – С.162-170.
- ¹⁷⁵ Бурова Т. Правосознание российского общества второй половины XVIII в. – Арзамас, 2000. – С.19-22; Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Оренбургской губернии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. – Оренбург, 2001. – С.19-20; Клокман Ю. Указ соч. - С. 78 и др.
- ¹⁷⁶ Миронов Б.Н. Русский город ... - С. 226, 228.
- ¹⁷⁷ Миронов Б.Н. Хлебные цены ... С. 170-171.
- ¹⁷⁸ Юрьев В.П. Указ. соч. – С. 14-18.
- ¹⁷⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 567. – Л. 57, 60-60 об.; Брянцев М.В. «Третье сословие» ...- С. 97, 100, 103; Рындзюнский П.Г. Городское население ... - С. 310.
- ¹⁸⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 56 об.-57, 62-62 об.

-
- ¹⁸¹ РГАДА. – Ф. 817. – Оп. 2. – Д. 39. – Л. 4, 12.
- ¹⁸² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 43.
- ¹⁸³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 36. – Л. 52-53.
- ¹⁸⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 78.
- ¹⁸⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 36. – Л. 68 об.-71 об., 75 об.
- ¹⁸⁶ РГИА. – Ф. 1537. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 117 об.
- ¹⁸⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 5. – Л. 28 об-29.
- ¹⁸⁸ Рындзюнский П.Г. Городское население ... - С. 292.
- ¹⁸⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 620. – Л. 52.
- ¹⁹⁰ Рындзюнский П.Г. Городское население ... - С. 286-287.
- ¹⁹¹ Там же. – С. 312.
- ¹⁹² Там же. – С. 297.
- ¹⁹³ ПСЗ-I. – Т. XXXII. – 1812-1815 гг. – №24992, 25302.
- ¹⁹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 164-164 об., 172-174; Д. 21. – Л. 380 об.-381; Оп. 8. – Д. 95. – Л. 10-15.
- ¹⁹⁵ ПСЗ-I. – Т. XXXIX. – 1824 г. – № 30115.
- ¹⁹⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 62 об.
- ¹⁹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 12 об., 41 об.-43, 91.
- ¹⁹⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 287 об. – 294; Д. 28. – Л. 176-177 об.
- ¹⁹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 139-140.
- ²⁰⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 30.
- ²⁰¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 166-168.
- ²⁰² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 617. – 1-2 об., 33-33 об.
- ²⁰³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 380. – Л. 9-16.
- ²⁰⁴ См.: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 5.
- ²⁰⁵ См.: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 33.
- ²⁰⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 272. – Л. 30.
- ²⁰⁷ РГИА. – Ф. 1263. – Оп.1. – Д. 2555. – Л. 222.
- ²⁰⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 71. – Л. 1-2 об., 38-38об.
- ²⁰⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 99; Оп. 8. – Д. 71. –Л. 53-54.
- ²¹⁰ Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М., 2002. – С. 156-157.
- ²¹¹ Рындзюнский П.Г. Городское население ... - С. 295- 296.
- ²¹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 382 об.-383.
- ²¹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 48. – Л. 27 об.

-
- ²¹⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 355. – Л. 12-16; Д. 455. – Л. 1.
- ²¹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 17. – Л. 145-149.
- ²¹⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 31 об.-32; Д. 28. – Л. 293 об.
- ²¹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 28. – Л. 57-57 об.
- ²¹⁸ ГАКО. – Ф. 582. – Оп.48. – Д. 548. – Л. 117; Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 14. – Л. 312 об., 360; Д. 19. – Л. 337; Оп. 8. – Д. 49, 128, 346 и др.
- ²¹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 56. – Л. 556 об.; Оп. 8. – Д. 487. – Л. 1-4, 89, 109 и др.
- ²²⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 10.
- ²²¹ Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). – Л., 1985.– С. 74-75.
- ²²² Столетие Вятской губернии. 1780-1880. – Т.1. – Вятка, 1881. – Л. 275.
- ²²³ ПСЗ-I. – Т. XXVII. – 1802-1803 гг. – №20224.
- ²²⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 48. – Л. 15-15 об., 36; Д. 51.
- ²²⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 50.
- ²²⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп.5. – Д. 28. – Л. 155 об.; Д. 29. – С. 231, 385 и др.
- ²²⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 8. – Л. 194 об.; Оп. 8. – Д. 62.
- ²²⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп.5. – Д. 48. – Л. 337 об.
- ²²⁹ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1941. – Л. 429.
- ²³⁰ Судовиков М.С. Численность, происхождение и деятельность вятского купечества в конце XVIII в. // История и культура Волго-Вятского края. – Киров, 1994. – С. 140.
- ²³¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 9. – Л. 482, 505.
- ²³² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 9. – Л. 526 об., 530 об., 534 об.
- ²³³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 17. – Л. 470.
- ²³⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 567. – Л. 61-61 об.
- ²³⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 708. – Л. 4-4 об., 19, 27-28 об., 50, 55.
- ²³⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 42.
- ²³⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 36. – Л. 115-116; Д. 40.
- ²³⁸ Рындзюнский П.Г. Городское население ... - С. 302.
- ²³⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 36. – Л. 40-41.
- ²⁴⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 5. – Л. 205 об.-206.
- ²⁴¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 588. – Л. 29-29 об.
- ²⁴² Амплеева Т.Ю. Реформа местного управления последней четверти XVIII в. – М., 1997. – С. 101-102.
- ²⁴³ Миронов Б.Н. Русский город ... - С. 127, 228-229, 232.

-
- ²⁴⁴ Город в процессах исторических переходов. – М., 2001. – С. 258-259.
- ²⁴⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 567. – Л. 57, 60-60 об. .
- ²⁴⁶ Буланков В.В. Позднефеодальный сибирский город. – Красноярск, 1998. – С. 29.
- ²⁴⁷ РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 34. – Д. 1687. – Л. 1, 5-7 об.; ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 648. – Л. 54-56 об., 71, 100, 124-127, 138-140, 161.
- ²⁴⁸ Рындзюнский П.Г. Городское население ... - С. 305-307.
- ²⁴⁹ Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. – Томск, 1996. – С. 218; Куприянов А.И. Общественный быт горожан Западной Сибири. – Новосибирск, 1987. – С. 8; Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. – Иркутск, 2001. - С. 158.
- ²⁵⁰ ПСЗ-I. – Т. XX. – 1775-1780 гг. – № 14392. – Ст. 380, 382.
- ²⁵¹ Луппов П.Н. Указ.соч. – С. 190.
- ²⁵² Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII-XIX вв. – Томск, 1996. –С. 220-221.
- ²⁵³ Луппов П.Н. Указ.соч. – С. 192.
- ²⁵⁴ Сычугов С.И. Записки бурсака. – М.-Л., 1933.– С. 70 и др.
- ²⁵⁵ Из записок преосв. Никодима Казанского // ТВУАК. – Вып. I-II. – Отд. III. – С. 68-70; Сычугов С.И. Указ.соч. – С. 50-85; Куприянов А.И. Русский город С. 67.
- ²⁵⁶ О грамотности и нравственном образовании // ВГВ. – Часть неофиц. – 1858. - № 23. – С.152.
- ²⁵⁷ Луппов П.Н. Указ. соч. – С. 189-190.
- ²⁵⁸ История местного самоуправления ... - С. 42.
- ²⁵⁹ Юрьев В.П. Указ.соч. – С. 166-167.
- ²⁶⁰ Истрия местного самоуправления... - С. 43.
- ²⁶¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 70. – Л. 1-1 об., 4.
- ²⁶² См.: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 61.
- ²⁶³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 127. – Л. 1-1 об.
- ²⁶⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 22. – Л. 69.
- ²⁶⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 16. – Л. 511 об.-512; Д. 22. – Л. 69.
- ²⁶⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 47. – Л. 35 об
- ²⁶⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 64. – Л. 26 об.-27 об.; Д. 65. – Л. 292 об.
- ²⁶⁸ ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 50. – Д. 53. – Л. 1; Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 151. – Л. 4.
- ²⁶⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 70. – Л. 162 об.-163.
- ²⁷⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 24. – Л. 548 об. – 549 об., 779-780, 831-832 об.
- ²⁷¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 39. – Л. 95 об.-97 об.

-
- ²⁷² ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 49. – Д. 68. – Л. 174 об.-175; Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 343. – Л. 2 об., 3 об., 19, 30 об.
- ²⁷³ ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 50. – Д. 53. – Л. 1.
- ²⁷⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 12. – Л. 87-87 об.
- ²⁷⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 82. – Л. 1-2 об., 7-7 об.
- ²⁷⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 16. – Л. 21, 173 об.
- ²⁷⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 41. – Л. 235 об., 236 об.
- ²⁷⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 384. – Л. 1-5, 25 об.-26 об.
- ²⁷⁹ Куприянов А.И. Русский город С. 69.
- ²⁸⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 273. – Л. 1-4.
- ²⁸¹ Лупшов П.Н. Указ.соч. – С. 192.
- ²⁸² Куприянов А.И. Русский город С. 73-74.
- ²⁸³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 64. – Л. 228 об.-229.
- ²⁸⁴ С. Заметки о необходимости женских училищ в Вятке и Вятском крае. // ВГВ. – Часть неофиц. – 1858. - № 27. – С. 175.
- ²⁸⁵ Местные известия // ВГВ. – Часть неофиц. – 1858. - № 45. – С. 290-291.
- ²⁸⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 602. – Л. 58-63, 258-259, 284-316, 327-331 об.
- ²⁸⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 273. – Л. 1.
- ²⁸⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 369. – Л. 2-2 об., 6.
- ²⁸⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 369. – Л. 42.
- ²⁹⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 744. – Л. 1-3.
- ²⁹¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 741. – Л. 1, 8.
- ²⁹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 739. – Л. 1.
- ²⁹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 802. – Л. 96.
- ²⁹⁴ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 3254. – Л.226.
- ²⁹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 754. – Л. 7.
- ²⁹⁶ Вычислено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 749; Статистический Временник РИ. – СПб., 1866. – Т.1.
- ²⁹⁷ Куприянов А.И. Русский город С. 67.
- ²⁹⁸ Там же. – С. 69.
- ²⁹⁹ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1783. – Л. 511-511 об.; Д. 3254. – Л. 552 об.-553 и др.
- ³⁰⁰ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1638. – Л. 1087-1087 об.
- ³⁰¹ РГАДА. – Ф. 817. – Оп. 1. – Д. 541. – Л. 1-6, 17, 25, 28.
- ³⁰² Столетие Вятской губернии. 1780-1880. – Вятка, 1881. – Т.1. – С. 270-271.

-
- ³⁰³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 266-267.
- ³⁰⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 12. – Л. 564.
- ³⁰⁵ ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 44. – Д. 39. – Л. 5.
- ³⁰⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 14. – Л. 9-9об., 14, 53, 57, 121 – 121 об.
- ³⁰⁷ История местного самоуправления ... - С. 44.
- ³⁰⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 47-47 об., 63 об.-64.
- ³⁰⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 266-267.
- ³¹⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 187-190.
- ³¹¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 387, 587, 628.
- ³¹² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 267 об.-268; Д. 23. – Л. 118.
- ³¹³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 313-314 об., 349 об.
- ³¹⁴ ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 44. – Д. 39. – Л. 67.
- ³¹⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 107-107 об.
- ³¹⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 18. – Л. 165, 323.
- ³¹⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 24 об., 70.
- ³¹⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 35. – Л. 275 об.
- ³¹⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 151 об., 179 об.
- ³²⁰ См.: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 1. – Д. 66.
- ³²¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 184 об.-185.
- ³²² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 297.
- ³²³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 187-190.
- ³²⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 267 об.-268.
- ³²⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 21. – Л. 150.
- ³²⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 23-24.
- ³²⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 187-190.
- ³²⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 46 об.
- ³²⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 17. – Л. 154-157.
- ³³⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 245-245 об., 248.
- ³³¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 20. – Л. 267 об.-268, 297 об.
- ³³² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 22. – Л. 349.
- ³³³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 23. – Л. 113-114.
- ³³⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 466.
- ³³⁵ Отрывки из дневника 20-х гг. XIX в. // ТВУАК. – 1913. – Ч. III. – С. 22-32.
- ³³⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 152. – Л. 1-9.

-
- ³³⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 5 об.
- ³³⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 35. – Л. 331 об.
- ³³⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 522 об.
- ³⁴⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 251. – Л. 21.
- ³⁴¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 44. – Л. 131 об.
- ³⁴² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 9. – Л. 443, 529.
- ³⁴³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 17-18, 333.
- ³⁴⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 17-18.
- ³⁴⁵ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 128.
- ³⁴⁶ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 65. – Л. 178 об.
- ³⁴⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 39. – Л. 82 об. – 85 об.
- ³⁴⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 47. – Л. 113 об.-114 об.
- ³⁴⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 297.
- ³⁵⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 31. – Л. 205-206, 257 об.-258.
- ³⁵¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 27. – Л. 339; Д.28. – Л.73.
- ³⁵² ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 63. – Л. 105 об. – 106; Д. 66. – Л. 239 об.-240.
- ³⁵³ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 328.
- ³⁵⁴ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 432. – Л. 1-2.
- ³⁵⁵ ГАРФ. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 34. – Л. 7.
- ³⁵⁶ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 3554. – Л. 223-223 об.
- ³⁵⁷ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 703.
- ³⁵⁸ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 39. – Л. 82 об.-85 об.
- ³⁵⁹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 48. – Л. 62, 92; Оп. 8. – Д. 293. – Л. 1, 7-7 об.
- ³⁶⁰ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 60. – Л. 284 об.-285.
- ³⁶¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 703. – Л. 62, 82, 95.
- ³⁶² История Москвы. – М., 1954. – Т.Ш. – С. 323.

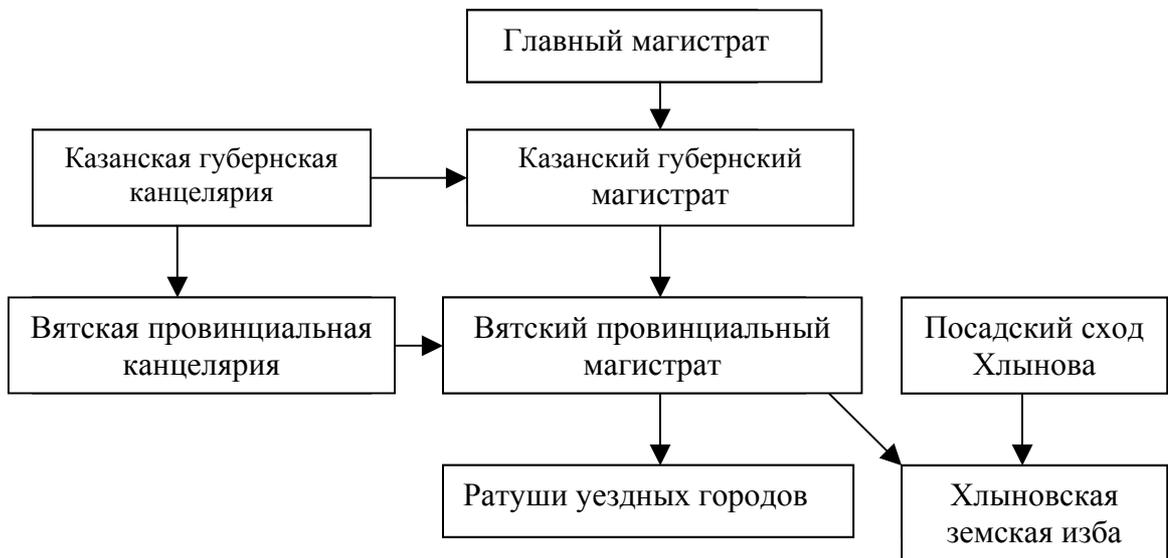
Заключение

¹ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // ОИ. – 2001. - № 3. – С. 3-35.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Схема управления Вятской провинции (1745-1775 гг.)

Приложение 2

Схема общественного управления городов по Городовому положению 1785 г.

(без судов и комиссии по составлению обывательской книги)

Приложение 3

Схема общественного управления г.Вятки в первой половине XIX в.

Общественные городские службы (1785-1804 гг.)¹

И и II гильдия	III гильдия,	мещанство	Серебряных дел ремесленники
городской голова	заседатели палат уголовного и гражданского суда		ремесленный голова
бургомистр			ремесленный старшина
Ратман			
заседатель в губернском магистрате			
судья словесного суда			
гласный			
Заседатель совестного суда			старшинский товарищ
	смотритель за неуказной торговлей		маклер в ремесленной управе
	депутат при сочинении городской обывательской книги		
	окладчик и сборщик податей		
оценщик		квартирмистр	
	сборщик поземельных денег (с 1799 г.)		пробирный мастер при серебряной палате
	смотритель за общественными весами		
	сотник при управе благочиния		
	купецкий староста	Свидетель у публичного нотариуса у протестов по векселям	
		мещанский старшина	
		хлебный и калашный староста	
		мясной и рыбный староста	
		сторож (в словесном суде, у мещанских дел, в городском магистрате и думе, при кладбище)	
		россыльщик (в городском магистрате, у мещанских дел, в словесном суде, в думе)	
		у разбирательства архивов магистрата	
		десятник при управе благочиния	
		фатермистр в управе благочиния	
		капрал в магистрате	
		трубочист	

¹ ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 3. – Д. 1.; Оп. 5. – Д. 2, Оп. 8. – Д. 863.

Выборы в думу 1811-1871 гг.²

Годы	Выборы городского головы		выборы гласных					
			купцов		цехов		мещан	
	кандидатов	выбирающих	кандидатов	выбирающих	Кандидатов	выбирающих	кандидатов	выбирающих
1811-13	*** ³	***	5	18	3	27	5	42
1818-20	7	114	4	18	4	29	6	40
1821-23	***	***	2	22	6	35	3	61
1824-26	3	104	2	19	2	9	5	27
1827-29	6	102	2	100	2	22	4	57
1833-35	6	115	2	115	2	115	2	115
1836-38	4	114	2	108	2	108	4	108
1839-41	5	156	2	135	2	135	4	135
1842-44	3	120	2	137	2	137	4	137
1851-53	6	152	3	58	3	36	6	68
1854-56	6	193	3	63	3	72	6	98
1857-59	8	110	3	44	3	36	6	113
1860-62	6	211	2	50	33	84	6	60
1869-71	5	187	2	57	3	36	2	44

Посещаемость заседаний думы и частота их проведения⁴

Год	Среднее число заседаний думы в мес.	Число заседаний думы в год	Всего избрано в думу	Среднее число заседающих на одном заседании	Среднее число присутствующих на заседаниях/ мес.
1795	2,1	25	6	5,5	11,6
1800	11,1	133	7	3,4	37,7
1805	14,2	171	6	5,2	73,8
1810	12,6	152	6	---	---

² ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 1. – Д. 2, 5; Ф. 630. – Оп. 3. – Д. 6, 8; Оп. 8. – Д. 99, 106, 121, 136, 200, 225, 265, 327, 387, 483, 560, 612, 796.

³ *** - сведений не имеется

⁴ Вычислено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6, 11.; Оп. 8. – Д. 6, 36.

Число журнальных записей (1829 г.)⁵

интересы	Рассматриваемые вопросы	Число журнальных записей	
		Абс.	Отн.
Городские интересы	1. Городские доходы, финансовый контроль и отчетность	409	20,2 %
	2. благоустройство	42	2 %
	4. сословные вопросы	86	4,3 %
	5. общественные выборные службы и наемные должности, внутренние вопросы думы	203	10 %
	6. социальные вопросы (училище, больница, богадельня)	182	9 %
	7. торговые вопросы	73	3,6 %
	Итого	995	49,2 %
Государственные интересы	8. указы «для сведения»	350	17,3 %
	9. подати	323	16 %
	10. информация для других учреждений	19	0,9 %
	11. вопросы полиции, острога, арестантов, жандармерии, батальона, рекрут	336	16,6 %
	Итого	1028	50,8 %
Всего:		2023	100 %

⁵ Вычислено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 34, 35.

**Пересечение функций местных органов управления и самоуправления
в городских делах в законодательстве 1775-1785 гг.**

Органы власти	Функции		
	административно-полицейские и судебные	хозяйственно-экономические	сциально-культурные
Губернатор и губернское правление	<ul style="list-style-type: none"> - управляют губернией; - обнародывают указы, законы, повеления; - следить за исполнением этих узаконений; - губернатор имеет право предоставлять градскому обществу и думе разные предложения 	<ul style="list-style-type: none"> - генерал-губернатор обязан предупреждать могущий быть в его губернии всякий недостаток в нужных для жителей припасов, как то в хлебе, соли и проч. 	
Управа благочиния (полиция) и комендант (городничий)	<ul style="list-style-type: none"> - сохраняет в городе благочиние, добронравие и порядок; - поощряет всех к трудолюбию и порядочному житию; - контролирует правильное исполнение законов; - в случае прохождения войсковых команд через город, городничий должен отвести квартиры; - при необходимости распоряжается об отведении в городских выгонах места воинским командам для лошадей в летнее время 	<ul style="list-style-type: none"> - следит за исправностью в городе мостов, переправ и улиц, а также за их чистотой; в случае неисправности требует их исправления; - в делах, касающихся до мостов, улиц и дорог управа благочиния подчиняется губ.правлению - наблюдает в городе за состоянием казенных строений; - наблюдает за неуказной торговлей; - имеет сведения о торговых ценах; - контролирует правильность мер и весов; - осуществляет пожарную охрану города и тушение пожаров 	<ul style="list-style-type: none"> - предпринимает первые шаги к ограждению горожан при появлении заразных болезней и сообщает об этом губернской администрации; - то же – при падеже скота; - городничий имеет особое попечение в прокормлении нищих и убогих в городе;
Казенная палата	<ul style="list-style-type: none"> - составляет ревизские сказки; - осуществляет сбор сведений о приходе и расходе средств городских органов и их проверку; - следит, чтобы с народа не собирались запрещенные сборы; - проводит узаконенные сборы и наблюдает за налоговыми поступлениями; - осуществляет финансового контроля 	<ul style="list-style-type: none"> - наблюдает над казенными и общественными строениями в губернии; - заведует государственным имуществом; - надзирает за торговлей и промышленностью 	

Продолжение Прил. 8.

<p>Приказ общественного призрения</p>			<p>Управляет местными школами, сиротскими домами, больницами, богадельнями и др. благотворительными учреждениями, «работными» и «смирительными» домами, домами для сумасшедших</p>
<p>Городовой магистрат</p>	<ul style="list-style-type: none"> - проводит судебные разбирательства по иску или жалобе горожан или органов власти; - представляет о городских нуждах и недостатках губ.магистрату и губ.правлению; - доносит о всех противозаконных службах и сборах в городе губ.магистрату и Сенату; - исполняет законные требования думы, в разных делах «подают друг другу руку помощи»; 	<ul style="list-style-type: none"> - контролирует меры и весы в городе; 	
<p>Городская дума</p>	<ul style="list-style-type: none"> - сохраняет в городе мир, тишину и доброе согласие; - сохраняет город от ссор и тяжб с другими городами; - Разрешает всякие сомнения по ремеслам и гильдиям, охранять Городовое и Ремесленное положение и наблюдать за точностью их исполнения - не имеет права вмешиваться во всякие судные дела 	<ul style="list-style-type: none"> - контролирует меры и весы в городе - старается о приращении городских доходов - поощряет привоз в город всего необходимого для продажи; - обеспечивает продовольствием - наблюдает за прочностью городских зданий, стараться о постройке всего необходимого для города (площадей, амбаров, пристаней и пр.) 	<ul style="list-style-type: none"> - общество должно обеспечивать из городских доходов казенные школы в городе;

Приложение 9

Эффективность работы думы 1795-1856 гг. (по журналам думы)⁶

год	решаемость дел	Кол-во дел		Решено полностью		Решено частично		не решено	
	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1795	78,6	7	100	5	71,4	1	14,3	1	14,3
1800	70,1	27	100	16	59	6	22,2	5	18,5
1805	76,7	30	100	20	66,7	6	20	4	13,3
1810	84,4	32	100	24	75	6	18,8	2	6,3
1816	75	32	100	19	59,4	10	31,3	3	9,4
1820	81,8	22	100	16	72,7	4	18,2	2	9,1
1826	80,3	38	100	25	65,8	11	28,9	2	5,3
1829	87,7	53	100	41	77,4	11	20,8	1	1,9
1835	74,1	58	100	35	60,3	16	27,6	7	12
1840	80,4	46	100	33	71,7	8	17,4	5	10,9
1856	76,9	93	100	58	62,4	27	29	8	8,6

Приложение 10

Эффективность решения дел Вятской городской думы в 1840-65 г. (по официальным данным)⁷

Год	Оставалось дел, нерешенных в прежние годы		Вновь поступило дел		Всего дел		Решено в течение года		Остались нерешенными			
									за думой		за другими местами	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1840	81	68,6	37	31,4	118	100	44	37,3	23	19,5	51	43,2
1843	59	51,3	56	48,7	115	100	57	49,6	22	19,1	36	31,3
1845	65	57	49	43	114	100	45	39,5	35	30,7	34	29,8
1847	133	48,4	142	51,6	275	100	120	43,6	50	41,7	105	38,2
1850	200	46	235	54	435	100	169	38,9	64	14,7	202	46,4
1855	340	68	160	32	500	100	130	26	70	14	300	60
1856	370	71,3	149	28,7	519	100	170	32,7	29	5,6	320	61,7
1859	189	50,5	185	49,5	374	100	194	51,9	21	5,6	159	42,5
1860	180	48	195	52	375	100	149	39,7	29	7,7	197	52,5
1865	254	45	311	55	565	100	288	51	48	8,5	229	40,5

⁶ Вычислено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6, 11, 20, 28, 29, 34, 35, 41, 42, 47, 48, 60-71. Учитываются только те дела, в решении которых дума принимала непосредственное участие в указанном году.

⁷ Количество дел указано по официальным источникам. ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 411. – Л. 33 об.; Д. 567. – Л. 65 об.; Д. 628. – Л. 47 об.; РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 1405. – Л. 428 об.; Д. 1638. – Л. 1104 об.; Д. 1783. – Л. 528 об.; Д. 2555. – Л. 272 об.; Д. 2903. – Л. 662 об.; Д. 3254. – Л. 617.

Приложение 11

Основные проблемы, возникающие в работе думы⁸

год	Пассивность, неспособность, нежелание горожан		Пассивность думы или отдельных гласных		Пассивность или давление чиновников		Финансовые проблемы		Отсутствие необходимой информации, материалов		Всего основных проблемных ситуаций	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1795	1	16,7	1	16,7	-	-	3	50	1	16,7	6	100
1800	4	25	1	6,3	2	12,5	7	43,8	2	12,5	16	100
1805	4	23,5	2	11,8	1	5,9	7	41,2	3	17,6	17	100
1810	5	25	1	5	4	20	8	40	2	10	20	100
1816	3	15	1	5	7	35	7	35	2	10	20	100
1820	1	11,1	-	-	2	22,2	5	55,6	1	11,1	9	100
1826	2	16,7	1	8,3	2	16,7	5	41,7	2	16,7	12	100
1829	2	22,2	1	11,1	1	11,1	3	33,3	2	22,2	9	100
1835	1	5,6	2	11,1	4	22,2	8	44,4	3	16,7	18	100
1840	3	18,8	1	6,3	5	31,3	6	37,5	1	6,3	16	100
1856	8	21,6	-	-	12	32,4	13	35,1	4	10,8	37	100

Приложение 12

Степень инициативности думы⁹

Год	Количество решаемых дел		По инициативе думы		По инициативе горожан и др. частных лиц		По инициативе местных органов управления	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1795	7	100	6	85,7	-	-	1	14,3
1800	27	100	9	33,3	10	37	8	29,6
1805	30	100	9	30	6	20	15	50
1810	32	100	11	34,4	3	9,4	18	56,3
1816	32	100	12	37,5	4	12,5	16	50
1820	22	100	9	40,9	2	9	11	50
1826	38	100	15	39,5	2	5,3	21	55,3
1829	53	100	27	50,9	5	9,4	21	39,6
1835	58	100	22	37,9	6	10,3	30	51,7
1840	46	100	19	41,3	1	2,1	26	56,5
1856	93	100	48	51,6	8	8,6	37	39,8

⁸ Составлено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6, 11, 20, 28, 29, 34, 35, 41, 42, 47, 48, 60-71; Оп. 8. – Д. 6, 36.

⁹ Составлено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6, 11, 20, 28, 29, 34, 35, 41, 42, 47, 48, 60-71; Оп. 8. – Д. 6, 36.

Степень подчиненности думы интересам города и государства¹⁰

Год	Количество решаемых дел		В интересах					
			думы		Города и отдельных частных лиц		государства (администрации, полиции, военных частей)	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1795	7	100	1	14,3	6	85,7	-	-
1800	27	100	4	14,8	18	66,7	5	18,5
1805	30	100	7	23,3	14	46,7	9	30
1810	32	100	3	9,4	19	59,4	10	31,3
1816	32	100	3	9,4	17	53,1	12	37,5
1820	22	100	2	9	10	45,5	10	45,5
1826	38	100	1	2,6	27	71	10	26,3
1829	53	100	2	3,8	34	64,2	17	32,1
1835	58	100	1	1,7	38	65,5	19	32,8
1840	46	100	1	2,2	25	54,3	22	47,8
1856	93	100	7	7,5	60	64,5	26	28

¹⁰ Вычислено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 6, 11, 20, 28, 29, 34, 35, 41, 42, 47, 48, 60-71; Оп. 8. – Д. 6, 36.

Структура расходов г.Вятки¹¹

год	Содержание полиции и пожарной части		Содержание органов самоуправления		Военные надобности (содержание батальона, жандармери и, тюрьмы, гауптвахты)		Благоустройство		Содержание училищ, больницы, богадельни, помощь бедным		Иные (уплата долгов и пр.)		Всего	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
Ассигнациями														
1804	4457-76¾	54,1	2519-28½	30,6	191-88	2,3	240-19	2,9	114-63½	1,4	708	8,6	8231-73¾	100
1810	4248-5¾	56,3	2120	28,1	585-88	7,8	394	5,2	199-99	2,7	—	—	7547-92¾	100
1814-16 ¹²	5320-17½		8776-73		1875-05		3366-35½		*** ¹³		***		***	
1820	***		***		1403-7½		1885-27		1070-70		577-31		***	
1826	7611-50	31,4	8273-52	34,2	2133-40	8,8	3729-77	15,4	2012-57½	8,3	457-3½	1,9	24217-80	100
1835	17370-71	39,5	10168	23,1	2739-73	6,2	11412-19¾	25,9	2329-78	5,3	—	—	44020-41¾	100
1838 смета	3871-97	38,8	11398	31,9	2820	7,9	4745-37	13,3	2191-28	6,1	703	2	35729-62	100
1841 смета	6226-70	44	10045	27,2	2856-63	8,4	3832-50	10,4	2691-15	7,2	1816-85	4,9	36850-45	100
Серебром (курс 1:3,5)														
1841 смета	4636-20	44	2870	27,2	816-18	8,4	1095	10,4	768-90	7,2	519-10	4,9	10528-70	100
1845	3716-52¼	34,9	3110	29,2	968-64	9,1	668-46	6,3	876	8,2	893-80	8,4	10633-47¼	100
1851 смета	3927-58	34,2	3336-26	29,1	1381-85¾	12	1527-15	13,3	914-40	8	505-7	4,4	11472-31¾	100
1855 смета	4873-32½	38,6	3255-78½	25,8	914-15	7,2	1520-28¾	12,1	1051-40	8,3	995-51½	7,9	12612-45¾	100
1859	7683-57	31,4	4196-32	17,2	1503-34½	6,1	4028-36	16,5	1382-5¾	5,7	5646-56¾	23,1	24440-22	100
1865 смета	7894-30	29,2	3978	14,7	3596-29¾	13,3	2043-99¾	7,6	1475-71	5,5	8067-55¼	29,8	27055-85¾	100
1868	7978-93¾	31,7	3971-33	15,8	2509-93	10	4527-8	18	641-35	2,5	5540-20	22	25168-82	100

¹¹ Составлено по: ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 5. – Д. 171; Оп. 6. – Д. 955; Оп. 44. – Д. 259; Оп. 48. – Д. 41; Ф. 630. – Оп. 1 – Д. 5, 34, 97, 109, 155, 156, 208, 248, 272; Оп. 8. – Д. 59, 161, 248, 412, 533, 627, 647, 749, 802; Ф. 711. – Оп. 1. – Д. 55, 162; ВГВ. – 1838. – № 2. – С. 5-6.

¹² В данном случае берутся среднегодовые показатели за указанный период.

¹³ ***-сведений не имеется

**Бюджеты губернских и областных городов Российской империи
(1840-1869 гг.) (руб.серебром)¹⁴**

Города	1840		1856		1869	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
Архангельск	33786	100	101053	299,1	96477	285,6
Астрахань	117215	100	132733	113,2	223298	190,5
Вильно	48975	100	44283	90,4	163319	333,5
Витебск	14316	100	15256	106,6	34211	239
Владимир	6716	100	13777	205,1	33653	501,1
Вологда	10939	100	24017	219,6	43070	393,7
Воронеж		100	42503	----	92160	----
Вятка	10863	100	19349	178	29239	269,2
Гродно	11659	100	8508	73	32676	280,3
Екатеринослав	4401	100	12939	294	42661	969,3
Житомир	11499	100	14114	123,3	49240	430,1
Иркутск	9968	100	28612	287	62998	632
Казань	79956	100	124837	156,1	237350	296,9
Калуга	39470	100	42435	107,5	66368	168,1
Каменец-Под.	17038	100	19181	112,6	37574	220,5
Киев	78736	100	145906	185,3	253217	321,6
Кишинев	13941	100	30862	221,4	92866	666,1
Ковно	12091	100	13275	109,8	41277	341,4
Кострома	11741	100	19506	166,1	106711	908,9
Красноярск	4110	100	4908	119,4	13763	334,9
Курск	29814	100	33648	112,9	79927	268,1
Минск	14604	100	15809	108,3	36823	252,1
Митава	25730	100	45812	178	43485	169
Могилев	12856	100	14308	111,3	25079	195,1
Москва	971908	100	1149886	118,3	2992769	307,9
Н.Новгород	47787	100	84215	176,2	293351	613,9
Новгород	21934	100	17502	80	35132	160,2
Орел	24379	100	108100	443,4	106705	437,7
Пенза	16529	100	23287	140,9	80074	484,4
Пермь	14294	100	23100	161,6	96249	673,3
Петрозаводск	6441	100	11756	182,5	21904	340,1
Полтава	17221	100	35290	204,9	112850	655,3
Псков	9368	100	14511	154,6	33579	358,4
Ревель	24692	100	35872	145,3	66680	270
Рига	249054	100	597806	240	793997	318,8
Рязань	11787	100	18655	158,3	53988	503,8
Самара	9157	100	26762	292,3	210902	2303,2
С.-Петербург	1584305	100	3657385	230,9	3726405	235,2
Саратов	69811	100	233101	333,9	293758	420,8
Симбирск	30488	100	79251	259,9	103679	340
Симферополь	5806	100	12183	209,8	41476	714,4

¹⁴ Составлено по: Общественное устройство и хозяйство городов. – Т. 1. – СПб., 1859; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. - СПб., 1840; Статистический Временник Российской империи. - Вып. I. – Ч. II. - СПб., 1871.

Продолжение Прил. 15.

Смоленск	6173	100	11028	178,6	39279	636,3
Гамбов	13960	100	35056	251,1	72293	517,9
Тверь	20673	100	32432	156,9	55830	270
Тобольск	11067	100	16337	147,6	29961	270,7
Томск	18486	100	101362	548,3	55797	301,8
Тула	26022	100	45370	174,4	108953	418,7
Уфа	8402	100	18449	219,6	70601	840,3
Харьков	62754	100	110779	176,5	293087	467
Херсон	17342	100	22404	129,2	96354	555,6
Чернигов	15462	100	24347	157,5	32866	212,6
Ярославль	35418	100	46314	130,8	122355	345,5
Среднее значение		100	9298,8	182,3	22640,8	443,9

Удельный вес городских доходов в губернских и областных городах Российской империи (1840-1869 гг.) (руб. серебром на душу населения)¹⁵

Города	1840	1847	1856	1863	1869
Архангельск	3,2	4,6	6,67	5,12	4,84
Астрахань	2,56	2,02	3,84	4,38	4,67
Вильно	0,92	0,93	0,97	1,74	2,06
Витебск	0,8	0,83	0,74	0,96	1,18
Владимир	0,3	1,21	1,09	1,7	2,17
Вологда	0,67	1,02	1,7	1,8	2,41
Воронеж	---	0,73	1,13	2,27	2,22
Вятка	1,03	1,54	1,25	1,92	1,47
Гродно	0,75	0,58	0,57	0,79	1,32
Екатеринослав	0,35	1,12	0,99	1,55	1,89
Житомир	0,66	0,95	0,48	1,13	1,31
Иркутск	0,7	2,0	1,19	1,43	2,3
Казань	1,76	1,59	2,22	3,0	3,02
Калуга	1,12	1,36	1,37	2,32	1,84
Каменец-Подольск	1,11	1,06	1,05	1,65	1,75
Киев	1,76	2,03	2,33	3,41	3,59
Кишинев	0,33	0,38	0,49	0,59	0,89
Ковно	---	0,37	0,66	1,34	1,19
Кострома	0,97	1,19	1,31	2,08	4,55
Красноярск	0,6	1,9	0,77	1,1	1,22
Курск	1,23	1,76	0,83	3,13	2,76
Минск	0,65	0,77	0,62	1,12	1,02
Митава	1,86	1,1	2,63	2,58	1,89
Могилев	0,56	0,56	0,63	0,95	0,64
Москва	2,79	2,8	3,12	5,79	7,49
Н.Новгород	1,83	3,9	2,35	5,58	7,19
Новгород	1,47	2,1	1,37	2,04	2,1
Орел	0,75	1,56	3,06	2,56	2,45
Пенза	0,84	0,83	0,98	1,45	3,58
Пермь	1,39	0,49	2,44	1,65	1,86
Петрозаводск	0,97	1,1	1,16	1,74	2,0
Полтава	1,11	1,02	1,72	4,99	3,54
Псков	0,93	1,33	0,89	1,25	2,59
Ревель	1,06	1,93	1,77	1,85	2,44
Рига	3,5	6,18	8,48	12,79	8,13
Рязань	0,59	0,74	0,87	1,35	3,01
Самара	0,57	1,03	1,1	2,63	6,11
С.-Петербург	3,33	3,95	7,45	6,28	6,91

¹⁵ Вычислено по: Общественное устройство и хозяйство городов. – Т.1. – СПб., 1859; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. - СПб., 1840; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи на 1847 г. – СПб., 1852; Статистический Временник Российской империи. - Т. I. – СПб., 1866; Статистический Временник Российской империи. - Вып. I. – Ч. II. - СПб., 1871.

Продолжение Прил. 16.

Саратов	1,15	1,54	3,78	1,75	3,15
Симбирск	1,72	2,91	2,99	3,6	4,21
Симферополь	0,68	0,67	0,46	1,44	2,33
Смоленск	0,42	0,78	1,2	1,23	1,71
Тамбов	1,08	0,97	1,6	1,24	2,53
Тверь	1,19	0,57	2,52	1,55	1,87
Тобольск	0,68	0,36	1,01	1,09	1,47
Томск	1,58	2,84	5,02	1,77	2,28
Тула	0,51	0,73	0,9	1,25	1,87
Уфа	0,65	0,37	1,43	2,1	3,5
Харьков	2,66	2,65	3,62	4,26	4,89
Херсон	0,89	0,96	0,66	2,08	2,1
Чернигов	1,39	3,19	5,9	1,9	1,92
Якутск	----	1,95	2,45	1,08	1,59
Ярославль	1,07	1,44	1,72	2,7	3,28
В среднем по губ. и обл. городам России	2,1	2,37	3,41	3,8	4,37
Без учета С.-Петербурга, Москвы и Риги	1,16	1,33	1,75	2,13	2,64

Приложение 17

**Удельный вес городских доходов в городах Вятской губернии
(руб. серебром на душу населения)¹⁶**

Город	1840 г.			1856 г.		
	Население (чел.)	Бюджет (руб. сер.)	Удельный вес	Население (чел.)	Бюджет (руб. сер.)	Удельный вес
<i>Вятка</i>	10591	10181	0,96	15500	19349	1,25
Глазов	1181	377	0,32	2240	2118	0,95
Елабуга	4635	1221	0,26	5701	4279	0,75
Котельнич	2147	3442	1,6	2609	5895	2,26
Малмыж	1514	377	0,25	1785	3079	1,72
Нолинск	1889	1587	0,84	2879	6252	2,17
Орлов	3237	3064	0,94	3742	5383	1,44
Сарапул	5025	2881	0,57	7668	6251	0,82
Слободской	5588	2385	0,43	5914	6463	1,09
Уржум	1165	231	0,2	2000	2487	1,24
Яранск	1409	784	0,56	2554	4176	1,64
Итого	38381	26530	0,69	53290	66615	1,25

¹⁶ Вычислено по: Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. - СПб., 1840; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. – СПб., 1858.

Городские головы и гласные думы (1793-1870)¹⁷

Год	Городской глава	Гласные				
		от купцов			от цехов	от мещан (посадских)
		I гильдии	II гильдии	III гильдии		
1793-1796	Илья Антон. Хохряков	Федор Як. Машковцов	Тимофей Фил. Калинин (с 1795 г. – Ф. Пыхтеев)	Иона Ефим. Гасников (с 1795 г. Семен Блинов)	Андрей Двойнишников	Никифор Ланских
1797-1798	Стефан Як. Машковцов (с 1796 г.)	Филипп Як. Машковцов	Иван Алекс. Васильев	Павел Петр. Хохряков	Александр Вас. Берестнев	Григ. Огородников, Иван Анд.Зверев
1799-1801	Николай Калинин	Петр Григ. Аршаулов (в 1801 г.)	Федор Ив. Злыгостев	Михаил Коробов	Николай Филимонов	Василий Хохряков Григ. Деньшин
1802-1804	Илья Хохряков	Иван Васильев (в 1802 г.)	Федор Ив. Злыгостев, с 1803 г. – Стефан Репин	Игнатий Коршунов	Иван Иов. Мокрецов	Тимофей Жирухин Спиридон Веретенников
1805-1807	Павел Иван. Сафонов	—	Андрей Ив. Пыхтеев (в 1807 г. – Иван Кочуров)	Андрей меньш. Киприянов(с 1806 г. Варфоломей Юрасов)	Матвей Максим. Рублев	Василий Ив. Соловьев, Федор Захар. Суятин
1808-1810	Федор Як. Машковцев (в 1810 г. Стефан Машковцев)	—	Иван Хохряков	Алексей Сем. Прозоров	Иван Шитов	Павел Хохряков Захар Собачкин
1811-1813	Петр Григ. Аршаулов	—	Стефан Ермол. Репин (с 1812 г. - Елисей Петр. Хохряков)	Иван Вас. Ермолин	Иван Иов. Мокрецов	Николай Андр. Хохряков Федор Фед. Калинин
	Городской голова	Гласные				
		от купцов		от цехов	от мещан	
1814-1816	Иуда Сидор. Колошин (с марта 1816 г. Вас. Рязанцев)	Василий Ив. Пупырев		Федор Юрасов	Афанасий Мокрецов (с марта 1816 г. - Василий Садаков), Иван Андр. Ухов	
1817-1819	Афанасий Як. Машковцев	Сергей Данил. Суятин		Максим Ив. Тарасов	Александр Фед. Калинин Иван Ильич Хохряков	
1820-1822	Иван Филат. Рязанцев	Кирилл Егор. Фирсов		Дмитрий Матанцев	Сергей Дан.Суятин, Николай Коробов	
1823-1825	Иван Стеф. Машковцев	Кирилл Егор. Фирсов		Петр Ефим. Шуравин	Гаврил Ив.Пупырев Алексей Ив.Хохряков	
1826-1828	Яков Фок. Гусев	Федор Ром. Юрасов		Николай Фед. Глухих	Николай Фед. Юферев, Михаил Тим.Клячин	
1829-1831	Яков Афан. Караваев	Николай Фед. Веретенников		Иван Лосев (с VI.1829 – Николай Нелюбин)	Андрей Семен. Юрасов, Федор Петр. Хохряков	
1832-1834	Иван Стефан. Машковцев	Александр Серг. Суятин		Дмитрий Лазарев. Матанцев	Дм. Ильич Хохряков, Алекс. Ефрем.Коробов	

¹⁷ Составлено по: ГАКО. – Ф. 628. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 13; Д. 5. – Л. 43-49, 64; Ф. 630. – Оп. 5. – Д. 57. – Л. 1, 105; Д. 67. – Л. 234; Оп. 8. –Д. 237. – Л.184, 200; Д. 648. – Л. 74 об., 130 об.

Продолжение Прил. 18.

1835-1837	Михаил Ив. Рязанцев	Прокопий Давид. Микулин	Андрей Филип. Трушков	Семен Пимен. Огородников, Дмитрий Ильич Хохряков
1838-1840	Василий Куз. Аршаулов	Илья Яков. Башмаков	Петр Варфолом. Лебедев	Николай Савват. Пестов, Михаил Яким. Праздников
1841-1843	Василий Куз. Аршаулов	Матвей Ив. Хохряков	Иван Филип. Скопин	Николай Савват. Пестов, Елисей Григ. Хохряков
1844-1846	Ник. Ив. Караваев	Михаил Игнат. Праздников	***	Петр Слоутин Александр Блинов
1847-1849	Иван Егор. Моралев	Ефим Ив. Ухов	Алексей Петр. Хохряков	Кузьма Никит. Косаткин, Афанасий Матв. Рублев
1850-1852	Артемон Ив. Ермолин	Иван Мих. Чарушин	Константин Яков. Лаженицын	Андрей Тим. Неклепаев, Ник. Никит. Бабилов
1853-1855	Аркадий Ив. Машковцов	Ефим Алекс. Коробов	Иван Никит. Попов	Гавриил Ив. Бульчев, Григорий Андреян. Иванов
1856-1858	Александр Ив. Рязанцев	Яков Ильич Башмаков	Константин Яков. Барамзин	Николай Афан. Рублев, Алекс. Ильич Огородников
1859-1861	Яков Ал. Прозоров	Николай Алекс. Коробов	Иван Павл. Попов	Михаил Романович Юрасов, Никанор Мих. Сенилов
1862-1864	Константин Як. Блинов	Андрей Герман. Арбузов	Ник. Дм. Агафонов	С. Ухов, М. Шуравин
1865-1867	Федор Мих. Клячин	Ник. Ник. Ухов	Петр Вас. Алцыбеев	Василий Прозоров Петр Хохряков
1868-1870	Михаил Яков. Поскребышев	Илья Никодим. Желудков, Яков Петр. Клабуков	Ник. Дм. Агафонов	Григорий Андреянович Иванов

Приложение 19

Цены на рожь в г.Вятке в 1802-1870 гг. (1/10 имперяла за пуд)¹⁸

Год	цена								
1802	24	1816	29	1830	15	1844	21	1858	42
1803	29	1817	32	1831	23	1845	26	1859	49
1804	28	1818	33	1832	28	1846	33	1860	39
1805	28	1819	27	1833	36	1847	36	1861	51
1806	27	1820	22	1834	48	1848	35	1862	59
1807	26	1821	19	1835	37	1849	29	1863	53
1808	22	1822	23	1836	27	1850	25	1864	44
1809	22	1823	19	1837	27	1851	23	1865	38
1810	20	1824	21	1838	29	1852	25	1866	51
1811	23	1825	20	1839	35	1853	23	1867	43
1812	22	1826	19	1840	42	1854	20	1868	63
1813	21	1827	21	1841	46	1855	19	1869	50
1814	19	1828	16	1842	38	1856	29	1870	59
1815	22	1829	13	1843	27	1857	49		

Приложение 20

Квартирная повинность в г.Вятке (1814-1863 гг.)¹⁹

Годы	Среднегодовая стоимость постоя (руб. сер.)	Годовой бюджет города (руб. сер.)	Удельный вес постоянной суммы на горожанина (руб. сер. в год)	Число домов в городе
1814-16	6726	6042	1,2 р.	865 ²⁰
1838-41	10457	11143	1 р.	777
1861-63	7957	29490	54 к.	1800

¹⁸ Составлено по: Миронов Б.Н. Хлебные цены ... - С. 232-234, 244.

¹⁹ Вычислено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп.8. – Д. 125. – Л.15-17; Д. 683. – Л. 84; Д. 714. – Л. 12-14; Ф. 711. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 11 об., 21 об.; История местного самоуправления ... - С. 37; Луппов П. Указ.соч. – С.160; Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. – Т.2. – СПб., 1877. – С. 141-146; Статистическое изображение городов РИ по 1825 г. – СПб., 1830. – С.14; Статистические таблицы городов РИ. – СПб., 1840. - С.10; Экономическое состояние городских поселений в 1861-62 гг. – СПб., 1863. – С.3.

²⁰ Поскольку большинство домов в то время было выстроено по старому плану, их необходимо было перенести на новое место или уничтожить. Именно этим объясняется последующее уменьшение общего количества домов в городе (см: Луппов П. Указ. соч. – С.155).

Социальная структура Вятки в 1786-1861 гг.²¹

Год	Купцы, почетные граждане		Ремесленники и мещане		Дворяне, чиновники и служащие		Военные		Духовенство		Крестьяне		Иные		Всего	
	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
1786*	206	***	1134	***	61	***	139	***	83	***	***	***	***	***	***	***
1805*	281	11,7	1703	70,6	105	4,4	133	5,5	81	3,4	109	4,5	—	—	2412	100
1829*	61	1,5	1831	46,2	301	7,6	599	15,1	***	***	***	***	1173	29,6	3965	100
1840	587	5,5	2924	27,6	1824	17,2	***	***	393	3,6	***	***	4863	45,9	10591	100
1858	628	4,1	5806	38,2	1520	10	2781	18,3	1427	9,4	2079	13,7	974	6,4	15215	100
1861	704	4,7	4458	30	1511	10,2	2411	16,4	1432	9,6	1898	12,8	2453	16,5	14867	100

* - указано число душ только мужского пола

*** - точных сведений не имеется (входят в раздел «иные»)

²¹ Составлено по: ГАКО. – Ф. 630. – Оп. 8. – Д. 182. – Л. 12, 20 об; Ф. 711. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 10; Памятная книжка Вятской губернии на 1860 г. – Вятка, 1860 – С. 226; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. – СПб., 1840. – С.10-11; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. – Ч.1. – Спб., 1863. – С.3; Юрьев В.П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. – Вятка, 1885. – С.73-74,76-82.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

І. Архивные источники

ГАКО

Ф. 170 (Фонд Вятской ученой архивной комиссии)

Оп. 1. – Д. 337;

Ф. 582 (канцелярия вятского губернатора)

Оп. 5. – Д. 171;

Оп. 6. – Д. 955;

Оп. 44. – Д. 39, 259;

Оп. 48. – Д. 41;

Оп. 49. – Д. 68, 345;

Оп. 50. – Д. 53.

Ф.628 (Вятская городская управа)

Оп. 1. – Д. 2, 5, 10;

Оп. 7. – Д. 1.

Ф.630 (Вятская городская дума)

Оп. 1. – Д. 5, 34, 66, 67, 97, 109, 155, 156, 208, 248, 272;

Оп. 3. – Д. 6, 8;

Оп. 5. – Д. 1-9, 11-25, 27-37, 39-44, 46-71, 121;

Оп. 8. – Д. 4-7, 9, 10, 12, 15, 16, 20-24, 29, 30, 33, 34, 36, 37, 40, 42, 43, 48-50, 53, 54, 59, 61, 62, 70, 71, 81-84, 92, 95, 99, 105-107, 121, 125, 127, 128, 131, 136, 151, 152, 161, 179, 182, 187, 196, 200, 202, 225, 237, 248, 251, 258, 265, 270, 272-274, 293, 327, 343, 346, 355, 365, 369, 375, 380, 384, 387, 411, 412, 432, 436, 440, 442, 448, 474, 483, 484, 495, 533, 560, 567, 588, 590, 602, 612, 616, 617, 620, 627, 628, 644, 647, 648, 683, 703, 708, 714, 739, 741, 744-746, 748, 749, 754, 762, 783, 796, 802, 809, 863.

Ф. 711 (Вятский губернский комитет земских повинностей)

Оп. 1. – Д. 6, 55.

ГАРФ

Ф. 39 (Управление временного генерал-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерний (1864-1865))

Оп. 2. – Д. 34.

РГИА

Ф. 18 (министерство финансов)

Оп. 4. – Д. 111.

Ф. 1263 (комитет министров)

Оп. 1. – Д. 979, 1182, 1405, 1638, 1783, 1914, 2184, 2555, 2903, 3254, 3554.

Ф. 1286 (министерство исполнительной полиции)

Оп. 1. – Д. 1, 47;

Оп. 2. – Д. 327;

Оп. 3. – Д. 112.

Ф. 1287 (хозяйственный департамент МВД)

Оп. 5. – Д. 906, 1026, 1035, 1270, 1358, 1374, 1484;

Оп. 8. – Д. 293, 863, 980, 1107;

Оп. 24. – Д. 1384;

Оп. 31. – Д. 125, 330, 417, 419, 1430, 1455, 1489, 1600, 2013;

Оп. 32. – Д. 232, 872, 880;

Оп. 34. – Д. 770, 866, 1687, 1969;

Оп. 37. – Д. 23, 71, 89, 120, 158, 160, 190, 216, 222, 223, 226, 320, 326, 327, 358, 404, 423, 520, 527, 550, 565, 629, 670, 675, 763, 769, 779-783, 788, 790, 804, 806, 817, 836, 870, 873, 876, 887, 898, 946, 953, 959, 995, 998, 1026, 1107, 1125, 1171, 1179, 1269, 1374, 1398, 1497, 1540, 1587, 1657, 1691, 1707, 1708, 1720, 1730, 1779, 1832, 1833, 1839, 1857, 1863, 1892, 1899, 1926, 1929, 2001, 2021, 2047, 2086, 2096, 2099, 2136, 2203, 2216, 2219, 2223, 2284, 2285, 2300, 2314, 2322, 2346, 2363;

Оп. 39. – Д. 188, 268.

Ф. 1537 (ревизия сенаторов М.Спиридова и И.Лопухина 1800 г.)

Оп. 1. – Д. 3.

Ф. 1554 (ревизия сенаторов А.Долгорукого и Е.Дурасова, 1824-25 гг.)

Оп. 1. – Д. 4.

РГАДА

Ф. 817 (Вятская земская изба, ратуша, магистрат 1638-1780 гг.)

Оп. 1. – Д. 1, 2а, 4, 18, 30, 34, 36, 57, 65, 95, 122, 158, 168-170, 235, 268, 270, 327, 391, 399, 411, 433, 447-449, 488, 505, 508, 512, 521, 541, 557, 571, 668, 721, 724, 727, 732, 774-776, 898, 942, 949, 1106; Оп. 2. - Д. 39.

II. Законодательные и статистические источники.

1. Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1839-41. – Т.1-2.
2. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи (Городовое положение 16 июня 1870 г.). – Т.1. – СПб.: Тип. МВД, 1877. – XV, 564 с.
3. Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 г. Издано при МВД. – СПб.: тип. К.Крайя, 1834. – IX, 70 с.
4. Общее губернское управление // СЗРИ. – Т. II. – Ч.1. - СПб., 1857.
5. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. - Т. VI, XIV, XX, XXII, XXIV, XXVII, XXVIII, XXX, XXXII, XXXIX.
6. Ремесленные постановления // СЗРИ. - Т. XI. – СПб., 1857.
7. Свод уставов о городском и сельском хозяйстве // СЗРИ. – Т. XII. – СПб., 1857. – 200 с.
8. Свод уставов о повинностях. Кн. 1. Устав о земских повинностях. - СПб.: Тип. с.е.и.в.канц., 1851. – 273 с.
9. Свод уставов о повинностях. Кн. 1. Уставы рекрутские. – СПб.: Тип. с.е.и.в.канц., 1862. – 447 с.

- 10.Свод уставов пожарных // СЗРИ. – Т.ХII. – СПб., 1857. – 41 с.
- 11.Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении совета МВД. – СПб.: тип. К.Крайя, 1840. – 68 с.
- 12.Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении совета МВД. – СПб, 1852.
- 13.Статистические таблицы Российской империи за 1856 год, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел статистическим отделом Центрального статкомитета. – СПб.: тип. II отд. с.е.и.в.к., 1858. – 300 с.
- 14.Статистический Временник Российской империи. – Т.1. – СПб.: тип. К.Вульфа, 1866.
- 15.Статистический Временник Российской империи. – Вып. 1. - СПб.: тип. В.Безобразова, 1871. – 254 с.
- 16.Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г. – СПб., 1829. – 95 с.
- 17.Устав о податях // СЗРИ. - Т.V.– СПб., 1857.
- 18.Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. – Ч.1-2. – СПб., 1863.

III. Мемуары и переписка

- 19.Витберг А.А. (1787-1855). Его жизнь и переписка с другом // Русская старина. – дек. 1876. – Т.XVII. – С.109-126, 267-296.
- 20.Герцен А.И. Былое и думы. – М.: Дет. лит., 1973. – 576 с.
- 21.Дмитриев В.И. Мое путешествие в дикие страны отечества // Ореады. – 1809. – Ч.1. – С.25-64.
- 22.Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. – 1899. – Т.96. - №6. – С.481-508; 1903. – дек. – С.481-514.

23. Записки сенатора И.В.Лопухина. Лондон, 1859/ Репринтное воспроизведение. – М., 1990.
24. Из записок преосвященного Никодима Казанского // ТВУАК. – 1913. – Вып. I-II. – Отд. III. – С.51-98.
25. Из мемуаров А.А.Прозорова. О купце Я.А.Прозорове и его семье 1764-1884 гг. // ЭЗВ. – Т.4.История. – Киров, 1995. – С. 257-260.
26. Каменьский Г. Письма из ссылки / пер. с поль. – Киров, 1989. – 481 с.
27. Клепиков К.И. Сбор статей вятского старожила. – Вятка, 1899-1901. – Вып.1-4. - 53 с.
28. Косарев М. Воспоминания о 1824 г. // ВГВ. – 1864. - №№39-41, 45.
29. Косарев М.С. Воспоминание о посещении Вятки Государем Императором Александром Благословенным в 1824 году // ТВУАК. – 1913. – Вып. I-II. – Отд. III. – С.33-46.
30. Отрывки из дневника 20-х гг. XIX ст. (рукопись вятского головы) // ТВУАК. – 1913. - Вып. I. – Отд. 3. – С. 22-32.
31. Полиновский А.М. Вятка и вятская гимназия (1835-1846) // ВГВ. – 1890. – 24 окт. – С.3,4; 3 нояб. – С.5; 7 нояб. – С.4.
32. Портен А. «Затерянный уголок России». Воспоминания артиста. – Париж, 1883. – 147 с.
33. Сычугов С.И. Записки бурсака. – М.-Л.: Academia, 1933. - 353 с.
34. Хитрово Н.З. Отрывок из моего журнала, писанного в Вятке 1811 года // Исторический, статистический и географический журнал. – 1825. – Ч.1. – Кн. 1. – С.154-163.
35. Яковлев П. Поездка в Вятку // Календарь муз на 1826 год. – СПб.: тип. А.Смирдина, 1826. – С.146-171.

IV. Периодическая печать

36. Местные известия // ВГВ. – Часть неофиц. – 1858. - № 45. – С. 290-292.

37. О грамотности и нравственном образовании // ВГВ. – Часть неофиц. – 1858. - № 23. – С.152-153.
38. С. Заметки о необходимости женских училищ в Вятке и Вятском крае // ВГВ. – Часть неофиц. – 1858. - № 27. – С. 174-179.
39. Эсаулов. Некролог И.Е. Моралеву // ВГВ. – 1849. - № 53. – Часть неоф. – Отд. 2. - С. 306-308.

Литература

1. Абрамов В.Ф. Местное самоуправление: идея и опыт // СОЦИС. - 1997. - №1. - С. 120-125.
2. Амплеева Т.Ю. Реформа местного управления последней четверти XVIII века. Учеб. пос. – М.: Инст-т защиты предпр-ля, 1997. – 130 с.
3. Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. – Л.: Сеятель, 1926. –150 с.
4. Белова М.Ю. О создании и развитии системы самоуправления в конце XVIII – начале XX в. (на примере Ярославля) // Власть и город: История и современность: Научная конференция 25 мая 2000 г. Материалы докладов. – Ярославль, 2001. – С.8-15.
5. Бердников Л.П. Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления (1822-1916). Факты, события, люди. – Красноярск: Красн. кн. изд-во, 1995. – 310 с.
6. Беркович А.В. Из истории городского самоуправления на Урале (на примере борьбы вокруг бюджета Екатеринбурга в первой половине XIX в.) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. – Пермь: Книга, 1999. – С.123-129.
7. Блинов И.А. Отношение Сената к местным учреждениям в XIX в. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 288 с.

8. Богословский М.М. Учреждение об правлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II // Три века. России от Смуты до нашего времени. – В. 6 тт. – Т. 3-4. – М.: ГИС-Патриот, 1992. – С. 522-534.
9. Бойкий М.А., Шапиро Л.В. Обратная связь в городском самоуправлении // СОЦИС. – 1997. - №4. – С.130-136.
10. Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII – XIX веков. Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск: Водолей, 1996. – 320 с.
11. Бородкин Ф.М. Ценности населения и возможности местного самоуправления // СОЦИС. - 1997. - №1. - С. 98-110.
12. Бредли Д. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. – 1994. - №5. – С.77-89.
13. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. – М.: Прогресс, 1986. – Т.1. – 622 с.
14. Брянцев М.В. «Третье сословие» в российском законодательстве конца XVIII – первой половине XIX века // Право: история, теория, практика. Вып. 1. – Брянск: Изд-во БГПУ, 1997. – С.91-110.
15. Брянцев М.В. Дворянство и купечество (правовые аспекты отношений) // Право: история, теория, практика. Вып. 2. – Брянск: Изд-во БГПУ, 1998. – С.108-122.
16. Бурова Т.Л., Зарипова З.Н. Правосознание российского общества второй половины XVIII в. (по материалам Уложенной комиссии 1767-68). Учеб. пос. – Арзамас: АГПИ, 2000. – 102 с.
17. Быстренко В.И. История государственного управления и самоуправления в России. Учеб. пос. – М.; Новосибирск, 1997. – 92 с.
18. Вандалковская М.Г. П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер: История и политика. – М.: Наука, 1992. – 288 с.
19. Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Оренбургской губернии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. – Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2001. – 23 л.

20. Галкин В.Я., Иванов Н.С. Из истории Московской городской думы // Социально-политический журнал. – 1997. - №4. – С.45-64.
21. Голикова Н.Б. К вопросу о правовом положении городского населения России конца XVI-XVII века // Русский город. – Вып. 9. – М: Изд-во МГУ, 1990. – С.202-227.
22. Гомаюнов С.А. Из истории местной администрации Вятской губернии в конце XVIII-начале XIX века (по материалам сенатских ревизий) // Вятская земля в прошлом и настоящем. – Киров, 1992. – Т.1. - С.83-85.
23. Город в процессах исторических переходов. – М.: Наука, 2001. – 392 с.
24. Градовский А.Д. Собрание сочинений. – Т.2. История местного управления в России. – СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1899. – 492 с.
25. Градовский А.Д. Собрание сочинений. – Т.9. Начала русского государственного права. - Ч.III. Органы местного управления. – СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1903. – VI, 599 с.
26. Григорьев В. Рец. на кн.: А.А.Кизеветтер «Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария» (М.,1909) // Журнал министерства народного просвещения. – 1910. - №10. – С.375-384.
27. Дитятин И. Устройство и управление городов России. – Т.1.- СПб: тип. П.П.Меркульева, 1875 – 508 с.; Т.2. – Ярославль: тип. Т.В.Фалька, 1877 – 563 с.
28. Дитятин И.И. Столетие С.-Петербургского городского общества. 1785-1885. – СПб.: тип. Шредера, 1885. – 403 с.
29. Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. – СПб.: Тип. А.Пороховщикова, 1896. – 632 с.
30. Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России. Избранные труды. – М.: Наука, 1987. – 423 с.
31. Дубровский А.М. Русский феодальный город в современной англо-американской историографии // Русский город. – Вып. 8. – М.: Изд-во МГУ, 1986. - С.155-176.

32. Дубровский А.М., Михальченко С.И. Исследователь истории российских городов И.И.Дитятин // Феодальный город. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 1. - Брянск, 1993.
33. Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество. 1864-1917. – М.: Хронограф., 1998. – 180 с.
34. Зайончковский П. Военные реформы 1860-1870-х годов в России. – М.: Изд-во МГУ, 1952. – 370 с.
35. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история: От Екатерины Великой до Александра II. – М.: Мысль, 1994. – 765 с.
36. Захаров А.В. Народные образы власти // ПОЛИС. – 1998. - №1. – С. 23-35.
37. Зеленин Д.К. Избранные труды. – Т.1. Статьи по духовной культуре. 1901-1913. – М.: Индрик, 1994. – 397 с.
38. Златоустовский Б.В. Городское самоуправление // История Москвы. – М., 1954. – Т.4. – С. 461-515.
39. Евдокимова С.В. Некоторые вопросы управления городов Забайкалья в конце XVIII - первой половине XIX в. // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Сб. ст. – Иркутск: ИГПИ, 1987. – С.34-50.
40. Еремян В.В., Федоров М.В. Местное самоуправление в России (XII-начало XX вв.). Учеб. пос. – М.: Новый Юрист, 1998. – 176 с.
41. Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800 – 1860 гг.): Учеб. пос. – М.: МГИАИ, 1985. – 98 с.
42. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. Опыт историко-демографического исследования. – Барнаул.: Изд-во Алтай.ун-та., 2000.
43. Ильин В.И. Бюрократизация как социальный феномен // Бюрократизм и самоуправление. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 1990. – С.25-37.
44. Институты самоуправления: Историко-правовое исследование / Под ред. Л.С.Мамута. – М.: Наука, 1995. – 300 с.

45. История города Горького. – Горький.: Волго-Вятское кн.изд-во, 1971. – 576 с.
46. История местного самоуправления на Урале в XVIII – начале XX в.: город, село, деревня / Под ред. Н.А.Миненко. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – 148 с.
47. Каменский А.Б. Грамоты Екатерины II дворянству и городам 1785 г. // Вопросы истории. – 1993. - № 5. – С. 188-190.
48. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиция и модернизация. – М.: Новое лит.обозрение, 1999. – 328 с.
49. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 575 с.
50. Кантор А.М. Духовный мир русского горожанина. Вторая половина XVII века. Очерки. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. - 120 с.
51. Карнишина Н.Г. Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (середина 50-х-80-е гг. XIX века). – Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2001. – 40 с.
52. Кафенгауз Б.Б. Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. – М.: изд-во АН СССР, 1956. – С.151-163.
49. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. – X, 473 с.
50. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. – В 6 тт. – Т.3-4. XVIII в. – М.: ГИС-Патриот, 1992. – С.535-560.
51. Кириллов В.В. Русское градостроительство на переходе от средневековья к Новому времени // Русский город. – Вып. 8. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – С. 3-30.
52. Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. - М.: Наука, 1967. – 336 с.

53. Ключевский В.О. Сочинения в 9 тт. – Т.5. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1989.
54. Козлова Н.В. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. – М.: Археографический центр, 1994. – С. 214-229.
55. Козляков В. «Золотой век» русской провинции // Волга. – 1995. - № 5-6. – С.4-14.
56. Коновалов И.А., Толочко А.П. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – 81 с.
57. Кузнецов И.С. Центральная власть и местное управление в психоисторическом контексте // Проблемы истории местного управления Сибири XVII-XX вв. – Новосиб.: НГОНБ, 1996. – С. 102-105.
58. Кузнецов Я.И. Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам // Живая старина. – 1903. – Вып. III. – С. 396-404.
59. Кузьмин А.А. Городское самоуправление Самары 1851-1892 гг. – Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. - М., 2003.
60. Куприянов А.И. Городское хозяйство Западной Сибири в первой половине XIX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984. Сб. науч. тр. – Новосибирск: Новос. ун-т, 1984. – С. 76-87.
61. Куприянов А.И. Общественный быт горожан Западной Сибири. 1800-1861. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1987.
62. Куприянов А.И. Правовая культура горожан Сибири первой половины XIX // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII – первой половины XIX в. - Новосибирск, 1990. – С.81-101.
63. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века. Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М.: АИРО-XX, 1995. – 160 с.

64. Куприянов А.И. Представления о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // Менталитет и культура предпринимателей России XVII - XIX вв. Сб. ст. – М.: РАН, 1996. – С. 83-107.
65. Куприянов А.И. Русский горожанин в поисках социальной идентичности (Представления рядовых горожан об обществе в первой половине XIX в.) // История. Приложение к газете «Первое сентября». – 2000. – №24. – С. 14-16; № 25. – С.11-12.
66. Лавринович М.Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762-1796 гг.). – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 23 с.
67. Лаптева Л.Е. Государственное управление и местное самоуправление в России // Городское самоуправление и государственная власть: история, политика, экономика, право. – М., 1995. – С.11-13.
68. Лебедев С.К., Миронов Б.Н. Новая концепция русского доиндустриального города. Манфред Хильдермайер о русском дореформенном городе // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII – XX вв. в зарубежной историографии. – СПб.: Изд-во РАН, 1994. – С.32-53.
69. Луппов П.Н. История города Вятки. – Киров: Киров. книж. изд-во, 1958. – 237 с.
70. Луппов С.П., Петров Н.Н. Городское управление и городское хозяйство Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. // Очерки истории Ленинграда. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – С. 601-629.
71. Мальковец Н. Самоорганизация населения как важнейший фактор эффективности местного самоуправления // Городское управление. – 2001. - №6. – С.66-69.
72. Маркова Ю.Н. Деятельность городских дум в городах Тверской губернии в конце XVIII – начале XIX в. // Дни славянской письменности

- и культуры. Сб. докладов и сообщений. – Вып.5. – Тверь: ТГУ, 1999. – С.57-66.
73. Мерзлякова Л.В. Чиновничество в Вятской губернии первой половины XIX в.: (Опыт социально-политической характеристики): Автореферат диссертации ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1997.
74. Милашевич Н. Об общественных пожарных командах. – СПб.: тип. МВД, 1862. – 48 с.
75. Миронов Б.Н. Американская буржуазная историография русского феодального города // Вопросы истории. – 1984. - № 7. - С. 29-42.
76. Миронов Б.Н. Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной историографии // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 165-188.
77. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). – Л.: Наука, 1985. – 303 с.
78. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е гг.: демографическое, социальное, экономическое развитие. – Л.: Наука, 1990. – 272 с.
79. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-н.ХХ в.): Генезис личности, малой семьи, гражданского общества и правового государства. – В 2-х тт. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – Т.1. – 548 с.; Т.2. – 568 с.
80. Морякова О.В. Система местного управления в России при Николае I. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 272 с.
81. Муллов П.А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. – СПб., 1864. – 197 с.
82. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. – Л.: Наука, 1984. – 260 с.
83. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны / Под ред. А.С.Ушакова. – Вып.1. - М.: Тип. Грачева, 1865 – 186 с.; Вып.2. - М.: Тип. Лазар. инст-та, 1866 – 87 с.

84. Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в начале XVIII – начале XIX в. – М.: Наука, 1987. – 288 с.
85. Общественное устройство города Риги. Исследование ревизионной комиссии, назначенной министром внутренних дел. – СПб.: Тип. МВД, 1852. – 504 с.
86. Озеров Ю.В. Курское купечество в середине XIX в. – Курск: Маэстро-Принт, 2001. – 80 с.
87. Окунь С.Б. История СССР: Лекции. Ч.1. Конец XVIII – начало XIX в. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 222 с.
88. Орлова Г.А. Бюрократическая реальность // Общественные науки и современность. – 1999. - №6. – С.96-106.
89. Останина П.В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. Автореферат диссертации... канд. ист. наук. – М.: Изд-во МПГУ, 1996.
90. Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. – Пг.: Изд. М.И.Семенова, б.г. – 116 с.
91. Петряев Е. Люди, рукописи, книги. Литературные находки. – Киров: Волго-Вятское кн.изд-во, 1970. – 288 с.
92. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863-1917. – М.: Мосгорархив, 1998. – 568 с.
93. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. – 2001. - №2. – С.3-27; №3 – С.25-39.
94. Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. – СПб., 1852. – XI, 286 с.
95. Преображенский А. Россия в «век Екатерины» // Законодательство Екатерины II. – М.: Юридическая литература, 2000. – С. 9-45.

96. Пульхеров А. Великолуцкое городское общественное управление. 1785-1891. Историческое обозрение. – Псков: Псковский губстаткомитет, 1892. – 115 с.
97. Пушкарев С. Россия в XIX в. (1801-1914). – Нью-Йорк: изд-во И.М.Чехова, 1956. – 509 с.
98. Рабцевич В.В. Социальный состав органов городского самоуправления в Западной Сибири в 80-х гг. XVIII - первой четверти XIX в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 80-96.
99. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления (1775-1861): Автореф. дисс. ... – Свердловск, 1991. – 39 с.
100. Рабцевич В.В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII – первой половины XIX в. // Сибирские города XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1981. – С. 155-173.
101. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. – Новосибирск, 1984.
102. Размустова Т.О. Аспект целостности в феномене провинциального города // Провинциальный город: культурные традиции, история и современности. – М.: Эйдос, 2000. – С.28-33.
103. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 559 с.
104. Рындзюнский П.Г. Городское население // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. Сб. ст. – М.: изд-во Соцэкгиз, 1959. – С. 276-358.
105. Рындзюндский П.Г. Изучение городов России первой половины XIX в. // Города феодальной России. – М.: Наука, 1966. – С. 65-74.
106. Рутенбург В.И. Город и городская культура // Городская культура. Средневековье и начало Нового времени. – Л.: Наука, 1986. – 277 с.
107. Савельев А.А. Столетие городского самоуправления в Н.Новгороде. 1785-1885. – Н.Новг.: Тип.Ройского, 1885. – 32 с.

108. Сазонова Е.И. Материальная культура и быт русского провинциального города конца XVIII – начала XX в. (на примере городов Владимирской и Ярославской губ.). – Автореферат диссертации ... канд. ист. наук. - Ярославль, 2002. – 19 с.
109. Сафонов М.М. Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII-XIX вв. – М., 1988.
110. Семенов Д.Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. – СПб.: Тип. Н.Я.Стойковой, 1901. – 387 с.
111. Семибратов В.В. В Москву и Питер за один вечер // Кировская правда. – 1995. - №13. – С.2.
112. Середа Н.В. Городовые магистраты последней четверти XVIII в.: источниковедческое исследование по материалам Тверской губ. – Автореферат дисс. – М.: Изд-во РГГУ, 1994. – 21 с.
113. Середа Н.В. Граждане российских городов. Последняя четверть XVIII в. // Право: история, теория, практика. Сб. ст. – Брянск.: Изд-во БГПУ, 1997. – Вып.3. - 1999. – С. 165-172.
114. Сивков К.В. Управление и хозяйство Москвы // История Москвы. –М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. III. – С. 321-345.
115. Смирнов Ю.А. Белозерская городская дума. Обзор документов архивного фонда // Белозерье. Краеведческий альманах. – Вып.2. – Вологда: Легил, 1998. – С.393-412.
116. Соколова Е.С. Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития на примере привилегированного и полупривилегированного сословий (середина XVII – середина XIX вв.). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1995. – 17 с.
117. Столетие Вятской губернии. 1780-1880. – Вятка: губ. тип., 1880-1881. - Т.1-2.
118. Суворова Н.Г. Методология изучения традиционных институтов самоуправления (по материалам государственной деревни Западной

- Сибири XIX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XIX вв. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999.– С. 206-207.
119. Судакова О.Н. Ценностный мир русского купечества Нового времени (культурологический анализ). – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. – 190 с.
120. Судовиков М.С. Численность, происхождение и деятельность вятского купечества в конце XVIII в. // История и культура Волго-Вятского края. – Киров, 1994. – С. 138-141.
121. Судовиков М.С. Машковцевы. Купцы и общественные деятели // Купечество вятское. – Киров: Киров. обл. тип., 1999. – С. 15-34.
122. Твардовская В.А. Александр Дмитриевич Градовский: научная и политическая карьера российского либерала // Отечественная история. – 2001. - №2. – С.28-43.
123. Тинский А.Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII-XIX веках. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. – 228 с.
124. Тинский А.Г. Улицы. Площади. Дома. Вятка. Страницы истории. – Киров: Вятка, 1999. – 192 с.
125. Тихонов Д.А. Местное самоуправление: из истории концепции // Вестник Московского университета. – Сер.18. Социология и политология. – 2000. - №2. – С. 3-17.
126. Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Местное самоуправление: проблемы становления (опыт социологического анализа) // СОЦИС. - 1997. - №6. - С. 109-119.
127. Туманик Е.Н. Роль А.Н.Муравьева в преобразовании городского хозяйства Иркутска // Проблемы истории местного управления Сибири XVII – XX веков. Вып. VI. – Новосиб.: Кедр, 1997. – С.34-36.
128. Тюстин А.В. Пензенское купечество в органах местного самоуправления // Земство. Архив провинциальной истории России. – 1994. - №4. – С.60-70.

129. Фоменкова В.М. Вятка 40-х годов XIX века в письмах Генриха Каменьского // Вопросы истории Кировской области. – Киров: обл.тип, 1974. – С. 57-85.
130. Хохолев Д.Е. Екатеринбургский городской магистрат в системе управления Пермского наместничества (1781-1796 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. – С. 194-199.
131. Шанский Д.Н. Русский город периода феодализма (IX-XVIII вв.) во французской историографии XVIII-XIX вв. // Русский город. – Вып.7. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С.89-106.
132. Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Очерки социально-экономической и культурной жизни. – Иркутск: Отгиск, 2001. – 264 с.
133. Шефер А. Органы «самоуправления» царской России. – Куйбышев: ОБЛГИЗ, 1939. – 64 с.
134. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М.: МИРОС, 1998. – 448 с.
135. Юрьев В.П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории городского общественного управления. – Вятка: Вят.губ.тип, 1885. – 175 с.
136. Hittle M. The Service City. State and Townsmen in Russia, 1600-1800. – London, 1979. - 297 p.
137. Jones R.E. Provincial Development in Russia: Catherine II and Jakob Sievers. – New Brunswick, 1984. – XI, 255 p.
138. Le Donne J. Ruling Russia. Politics and Administration in the Age Absolutism. 1762-1796. Princeton; New Jersey, 1984.
139. Madariaga I.de. Russia in the Age of Catherine the Great. – New Haven, 1981. - 698 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГВ – Вятские губернские ведомости
- ВИ – Вопросы истории
- ГАКО – Государственный архив Кировской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ОИ – Отечественная история
- ОНС – Общественные науки и современность
- ПОЛИС – Политические исследования
- ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи (1830 г.)
- РГ – Русский город
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- РС – Русская старина
- СЗРИ – Свод законов Российской империи
- СОЦИС – Социальные исследования
- СПЖ – Социально-политический журнал
- ТВУАК – Труды Вятской ученой архивной комиссии
- ЭЗВ – Энциклопедия земли Вятской